AS262
.V4582
A2
vyp.41

35

ПИФ

41

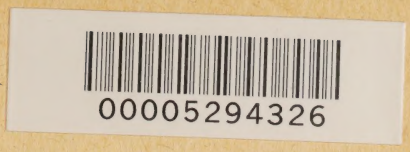
ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РОМАНО-ГЕРМАНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ВОЛГОГРАД, 1971

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

ENDOWED BY THE
DIALECTIC AND PHILANTHROPIC
SOCIETIES

AS262
.V4582
A2,vyp.41


00005294326

ESMO

ВОЛГОГРАДСКИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
им. А. С. СЕРАФИМОВИЧА

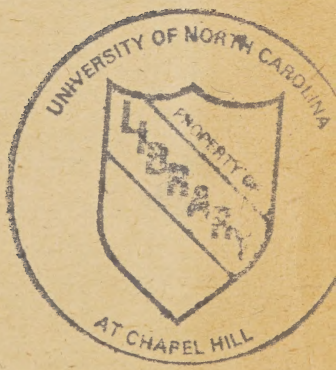
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ. ВЫПУСК 41

A5262
.V4582
A2
vyp. 41

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РОМАНО-ГЕРМАНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Выпуск 2

ISSLEDOVANIIA PO
ROMANO-GERMANSKOMU
IAZYKOZNANIIU



ВОЛГОГРАД, 1971

Редакция: доцент *И. В. Сентенберг* (научный редактор), доцент *С. И. Буракова*, доцент *Б. Т. Лазарева*, доцент *В. Т. Лебедева*, ст. преподаватель *Г. П. Вуоно* (ответственный секретарь).

126881

Р. Л. КОВАЛЕВСКИЙ

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ПОСТРОЕНИЯ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ МОДЕЛЕЙ

1. Описание регулярных словообразовательных конструкций рассматривается как одна из основных задач синхронного словообразования. В связи с этим вопросы инвентаризации словообразовательных средств, изучения закономерностей их взаимодействия, принципы синхронного анализа словообразовательной структуры слов получили достаточно широкое освещение в лингвистической литературе[1].

Примеры моделирования словообразовательных подсистем отдельных языков также подчинены решению указанной задачи[2]. Словообразовательная модель рассматривается в качестве структурно-семантического аналога производного, как общая формула его конструкции или организации[3] или же как стабильная структура, обладающая обобщенным лексико-категориальным (десигнативным) значением и способная наполняться различным лексическим материалом[4]. Такая трактовка сло-

---

[1] См. Е. С. Кубрякова. О путях изучения типологических особенностей языка в области словообразования. — Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966; она же. К вопросу о пространственном моделировании лингвистических систем. — ВЯ, 1967, № 2; А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка, М., 1956; М. Д. Степанова. О словообразовательных моделях. — Как подготовить интересный урок иностранного языка, М., 1965; она же. Методы синхронного анализа лексики, М., 1968.

[2] См., например, указ. соч. М. Д. Степановой и Е. С. Кубряковой.

[3] Е. С. Кубрякова. О путях изучения... стр. 80.

[4] М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики, стр. 149.

вообразовательной модели удовлетворяет требованиям дескриптивного подхода к изучению существующего лексического запаса языка и в стационарном, и в процессуальных планах[5], так как является аппроксимацией словообразовательной структуры и словообразовательного процесса, лежащего в основе создания слова.

Включение в сферу синхронного словообразования вопросов потенциального пополнения словаря[6] выдвигает необходимость построения моделей, задающих правила выбора и синтеза словообразовательных элементов и обеспечивающих построение лингвистически правильных слов[7]. Такая модель, представляющая собой правило построения слова, одновременно являлась бы аппроксимацией его словообразовательной структуры и словообразовательного процесса, то есть отвечала бы всем задачам синхронного словообразования и носила бы универсальный характер.

Однако построение моделей синтеза затрудняется тем, что до настоящего времени не сформулированы и однозначно не определены единицы плана содержания на уровне словообразования. Оперируя вполне определенными единицами плана выражения (суффиксами, префиксами, основами или их типами), мы должны располагать соотносимыми с ними единицами плана содержания, так как только в этом случае будет обеспечена возможность выбора необходимых словообразовательных средств и их дальнейшего синтеза с целью построения нового слова.

2. Попытки выработать понятия и определить единицы (содержательные величины) плана содержания на уровне словообразования предприняты в словообразовании, ориентированном на содержание (Inhaltbezogene

---

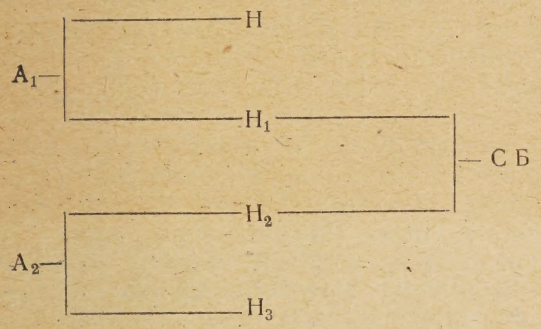
[5] О стационарном и процессуальном планах в словообразовании см. М. Д. Степанова. Словообразование и семантические системы — Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966, стр. 116.

[6] A. Boguslawski. W sprawie synchronii i diachronii w analizie morfologiecznej. — Poradnik jezykowy, 1960, zesz. 7; он же, Jeszcze o zagadnienach budowy wyrazów. — Poradnik jezykowy, 1962, zesz. 4; J. Erben, Deutsche Wortbildung in synchronischer und diachronischer Sicht. — Wirkendes Wort, Düsseldorf, 1964, H. 2.

[7] Слов, отвечающих словообразовательным нормам языка и обладающих смыслом.

Wortbildung)[8]. Методика определения содержательных величин сводится в общих чертах к следующему:

Внутри словообразовательного типа[9] устанавливаются семантические подразделения, представляющие собой словарные ниши (Wortnischen); ниши с общим содержанием объединяются в словарный блок (Wortstand)[10], представляющий собой содержательную величину, которая может реализоваться различными словообразовательными средствами. Зависимость между словарными нишами и словарными блоками можно изобразить графически следующим образом:



Допустим, что рассматриваемые два словообразовательных типа A_1 и A_2 содержат каждый по две словарные ниши: A_1—H и H_1, A_2—H_2 и H_3. Если, например, ниши H_1 и H_2 совпадают по своему содержанию, то они образуют один словарный блок (СБ). Ниши H и H_3, как не совпадающие по содержанию, будут относиться к различным блокам.

Таким образом, словарный блок представляет собой некую величину плана содержания, имеющую непосредственное отношение к словообразованию ввиду того, что

---

[8] K. Baldinger. Kollektivsuffixe und Kollektivbegriff. Ein Beitrag zur Bedeutungslehre im Französischen mit Berücksichtigung der Mundarten, Berlin, 1950; L. Weisgerber, Vierstufige Wortbildungslehre. — Muttersprache, 1964, H. 2.

[9] Словообразовательный тип объединяет все слова, созданные при помощи одного способа словопроизводства с использованием одного определенного аффикса.

[10] О словарных нишах и блоках см. указ. соч. Л. Вейсгербера, стр. 36 и сл. или в подробном изложении М. Д. Степанова. «Словообразование, ориентированное на содержание» и некоторые вопросы анализа лексики. — ВЯ, 1966, № 6.

она реализуется при помощи различных словообразовательных типов (словарный блок ⟷ словарная ниша ⟷ словообразовательный тип). Словарный блок выполняет классифицирующую функцию, заключающуюся в соотнесении словообразовательных элементов с категориями понятийного уровня, то есть объединяет в своего рода синонимичный ряд группы словообразовательных элементов с относительно общим десигнативным значением.

3. Анализ префиксальных словообразовательных типов интернациональных терминов-новообразований с компонентами греко-латинского происхождения позволяет установить следующие словарные блоки:

1) Словарный блок временных отношений, представленный префиксами ante- (antedatieren), proto- (protogen), archi- (Archigenese).

2) Словарный блок пространственных отношений, представленный префиксами ab-[1] (aboral)[11], ad- (adoral), extra- (extragalaktisch), in- (Infiltration), infra- (infrakrustal), inter- (interplanetar), super-$_1$ (superkrustal), supra-$_1$ (supraorbital), trans- (transplutonisch), ultra-$_2$ (ultraviolett), ekto- (Ektoskopie), en- (endermal). exo- (exotherm), meta- (Metagalaxis), para-$_1$ (parazentrisch), hypo-$_2$ (Hypoderm), peri- (Perikard).

3) Словарный блок временных и пространственных отношений включает префиксы, использующиеся то во временном, то в пространственном значении: epi-$_1$ (Epikard), post- (posthypnotisch, Postposition), prä- (Präsklerose, präkardial), pro- (Progenie), retro- (retrodatieren, retrobulbär), sub- (Suboxyd, subpolar).

4) Словарный блок процессуальности, представленный приставками epi-$_2$ (Epigenese), meta-$_{1,2}$ (Metabiose, metamorph).

5) Словарный блок привативности (отрицания, противопоставления или отсутствия чего-либо), представленный приставками a- (asynchron), ab- (abnorm), anti- (Antiproton), dis-$_2$ (Disfunktion), dys-$_2$ (dysplastisch), kontr(a)- (Kontraposition), para-$_2$ (Paragraphie).

---

[11] Цифровым индексом обозначены варианты морфем, относящихся к различным словарным блокам.

6) Словарный блок привативности, связанной с процессом, представленный приставками ana-$_1$ (Anagramm), apo-$_1$ (Aposporie), de- (Desensibilisation), des- (Desinfektion), dis-$_1$ (Disqualifikation), re- (Rekristallisation).

7) Словарный блок количества, представленный префиксами hemi- (hemizyklisch), meso- (Mesozephale), poly- (polysynthetisch), semi- (semihumid), pan- (panchromatisch), amphi- (Amphiploidie).

8) Словарный блок коллективности, представленный приставками syn- (Synostose), ko- (koaxial).

9) Словарный блок степени, представленный приставками ana-$_2$ (Anagenese), per- (Perhydrol), ultra-$_1$ (Ultrafilter), hyper- (Hypervitaminose), super-$_2$ (Superphosphat), supra-$_2$ (supranatural).

Каждый из перечисленных блоков объединяет элементы, манифестирующие определенные временные, пространственные, количественные и др. категории и отношения.

4. Приняв словарный блок за единицу плана содержания деривационных аффиксов, необходимо установить и систематизировать соответствующие единицы, манифестирующиеся первичными основами, вступающими в словообразовательные отношения с деривационными аффиксами, то есть чтобы получить необходимые данные для построения словообразовательной модели, необходимо описать весь инвентарь словообразовательных значений, установить способы выражения каждого значения и сформулировать правила сочетаемости словообразовательных значений и морфов, выражающих эти значения[12].

Так, например, сгруппировав ряд первичных основ, выражающих процесс, и приняв данную величину содержания за основу словарного блока[13], необходимо установить ее валентные связи с перечисленными блоками. Исследование сочетаемости первичных основ интер-

---

[12] См. подробнее З. М. Волоцкая. Об одном подходе к описанию словообразовательной системы. — Лингвистические исследования по общей и славянской типологии, М., 1966, стр. 51.

[13] Возможность объединения основ в словарные блоки на основе общности их содержания подчеркивается в ряде работ. См., например, М. Д. Степанова. Словообразование, ориентированное на содержание..., стр. 48 и сл.

национальных терминов, выражающих процесс, с префиксами греко-латинского происхождения, относящимися к перечисленным словарным блокам, позволило вскрыть следующие валентные отношения:

Основы, выражающие процесс, сочетаются с аффиксами, относящимися к 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 и 9-му словарным блокам.

Ввиду того что основы, выражающие процесс, представлены основами имен существительных L_S и основами глаголов L_V, возможно построение 16 моделей префиксации:

M_1: P_1+L_S[14]
M_2: P_1+L_V
M_3: P_2+L_S
M_4: P_2+L_V
M_5: P_3+L_S
M_6: P_3+L_V
M_7: P_4+L_S
M_8: P_4+L_V
M_9: P_6+L_S
M_{10}: P_6+L_V
M_{11}: P_7+L_S
M_{12}: P_7+L_S
M_{13}: P_8+L_S
M_{14}: P_8+L_V
M_{15}: P_9+L_S
M_{16}: P_9+L_V

Предпринятое автором экспериментальное построение терминов по предложенным моделям показывает принципиальную возможность построения на их основе слов, отвечающих словообразовательным нормам и обладающих смыслом. Значение построенных терминов семантически и логически мотивируется их непосредственно составляющими, например:

P_1+L_S — *Protogenese, P_2+L_S — *Ektodiagnose,
P_3+L_S — *Retrodiagnose, P_4+L_S — *Metasubstitution,
P_8+L_S — *Koovulation, P_9+L_S — *Hyperregeneration.

Естественно, что возможность сочетаемости конкретных словообразовательных элементов при построении определенного слова в значительной степени зависит от семантики и индивидуальной специфики их дифференциального значения. Кроме того, вероятность возникновения слова обусловлена, в первую очередь, экстралингвистическими факторами: возникновением определенного понятия. Логическая соотнесенность возникшего понятия со словообразовательными элементами и их содержанием будет влиять на выбор конкретных основ и аффиксов.

---

[14] Условные обозначения: М — модель, цифровой индекс внизу — номер модели; Р — префикс, цифровой индекс внизу — номер словарного блока, к которому относится префикс.

Однако, если их использование зависит от экстралингвистических факторов, само построение диктуется лингвистическими закономерностями, то есть словообразовательной моделью.

Таким образом, при построении словообразовательных моделей представляется в принципе возможным использовать в качестве единиц плана содержания словообразовательного уровня понятие словарного блока.

Однако перспективность его использования в словообразовании будет зависеть, на наш взгляд, от выработки объективной методики установления содержательных величин, которые могут быть положены в основу словарного блока.

Г. Т. КОСТЕНКО

О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ НЕУПОРЯДОЧЕННОСТИ ТЕРМИНОЛОГИЙ

(На материале английской литературоведческой терминологии)

Среди терминологий отдельных наук особенной неупорядоченностью и хаотичностью отличаются терминологии гуманитарных наук и, в частности, литературоведческая терминология. Об этом пишут в своих исследованиях по русской литературоведческой терминологии Г. Ф. Коновалова[1] и Е. Е. Вайнтруб[2], на недостаточную установленность общепринятой терминологии указывают также литературоведы[3], о несогласованности в понимании и употреблении отдельных обозначений шла речь на совещании по литературоведческой терминологии в Москве в 1961 г.[4].

Отсутствием строгой системности и семантической однозначности страдает не только русская литературоведческая терминология, но и английская, которая довольно обильно представлена такими нежелательными для терминолексики явлениями, как синонимия и полисемия. Многие литературоведческие термины очень неустойчивы, быстро изменяются, не имеют строго очерченных значений. Все это отрицательно влияет на точность терминологии и приводит к несогласованности в понимании терминов специалистами.

---

[1] См. Г. Ф. Коновалова. Литературоведческая терминология в произведениях В. Г. Белинского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1953.

[2] См. Е. Е. Вайнтруб. Литературоведческая и языковедческая терминология в произведениях А. С. Пушкина. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Киев, 1967.

[3] См. М. П. Алексеев. Из истории английской литературы, М., 1960, стр. 453.

[4] Русская литература, № 2, 1961, стр. 274.

На неустойчивость английских литературоведческих терминов, на зыбкость их семантических характеристик указывают многие составители английских литературоведческих словарей. Так, Джозеф Шипли, ссылаясь на непостоянство и изменчивость многих литературоведческих терминов, считает возможным дать в своем словаре только отправные точки «к достижению приближенного представления о правильном употреблении их, что очень необходимо, но чего так недостает современным критикам»[5]. Авторы другого словаря, С. Барнет, М. Берман и В. Берто, также затрудняются, в условиях семантической неопределенности литературоведческих терминов, точно истолковать их. Шутливо позавидовав диккенсовскому Битцеру, так быстро и точно определившему, что такое лошадь, авторы считают подобную точность в отношении литературоведческих терминов невозможной, поэтому их определения в словаре «являются только грубыми приближениями того, как их употребляют некоторые критики»[6].

В чем же причина семантической неустойчивости и неопределенности термина, почему слово языка науки и техники, которое по самой сути своей должно быть четким и точным, на деле оказывается расплывчатым, неконкретным, «многоликим»?

Существует мнение, что в неупорядоченности научно-технических терминологий зачастую повинны специалисты и ученые, небрежно пользующиеся терминами, пренебрегающие разграничением сходных понятий и тем самым расшатывающие смысловые «устои» термина[7]. Этот фактор имеет место, но не он, на наш взгляд, является определяющим. Неупорядоченность терминологий возникает в первую очередь в результате целого ряда объективных причин, носящих непреходящий характер и создающих потенциальные условия для «вольности» в употреблении терминов. Остановимся на разборе некоторых из этих причин.

---

[5] Shipley, Joseph. Dictionary of World Literary Terms, London, 1955, p. 416 (перевод автора).

[6] S. Barnet, M. Berman, W. Burto. A Dictionary of Literary Terms, London, 1964, p. 5 (перевод автора).

[7] М. Н. Алексеев, ук. раб.; Л. Г. Рохчина. Опыт описания отраслевой лексической системы (на материале артиллерийской лексики немецкого языка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, М., 1966.

Мы считаем, что в смысловой неточности литературоведческого термина прежде всего «повинны» сами обозначаемые ими понятия. Дело в том, что, в отличие от других наук, оперирующих многообразными вещественными объектами, гуманитарные науки и, в частности, литературоведение имеют своими объектами чаще всего абстрактные понятия, причем многие из них очень неопределенны по содержанию, широки по объему, охватывают большое количество необходимых признаков и поэтому трудно поддаются четкому научному определению. Понятие же, которое не имеет четкого научного определения, не может получить и четкого названия, отражающего специфику явления[8]. Именно такой расплывчатостью смыслового содержания и отличаются английские литературоведческие термины, соотносящиеся с подобного рода понятиями.

Термин style «стиль», например, соотносится с очень неконкретным по содержанию понятием, отличающимся чрезвычайно широким охватом характерных признаков, которые предполагают и технику пользования языковыми средствами вообще, и языковое мастерство, и индивидуально-творческое использование средств языка, и совокупность идейно-художественных особенностей творчества писателя[9]. Не удивительно поэтому, что и в русском и в английском литературоведении термин style не имеет отчетливой семантической характеристики, является источником терминологической путаницы.

Примером семантической неточности термина, вызванной неуточненностью соответствующего понятия, может быть и термин stream-of-consciousness. Созданный в 1890 г. Уильямом Джеймсом для обозначения в психологии бессвязного потока сознания, этот термин вскоре вошел в литературоведческий обиход, не имея четкой понятийной отнесенности: то предполагая систему приемов, используемых для фиксации «потока сознания», то художественный метод, то определенный взгляд писателя на человека и общество. Необходимой терминологической однозначности он не получил и до сих пор,

---

[8] Э. Ф. Скороходько. Вопросы перевода английской технической литературы, Киев, 1960.

[9] Подробно об этом см. И. Р. Гальперин. Очерки по стилистике английского языка, М., 1958.

о чем свидетельствуют замечания отдельных критиков[10].

В английской критической литературе[11] есть много указаний на то, что литературоведческие понятия, терминируемые словами realism, modernism, surrealism, symbolism, romanticism, tragic, comic, heroic, epic, humour, irony, imagery, poetry, imitation, theme, imagination, impressionism, motif и другие, еще не получили четких научных характеристик, а следовательно, и соответствующие термины не могут иметь четких значений.

Таким образом, причиной несогласованности в понимании и употреблении отдельных терминов может служить *широта объема и нечеткость содержания отдельных литературоведческих понятий и, как следствие этого, неопределенность смысловой структуры соответствующих терминов.*

Литературные понятия не представляют собой застывших, раз и навсегда данных категорий. Они меняются, уточняются, расширяются. Появляются новые понятия, отражающие изменения в жизни, развитие науки, смену научных гипотез и воззрений. Этот процесс динамичности действует постоянно и не проходит бесследно для терминологической лексики. Она также находится в постоянном движении, изменяясь как количественно, так и качественно путем перераспределения значений у ранее существующих терминологических единиц. Такая подвижность нарушает единозначную соотнесенность терминов с понятиями.

Отдельные термины, сохраняя первоначальное значение, начинают использоваться для репрезентации новых понятий, соотносясь таким образом с двумя понятиями одновременно, что приводит к расплывчатости, а иногда и к противоречивости их значений. Показательным в

---

[10] Так, Роберт Хампфри пишет: «Stream-of-consciousness is one of the delusive terms which writers and critics use... We never know whether it is being used to designate the bird of technique or the beast of genre — and we are startled to find the creature designated is most often a monstrous combination of the two». (Robert Humphfrey, Perspectives on Fiction, New York, 1969, p. 253).

[11] A Grammar of Literary Criticism, New York, 1965; I. W. Kratch. «Modernism» in Modern Drama, New York, 1962; Frank Kermode, The New Apocalyptists. — The Partisan Review, v. 36, No. 3, 1966; R. S. Crane, W. R. Keats. Critics and Criticism, New York, 1962, и др.

этом плане является широко используемый в научной литературе термин hero.

Слово hero в терминологическом употреблении первоначально имело значение «главное действующее лицо, обладающее положительными чертами характера». Такому главному действующему лицу в произведении часто противопоставлялся отрицательный персонаж (villain, counter-player), конфликт между которыми и составлял основную канву повествования в традиционном романе. Однако по мере изменения содержания рассматриваемого литературного понятия («главное действующее лицо»), предполагающее теперь любой многосторонне изображенный образ, влияющий на развитие событий в произведении, будь то лицо, являющееся, с точки зрения писателя, примером поведения для человека, или лицо, вызывающее гнев и отвращение, термин hero утрачивает свою единичную понятийную отнесенность и одновременно начинает терминировать новый признак в понятии «главное действующее лицо», а именно «главное действующее лицо как положительного, так и отрицательного плана», утрачивая при этом точность своего смыслового содержания. Такая семантическая расплывчатость не способствовала ясности изложения, и для устранения ее термин hero в научном обиходе стали уточнять определениями то positive, чтобы вернуть термину первоначальное значение, то main, central, leading, чтобы акцентировать внимание на втором. Это в свою очередь привело к новым семантическим сдвигам в термине hero: он стал соотноситься с понятием «действующее лицо, персонаж» (это и понятно: если есть в произведении main hero, то все остальные персонажи просто hero). Термин hero, таким образом, утратил свою семантическую четкость и стал многозначным.

Изменения в семантике термина hero повлекли за собой изменения в смежном термине protagonist (греч. «главный актер» > англ. «главное действующее лицо в пьесе»), который начал выступать в значении «главное действующее лицо» в любом виде литературного произведения, вероятно, для освобождения термина hero от дополнительной смысловой нагрузки. Это привело к дублетности в обозначении одного и того же понятия и увеличило число многозначных терминов в литературоведении. А между тем модификации в содержании литера-

турного понятия «главное действующее лицо» продолжаются.

В 50—60-е годы XX века главное действующее лицо у большинства английских романистов из героя превратилось в свой антипод — образ «озлобленного» молодого человека, мятежного и вместе с тем апатичного. Термин hero, при всей его многозначности, многими литературоведами был признан несостоятельным для обозначения указанного типа главного действующего лица, и появился целый ряд контекстуально-синонимичных новообразований (new hero, non-hero, a new kind of protagonist, the Lucky-Jim-type hero, anti-hero, unheroic hero и т. д.).

Эта контекстуальная синонимичность завершилась образованием нового термина (anti-hero), получившего признание у ряда лексикографов[12]. Но наряду с новым термином по традиции используется и термин hero для обозначения указанного выше типа главного действующего лица, что затрудняет взаимопонимание. Итак, другой причиной расплывчатости смысловой структуры терминов является *подвижность объема и содержания самих литературоведческих понятий.*

Встречающееся в науке смешение разных понятий подчас происходит не только из-за неясности соответствующих научных вопросов или подвижности содержания научных понятий, но и в результате *использования терминов в нетерминологическом значении.* Известно, что между специальной лексикой и остальной частью лексического состава языка существует постоянный контакт, глубокое и сложное взаимодействие: слова общенародного языка, терминируясь, переходят в разряд терминолексики, а термины, в свою очередь, служат источником пополнения общенародной лексики; при этом термины могут стать омонимами, синонимами или антонимами слов общего употребления. Импульсы, идущие от «родственных» слов общенародного языка, нередко нарушают чистоту и строгость установившихся терминологических значений. Например, уже упоминавшийся термин protagonist, омонимично функционирующий как общеупотребительное слово со значением «ведущее лицо в полемике, главное действующее лицо»[13], стал ошибочно

[12] Fowler. Dictionary of Modern English Usage, 1965. A. F. Scott. Current Literary Terms, London, 1965.
[13] The Consise Oxford Dictionary of Current English.

рассматриваться и употребляться как антоним слова antagonist[14] и сейчас так интенсивно используется в этом новом значении («защитник»), что Фаулер вынужден заявить: «Против искушения рассматривать слово protagonist как антоним слова antagonist, кажется, не устоять, и его употребление в таком смысле, возможно, скоро придется считать прочно закрепившимся»[15]. Автор другого словаря-справочника Р. Копперуд также указывает на этот семантический сдвиг у слова protagonist: «Есть все основания считать, что, даже если слово protagonist сейчас употребить в его истинном значении «ведущий актер», его будут воспринимать в значении «защитник, приверженец» — настолько широко распространилось это неправильное употребление»[16].

Изменения, которые претерпевает слово protagonist, оказывают влияние на его омоним в терминосистеме, изменяя и расшатывая его и без того неустойчивую (как мы видели выше) понятийную характеристику. Как пример неблагоприятного «содружества» общеупотребительной и терминологической лексики можно указать еще на термин epic «торжественное поэтическое повествование, посвященное героической личности, событию или традиции» (Фаулер, Перевод автора), который в последнее время используется в общем употреблении (особенно у кинопродюсеров) как модное словечко для обозначения фабульного фильма, а также пьесы с антигероем. Возможная множественность использования слова epic в указанном значении может привести к образованию нового слова общелитературного языка, являющегося терминологическим по происхождению. А пока такая вольность в пользовании термином epic не может способствовать целостности и точности смыслового содержания термина.

Подобные примеры без труда можно было бы продолжить, но и без этого ясно, что постоянное взаимодей-

---

[14] Слово protagonist, которое восходит к греч. protos «первый» + agonist «актер, деятель», ошибочно этимологизируется как «pro» «за» (в смысле «являющийся сторонником») + agonist, что позволяет употреблять его как антоним слова antagonist (греч. ant — «против» + agonist «актер, деятель»).

[15] Фаулер, указ. раб. (см. сноску 12).

[16] Roy H. Copperud. A Dictionary of Usage and Style, New York, London, 1964, словарная статья «Protagonist». (Перевод автора).

ствие между словами общего употребления и специальной лексикой создает условия для возникновения у отдельных терминов различных временных планов и зависимостей, что может наносить ущерб однозначности термина и вызывать разнобой при пользовании им.

Рассмотренные выше причины неупорядоченности терминологий являются, на наш взгляд, главными, но не исчерпывающими. Размеры данной статьи не позволяют подробно остановиться на других, также важных, обстоятельствах, как-то: взаимоотношение исконной и заимствованной терминолексики, взаимоотношение сходных понятий и категорий у смежных наук (литературоведения, языкознания, эстетики, философии, искусствоведения и т. п.), включающих в свои терминологические системы ряд «смежноотраслевых терминов» (термин Л. Г. Рохчиной), терминологические традиции и пр.

Все рассмотренные нами причины и обстоятельства возникают в силу объективной сложности лингвистических и экстралингвистических явлений, они присутствуют постоянно и действуют комплексно, их нельзя избежать или устранить[17]. Именно они[18] и создают условия для несогласованности и разнобоя в пользовании терминами, что приводит в конечном счете к неупорядоченности терминологий. Каким же образом можно при наличии указанных обстоятельств нормализовать терминосистемы, навести порядок в терминологической лексике?

В нашей стране в настоящее время приобрела широкий размах работа по упорядочению терминологий: разрабатываются теоретические вопросы термина, изучается история становления отдельных терминологий и история происхождения отдельных терминов, исследуются источники и пути образования терминов, рассматриваются вопросы перевода терминов с одного языка на другой и т. п. Однако эта работа ведется в известной мере разобщенно и непланомерно.

---

[17] В развитии языка значительное место занимает элемент стихийности, случайности. «В языке... не все разумно. Его не делают. Он сам делается». (E. Andrews, A History of Scientific English, New York, 1947, p. 45—46. Перевод автора).

[18] Мы не отрицаем наличия и субъективных причин (неосведомленность и небрежность в употреблении терминов, использование их в превратном смысле и т. п.), но не они, как мы думаем, являются ведущими.

Коль скоро ведущими причинами являются факторы динамичные, которые нельзя задержать, остановить, упорядочить, а затем снова пустить в действие, то, следовательно, большое внимание нужно уделять тщательному и систематическому изучению факторов и явлений, порождаемых ими. Необходимо научно скоординированное планомерное и всестороннее обследование источников с целью:

а) определения актуальности и употребительности терминов с рассмотрением особенностей их контекстуальной реализации;

б) сопоставления и оценки окказиональных синонимических вариантов и терминодублетов;

в) сбора нового терминологического материала с последующей научной обработкой его;

г) выявления расхождений между исконными и взаимосвязанными терминами, выражающими родственные понятия;

д) изучения терминологических тенденций и т. д.

Одновременно с этим необходимо постоянно изучать и уточнять систему понятий, ибо попытки упорядочения терминов без предварительного анализа и уточнения содержания и объема понятий, которые ими выражаются, чаще всего остаются безрезультатными[19].

Указанная работа, проводимая оперативно и планомерно, должна завершаться в каждый определенный промежуток времени представлением специалистам и лексикографам научных рекомендаций по употреблению терминов, что, на наш взгляд, и позволит поддерживать четкое и унифицированное пользование ими.

---

[19] В. В. Виноградов. Вступительное слово. — Вопросы терминологии, М., 1961.

Б. Т. ЛАЗАРЕВА

О СИНОНИМИЧЕСКИХ СВЯЗЯХ В ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЕ

В современном английском языке достаточно четко выделяется лексико-семантическая группа (в дальнейшем ЛСГ)[1], которая объединяет слова, выражающие различные осмысления такого предмета реальной действительности, как «верхнее платье» (dress, gown, robe, frock, attire, costume, garment, apparel, raiment, vesture, clothes...). Ограничение этой группы проводилось по линии смысловой структуры слова dress как наиболее четкого по значению и наиболее употребительного в современном английском языке.

Исследуемые слова являются именами существительными со слаборазвитой многозначностью; в их смысловой структуре преобладают номинативные значения, они почти лишены эмоциональной и стилистической окрашенности. Анализ их смысловой структуры показывает, что они связаны между собой различным образом и могут быть разбиты внутри ЛСГ на особые подгруппы. Так, слова robe, gown, costume, dress, frock объединяются в подгруппу благодаря наличию в их смысловой структуре значения «женское платье». Array, rainment, vesture составляют особую подгруппу слов, так как употребляются в поэтическом стиле, а слова robe, attire, array и другие могут быть выделены в самостоятельную группу по переносному значению «покров». Одно и то же слово может входить в состав нескольких подгрупп внутри ЛСГ.

[1] Лексико-семантическая группа представляет собой объединение слов как единиц словарного состава, по основному для слова признаку — лексическому значению. См. А. А. Уфимцева. Опыт изучения лексики как системы, М., 1962, 137.

Наша работа посвящена рассмотрению одного из предполагаемых синонимических рядов, входящих в данную ЛСГ, а именно ряда, состоящего из слов dress, frock, gown, costume, robe, объединенных общим значением «верхнее женское платье».

Исследование слов данного ряда на уровне парадигматики[2], вне речевого контекста, показывает, что они являются семантически близкими, может быть, тождественными, так как словарь часто прибегает к использованию слов той же группы для истолкования значений каждого из ее членов.

Это вполне очевидно из приведенных ниже толкований слов[3]:

dress — a lady's **robe** or **gown**, made not merely to clothe but also to adorn

costume — a woman's **gown** as the chief piece of her **costume**

robe — a trade name for a special form of lady's **dress**, a piece of material partly shaped for a **gown**

frock — the outer **garment** for indoor wear of woman; a **gown**, a **dress**

gown — a woman's **garment**..., a **frock**

Установить сходство и различие между предполагаемыми синонимами таким путем не представляется возможным.

Исходя из словарных толкований исследуемых слов, можно было бы предположить, что отдельные члены группы являются подвидовыми обозначениями видового значения «женское платье» Словарные толкования, казалось бы, подтверждают это:

frock — the outer garment for indoor wear of women and children, **consisting of a bodice and skirt**

---

[2] «Говоря о синонимах, характеризуя их как элементы лексического состава языка, как элементы лексико-семантической системы, их следует рассматривать на ступени той «лингвистической абстракции», которую имеет слово вне всякого контекста, то есть слово в словаре». См. А. П. Евгеньева. Основные вопросы лексической синонимики, «Очерки по синонимике современного русского литературного языка», М.—Л., 1966, стр. 26.

[3] The Shorter Oxford English Dictionary, Oxford, 1956.

gown — a woman's garment **fitting close to the upper part of the body with flowing skirts**

robe — a trade name for a **special form** of lady's dress

Однако использование данных слов для истолкования значения друг друга позволяет думать, что их отношения имеют иной характер. В связи с этим вопрос о характере отношений между словами, образующими данный ряд, вероятно, следует решать путем анализа их употребления в контексте.

Предполагая, что мы имеем дело с синонимическим рядом, мы, в своем анализе материала исследования, опираемся на следующее определение синонимов: «Синонимами следует считать слова, обозначающие одно и то же понятие, тождественные или близкие по значению, слова, которые определенным образом соотнесены в данное время в языке и служат детализации и различению тонких смысловых оттенков понятия или выражению экспрессивных, стилистических, жанровых и иных различий»[4].

Для определения предметно-понятийной общности исследуемых слов нам надо установить основные существенные признаки предметов, отраженные в их значениях[5]. Процедура выделения существенных признаков в границах языка проводилась нами путем применения трансформации объяснений[6], данных для исследуемых слов в словарях[7].

Используя толкования из словаря The Shorter Oxford Dictionary и проведя необходимые преобразования, мы получили следующие их трансформы:

dress — **lady's outer garment** made not merely to clothe but also to adorn

frock — **a lady's outer garment** for indoor wear, consisting of a bodice and skirt

---

[4] А. П. Евгеньева. Указ. соч., стр. 29.

[5] Существенными называются признаки, необходимые и достаточные для того, чтобы с их помощью отличить данный предмет и данное понятие от всех остальных (И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966, стр. 89).

[6] И. В. Арнольд. Указ. соч., стр. 92—94.

[7] The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield, Lnd, 1958. The Shorter Oxford English Dictionary, Oxford, 1956.

gown — **a lady's outer garment** fitting close to the upper part of the body with flowing skirts

costume — **a lady's outer garment** as the chief piece of her costume

robe — a trade name for a special form **of a lady's outer garment**

Трансформированные толкования имеют общую часть, которая указывает на смысловые компоненты, выражающие существенные признаки, которые объединяют данные слова в одну группу и отличают их от всех других. К ним относятся компоненты: Lady's, outer garment. Переменные части трансформ обозначают компоненты, дифференцирующие значения исследуемых слов внутри ряда. Наличие общих смысловых компонентов в структуре исследуемых синонимов свидетельствует о том, что в основе их значений лежит общее понятие. Но содержанием понятия не исчерпывается содержание значения слова, так как в лексическом значении слова находят свое выражение языковые особенности слова, т. е. грамматические особенности и соотносительные связи с другими словами и системой в целом.

Для того чтобы решить вопрос, реализуются ли в речи дифференциальные смысловые компоненты анализируемых слов, мы обратились к дистрибутивному анализу, который показал, что все слова имеют одинаковую дистрибутивную модель, вернее, ряд моделей, и общую для большинства членов ряда лексическую сочетаемость. Исследуемые синонимы реализуют значение «женское платье» в определительных сочетаниях A+N, N+of+ $+N_1$, N+определительное придаточное предложение, в глагольных сочетаниях V+N, V+Pr+N и др. Семантические классы слов, сочетающиеся с членами данной синонимической группы, являются одинаковыми для всех синонимов. В определительных словосочетаниях мы находим слова, выражающие физические и оценочные признаки предметов, обозначенных исследуемыми словами. Например: цвет (blue, cream, grey...), материал (velvet, satin, print, crepe...), качество (warm, thin, soft...), форму (long, close-fitting, tight, low-cut...), назначение (summer, walking, ball, mourning), оценку (simple, ugly, hideous, lovely, shocking...). Исследуемые слова сочетаются с глаголами со значением «надевать, иметь на себе» (to be dressed in, to have on, to put on,

to wear), с глаголами, выражающими оценку (to like, dislike, hate, admire...) и с разнообразными глаголами, обозначающими действия, направленные на предмет (to catch, to hang, to take out, to choose, to buy...). В этом направлении сочетаемость является открытой.

Итак, поскольку все слова выражают одно понятие, имеют общую сочетаемость и дистрибутивные модели, их, очевидно, можно считать синонимами.

Однако этого недостаточно для определения характера синонимии внутри данного ряда. Для определения характера синонимических отношений мы рассмотрели отношения между каждым из членов ряда со словом dress, которое является наиболее употребительным в языке и по лексическому значению которого шло отграничение группы в целом. Анализ контекстов употребления dress и frock свидетельствует о том, что отличительные признаки «made not merely to clothe but... to adorn» и «for indoor wear» несущественны в современном английском языке. Например:

1) ...The decently **mended but old dresses** of the girls. (M. Mitchel).

2) ...plump and drab in a **faded cotton dress sagged at the** hem. (G. Braine).

3) The **shabby dress** had disappeared. (C. Garvice).

4) ...obviously off **for a picnic.** They were in pretty summery **frocks.** (M. Barnes).

В вышеприведенных примерах оба слова выступают в значении «женское платье». Смысловые признаки, которые должны различать данные слова согласно словарным толкованиям, в контекстах не реализованы.

Авторы могут использовать оба слова в одинаковых контекстах, часто для того, чтобы избежать близкого повторения одного и того же слова. Это можно видеть из следующих примеров:

5) Beatrice stared at me in great distress, my **blue frock** over her arm. (D. Du Maurier p. 250). I began to iron **the blue dress** that Beatrice had taken from the wardrobe. (D. Du Maurier p. 255).

6) ...and Bonnie, dressed in a sadly torn **dress** that was her Sunday **frock...** (M. Mitchel).

7) I am glad you admire **the frock,** said Kitten. (W. Graham). I like Miss Rose better than you: she admires my **dress.** (W. Graham).

Нейтрализация дифференцирующих признаков является постоянным фактором функционирования слов dress и frock в речи.

Семантические отношения между словами dress и frock, на наш взгляд, можно определить как отношения семантического тождества. Данные слова имеют одинаковую дистрибуцию и лексическую сочетаемость и вполне взаимозаменимы в любых контекстах. В некоторых произведениях авторы отдают предпочтение одному из них и используют слово для описания всех видов и состояний предмета, называемого «женское платье». Слово frock отличается от dress меньшей частотностью употребления. Оно встречается примерно в полтора раза реже.

Слово gown имеет значение «a woman's outer garment esp. a rather elaborate one, for indoor wear». Можно считать, что оттенок «a rather elaborate one» реализуется в контексте, так как слово gown используется, как правило, для описания нарядных, красивых туалетов. Например:

8) ...while Mabel, in a **pretty gown of coral-pink**... (W. Le Queax).

9) «And did you ever see a **lovelier gown**?» (M. Barnes).

10) ...**looking like a picture** in her black satin **gown**... (V. Lysenko)).

Однако данный оттенок обычно выявляется в сочетаниях слова gown со словами положительной оценки, что видно и в приведенных примерах.

Слово gown может взаимозаменяться со словами dress, frock именно с этим оттенком значения. Например:

11) She waved her hand in the direction of the rack of half-finished **dresses**. «Mostly evening **gowns** for concerts». (V. Lysenko).

12) The bride wore **a gown** of white satin,... The bride wore **a dress** of raw silk... (The Times).

Встречаются случаи, в которых оттенок, присущий слову, не реализуется, о чем обычно сигнализирует лексическое окружение слова. Например:

13) She found her in **a depressed looking gown** with a limp hat, trying to milk a very strong, energetic Nanny-goat. (M. Barnes).

14) ...how smart and chick a woman could appear in a **gown of almost funeral aspect.** (W. Le Queak).

Однако такие примеры немногочисленны.

Очевидно, слово gown можно считать идеографическим синонимом слов dress и frock, так как его значение не совпадает полностью со значениями dress и frock. Слово costume может выступать как равнозначное слову dress в значении «женское платье». Например: I suppose Diana will wear **a costume** by Worth. (C. Garvice. p. 33). The **costume** might have been Worth's, but it was as simple as any... It was a black **dress** of some soft material... (C. Garvice. p. 34).

По-видимому, его можно рассматривать как абсолютный синоним слов dress и frock, но с очень малой частотностью употребления.

Слово robe четко противопоставляется всем словам ряда по семантическому признаку «просторное, ниспадающее платье». Например: Again, would I see Madge herself in flowing white **robes** made of the stuff from which fleecy clouds wrought. (C. Major).

Этот признак выступает как постоянный и существенный в слове robe, что препятствует, на наш взгляд, образованию системных синонимичных отношений между robe и другими членами ряда. В качестве контекстуального синонима оно употребляется редко (10 примеров на 200 со словом dress). Если и встречаются случаи взаимозаменяемости robe со словом dress, то только при сохранении семантического признака «просторное, ниспадающее платье». Например: «...for she drew a shimmering white **dress,** from a drawer and held it up for inspection. «A truly ghost-like **robe**», Laughed Robina bitterly (W. Graham).

Чаще оно встречается в описаниях национальных форм одежды или одежды некоторых социальных групп (монахи, жрецы). Вероятно, слово robe должно быть исключено из исследуемого синонимичного ряда.

Итак, в данной ЛСГ мы наблюдаем случай полилексии, то есть скопления синонимов для обозначения одного понятия. По мнению лингвистов, занимающихся вопросами синонимии, при полилексии синонимы стремятся к дифференциации своих значений. С другой стороны может возникнуть и дублетность, при которой на пер-

вый план выступает семантическое тождество синонимов[8].

Наши наблюдения показывают, что исследуемые слова, существуя в языке уже значительное время, теряют дифференциальные смысловые признаки, становятся почти тождественными в своих значениях, отличаясь друг от друга лишь частотой употребления. Очевидно, их возможно определить как лексические дублеты.

Некоторые лингвисты не считают возможным относить лексические дублеты к синонимам в строгом смысле слова, так как «их ряды не обладают сложной структурою, присущей настоящим синонимическим рядам»[9].

Мы склонны думать, что лексические дублеты должны входить в синонимические ряды в качестве абсолютных синонимов, так как в современном языке функция тождества синонимов имеет немаловажное значение, особенно в речи. К тому же фонетическая форма и структурные качества лексических дублетов, обеспечивая звуковое и графическое разнообразие синонимической группы, очевидно, играют какую-то дифференцирующую роль для говорящих на английском языке. Различие в частотности употребления каждого из слов также нужно принять во внимание.

Итак, синонимический ряд dress, gown, frock, costume, входящий в ЛСГ со значением «одежда», можно считать состоящим из абсолютных синонимов (лексических дублетов) dress, frock, costume и идеографического синонима «gown».

Изложенное выше не исчерпывает всего круга вопросов, возникающих при анализе семантических отношений в данном синонимическом ряду.

---

[8] А. А. Брагина. Некоторые семантические тенденции в современной русской лексике (50—60-е годы XX в.), АКД, М., 1968, стр. 17.

[9] Б. В. Горнунг. О природе синонимии в языке и теоретических предпосылках составления синонимических словарей. ВЯ, 1965, № 5.

Б. Т. ЛАЗАРЕВА

К ВОПРОСУ ОБ ОБЯЗАТЕЛЬНОМ И ФАКУЛЬТАТИВНОМ ОКРУЖЕНИИ ЧЛЕНОВ СИНОНИМИЧЕСКОГО РЯДА

Исследование синонимических рядов в языке и речи явится сколько-нибудь исчерпывающим, если будут учтены синтаксические связи, свойственные тем или иным их членам, характер этих связей и ограничения, налагаемые семантическим содержанием соответствующих слов.

Известно, что слово на синтагматическом уровне обладает определенными валентными свойствами, изучение которых позволяет вскрыть типичные случаи семантико-синтаксической сочетаемости различных классов и групп слов. В синонимическом ряду, члены которого связаны отношениями семантического тождества, степень синонимичности может быть выявлена путем анализа характера их синтаксической и лексической сочетаемости. В этом отношении представляет несомненный интерес выявление обязательных и факультативных синтаксических и лексических связей членов синонимического ряда, так как это позволяет уточнить особенности членов синонимической группы.

Вопросы исследования обязательных и факультативных синтаксических связей слов на синтагматическом уровне находят свое освещение в трудах многих советских и зарубежных лингвистов (В. Г. Адмони, Е. А. Иванчикова, Л. Р. Зиндер, Г. Г. Почепцов, В. А. Лебедев, Р. Мразек и др.). Во всех этих работах рассматриваются на разном материале отдельные вопросы обязательности и факультативности синтаксических конструкций.

Данная статья посвящена рассмотрению обязательной синтаксической валентности членов синонимического ряда. Исследование проводилось на материале сино-

нимического ряда «dress, frock, gown, costume», объединенного общим значением «женское платье». Задача статьи — рассмотреть как проявляется синонимичность исследуемых слов в характере синтаксической валентности, установить структуры, в которых они имеют обязательную синтаксическую валентность, и выявить ее причины.

Как показало проведенное ранее исследование[1], рассматриваемая группа синонимов состоит из абсолютных синонимов dress, frock, costume, отличающихся друг от друга лишь частотностью употребления, и идеографического синонима gown. Все исследуемые слова имеют одинаковые дистрибутивные модели, то есть используются в одинаковых синтаксических конструкциях с одинаковым лексическим наполнением. Наиболее распространенными моделями являются следующие: V+N, N+of+N_1, in+N, N+to be+Adj., N+clause[2].

Во всех этих конструкциях при распространении их определением в широком смысле[3] исследуемые существительные могут сочетаться со словами, выражающими качественные свойства данных предметов (black, red, lavender, long, narrow, tight, clean, shabby, wollen, silk, print, etc.), назначение предмета (dancing, funeral, summer,...) или его оценку (simple, best, lovely, ugly...).

Встает вопрос: в каких условиях возникает обязательная атрибутивная позиция для существительных данного ряда?

Анализ большого числа примеров показал, что определение является обязательным только в некоторых из возможных дистрибутивных моделей. А именно, в синтаксических конструкциях in+N, N+of+N_1, V+N.

Для целей проверки обязательности или факультативности определения при исследуемом существительном применялась операция свертывания синтаксической конструкции. Затем проводился анализ смысловой и синтаксической завершенности полученной трансформы.

[1] См. первую статью того же автора в данном сборнике.

[2] N — исследуемое существительное, N_1 — любое другое существительное.

[3] В качестве определения при ключевом слове употребляются не только прилагательные, причастия и существительные, но числительные, местоимения, причастные и инфинитивные обороты и придаточные предложения. Поэтому целесообразнее говорить об определении в широком смысле или атрибутивной позиции.

Если конструкция остается отмеченной, т. е. правильной с точки зрения содержания и формы, то наличие определения является факультативным. Если конструкция теряет свою смысловую и синтаксическую завершенность при опущении определения, то его наличие в конструкции рассматривается как обязательное.

Начнем с анализа употребления исследуемых слов в модели in+N, которая может выполнять функцию предложного определения при существительном, выражающем одушевленное лицо. Например:

1) ...and his four red-haired daughters in **mended** dresses streamed out behind him. (M. Mitchel).

2) Hyton-Mallet ... paused to admire Naomi in **her white** gown. (M. Barnes).

3) ...and on the other side stood Stella in a **black** frock. (P. Buck).

В этом случае исследуемые существительные могут функционировать только вместе со своим определением, о чем свидетельствует их трансформа.

1) ...and his red-haired daughters in (...) dresses streamed out behind him.

2) Hyton-Mallet ... paused to admire Naomi in her (...) gown.

3) ...and on the other side stood Stella in a (...) frock[4].

Опущение определений приводит к искажению смысла высказывания.

Обязательность атрибутивной позиции при данных существительных сохраняется и в тех случаях, когда они употребляются в той же модели, но в функции предложного дополнения при составном сказуемом, в котором глагольный элемент выражен глаголами to look, to appear. Например:

4) ...and his mother looked pleasingly pretty in a **new** dress and coat. (P. Buck).

4) ...and his mother looked pleasingly pretty in a (...) dress and coat.

5) ...daily he ran over to G... to have quiet walks with the sweet girl who looked so dainty in **her fresh white** frock. (W. Le Queux).

5) ...daily he ran over to G... to have quiet walks with the sweet girl who looked so dainty in her (...) frock.

---

[4] Знак (...) указывает на опущенную часть предложения.

Хотя в данной функции исследуемая модель нуждается для своей завершенности в определении при ключевом слове, эта обязательная связь является свободнее, так как предложение остается отмеченным, если в атрибутивной позиции будет использовано притяжательное местоимение, в то время как в первом случае подобная замена невозможна. Сравните примеры 1 и 5. Определение в модели in+N может быть выражено прилагательными, причастиями или существительными в препозиции или же существительными с предлогом of, или придаточным предложением в постпозиции. Например:

6) ...how smart and chick a woman could appear in a gown **of almost funeral aspect.** (W. Le Queux).

Анализ употребления исследуемых синонимов в модели показывает, что существительные dress, frock, costume, gown нуждаются в присоединении определения в препозиции или постпозиции, если V имеет общее значение «иметь на себе, надевать», то есть если это глаголы to wear, to be dressed in, to have on. Трансформация опущения определения нарушает смысловую завершенность предложения. Например:

7) A widow had to wear **hideous black** dresses. (M. Mitchel).

7) A widow had to wear (... ...) dresses.

8) She wore a **white afternoon** frock. (J. Tickell).

8) She wore a (... ...) frock.

9) She wore a gown of **dead white velvet.** (E. Glyn).

9) She wore a gown (... ... ...).

В сочетании с другими глаголами, которые называют действия, направленные на предметы, обозначаемые исследуемыми синонимами, атрибутивная позиция в данной модели является факультативной. Например:

10) The wind flattened her **cotton** dress. (N. Marsh).

10) The wind flattened her (...) dress.

11) Carrie stayed home from church to iron the **muslin** dress. (J. Webster).

11) Carrie stayed home from church to iron the (...) dress.

12) She looked hungrily at the frocks, **floating by.** (M. Mitchel).

12) She looked hungrily at the frocks (...).

При свертывании конструкции уменьшается количество информации, получаемой слушателем или читаю-

щим, но смысловая завершенность высказывания не нарушается. Таким образом, атрибутивная позиция в данном случае не является обязательной.

В модели N+of+N_1, где N является одним из слов исследуемой синонимичной группы, постпозитивное определение является обязательным элементом синтаксической конструкции и не может быть опущено. Его опущение ведет к синтаксической незавершенности конструкции, а в смысловом плане к неправильному отражению внеязыковой действительности. Например:

13) Lanvin had sent her some frocks to choose from and she had chosen a frock **of soft gold lace.** (O. Wadsley).

13) Lanvin had sent her some frocks to choose from and she had chosen a frock (...).

14) The Baronet's handsome wife looked cool and comfortable in a gown **of white embroidered muslin** (W. Le Queux).

14) The Baronet's handsome wife looked cool and comfortable in a gown (...).

Очень часто ключевое слово имеет в данной модели препозитивное определение, которое является факультативным. В качестве иллюстрации можно привести несколько примеров вместе с их трансформами:

15) It was a **black** dress of some soft material. (C. Jarvice).

15) It was a (...) dress of soft material.

16) Exchanging her **pretty** gown of turquoise chiffon for an easy wrap ... (W. Le Queux).

16) Exchanging a (...) gown of turquoise chiffon for an easy wrap.

Нет необходимости увеличивать количество примеров, так как из приведенных выше явствует, что препозитивный атрибут факультативен.

Не нуждаются исследуемые слова в присоединении определения и в модели N_1+of+N, где N — ключевое слово, и если они выступают в роли подлежащего. Например:

17) ...but she was beyond caring about the wreck of **the costume.** (M. Mitchell).

18) Whatever the fate of **the dress,** G. had his reward. (N. Marsh).

19) ...Feeling in the pocket of **her straight little** frock. (W. Graham).

19) ...feeling in the pocket of the (...) frock.

20) Her frock ... is a guide to the state of her temperament. (J. Tickell).

21) The dress was the colour of her eyes. (J. Braine).

Из сказанного следует, что одним из основных условий реализации значения «женское платье» в синонимической группе gown, frock, dress, costume является наличие определения, в широком смысле, в составе ряда дистрибутивных моделей.

Важно отметить, что структурная обязательность определения в моделях in+N, N+of+N_1, to wear+N проявляется в самой необходимости определения для N, а не в семантико-синтаксическом типе этого определения.

Для того чтобы наглядно представить это, приведем ряд примеров:

22) She wore a **long misty blue** gown. (P. Buck). (определение в препозиции выражено прилагательными качественного и оценочного характера).

23) She wore a gown of **dead white velvet.** (E. Glyn) (определение в постпозиции выражено существительным с качественным прилагательным).

24) She wore **a city style** dress of **purple crepe which sat awkwardly upon her peasant shoulders** (V. Lysenko). (Слово dress имеет несколько синтаксических типов определений, выраженных различными семантическими группами слов).

По-видимому, можно сделать вывод, что синтаксический тип и семантика обязательного определения в рассмотренных дистрибутивных моделях для данного синонимического ряда обусловливаются коммуникативными задачами высказывания для адекватного отражения внеязыкового контекста.

На это указывают и некоторые особенности проявления обязательности определения в вышеупомянутых моделях. Если слово исследуемой группы распространено несколькими синтаксическими типами определений, то только одно из них является структурнообязательным. Теоретически им может быть любое.

Сопоставим трансформы предложения 24. Возможно сказать без изменения смысла высказывания, только с

сокращением деталей, отражающих внеязыковую действительность:

24) She wore a city style dress.

24) She wore a dress of purple crepe.

24) She wore a dress, which sat awkwardly upon her peasant shoulders.

И невозможно сказать «She wore a dress», то есть в данном случае невозможно оставить слово dress без определения, так как такое свертывание предложения искажает смысл высказывания, хотя синтаксически конструкция остается отмеченной.

То же явление можно наблюдать при трансформациях и других предложений. Например, предложение 25 She was wearing a very nice and long-skirted dress of red material trimmed with coarse white lace (G. Wells) можно трансформировать в She was wearing a very nice and long-skirted dress, She was wearing a dress of red material или She was wearing a dress trimmed with coarse white lace, так как значение слова dress и смысл высказывания при этом сохраняются. Однако нельзя опустить все типы определений к слову dress, ибо это изменит семантическую информацию высказывания. Трансформа She was wearing a dress имеет в своей семантической структуре компонент, указывающий на противопоставление данного предмета другим (на ней было платье, а не пальто или что-то иное). В то же время исходное предложение такого компонента не содержит.

Как можно видеть из изложенного выше, обязательность атрибутивной позиции не связана с ее типом. Существительные данной группы синонимов в исследуемых моделях нуждаются в восполнении их семантической неполнозначности определением. Однако синтаксический тип этого определения не является обязательным.

Возникает вопрос: что является причиной обязательности определения при синонимах dress, frock, costume, gown в исследуемых моделях? Е. А. Иванчикова связывает структурную обязательность с потребностью одного из членов синтаксической конструкции в «семантико-грамматическом восполнении»[5]. Г. Г. Почепцов считает, что «в основе структурной обязательности и структурной фа-

[5] Е. А. Иванчикова. О структурной факультативности и структурной обязательности в синтаксисе, Вопросы языкознания, 1965, № 5.

культативности лежат дистрибутивные свойства составляющих конструкцию элементов»[6]. В. А. Лебедев в своей работе выявил три случая отношений внутри предложения, которые обусловливают обязательную синтаксическую валентность английского неглагольного существительного, и показал, что обязательность синтаксической валентности английского существительного зависит от «корреляции семантики существительного со значением других лексических наполнителей предложений»[7]. Все эти явления, на наш взгляд, не являются взаимоисключающими. Обязательность атрибутивной позиции, несомненно, вызывается семантическими свойствами исследуемых слов, а также и характером окружения их в исследуемой модели и в предложении.

Анализируемые синонимы являются словами с конкретными узкими значениями. Казалось бы, их значение должно реализоваться в речи без присоединения определения. На деле, как видно из изложенного выше, это не так. Е. И. Иванчикова в ранее упомянутой статье указывает, что такие слова в особых закрепленных за ними позициях в некоторых синтаксических конструкциях могут требовать обязательного распространения их определением. Очевидно, исследуемые модели и представляют такой случай. Но в этом мы еще не находим полного объяснения причины обязательности определения в данных конструкциях. Нам представляется, что в данном случае следует учитывать не только синтаксическую позицию ключевого слова, но и его семантику и семантические отношения внутри моделей и предложений. Ключевыми словами в анализируемых моделях выступают наименования предмета, который имеет разновидности, качественно отличные друг от друга. Само наименование предмета функционирует как отвлеченное имя существительное. Поэтому оно нуждается в присоединении конкретизирующего определения для выявления той или иной разновидности.

Если подвести итог всему сказанному, то можно констатировать, что исследуемые синонимы характеризуются наличием обязательной атрибутивной позиции в од-

[6] Г. Г. Почепцов. Об обязательном и факультативном окружении, Вопросы языкознания, 1968, № 1, стр. 145.

[7] В. А. Лебедев. Обязательная синтаксическая валентность английского существительного, Автореферат, М., 1969.

них и тех же дистрибутивных моделях, что, на наш взгляд, подтверждает их семантическое тождество. Таким образом, вполне допустимо предположить, что синонимические отношения между словами проявляются в наличии одинаковых обязательных синтаксических валентностей у слов-синонимов.

Поскольку в рассматриваемой группе члены являются абсолютными или очень близкими по значению синонимами, то их дистрибутивные модели с обязательной атрибутивной позицией являются идентичными.

В настоящей статье предлагаются лишь некоторые предварительные наблюдения, не претендующие на всестороннее изучение этой сложной и интересной проблемы и не исчерпывающие всего круга вопросов, возникающих при анализе обязательной и факультативной синтаксической валентности синонимов. В практическом плане подобные исследования представляются целесообразными, так как их результаты позволяют дать рекомендации по употреблению синонимов с учетом обязательной валентности.

С. И. ПОДОБЕД

К ВОПРОСУ О СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ В ГРУППЕ СЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ НАЗВАНИЯ ЧАСТЕЙ ТЕЛА

Одним из довольно часто применяемых в последнее время методов исследования лексико-семантической системы языка является вычленение групп слов и анализ входящих в них единиц во взаимном сопоставлении и противопоставлении, установление характера лексико-семантических связей внутри группы. Такие внутренне связанные группы слов обозначаются обычно термином «семантическое поле», «лексико-семантическое поле», «семантико-синтаксическое поле». Исследованию семантического поля терминов родства, цвета, семантического поля глаголов движения, тематического ряда (группы) глаголов говорения, семантического поля слов, выражающих страх, лексико-семантической группы слов, обозначающих эмоции, скорость и др., посвящен ряд исследований[1]. Следует, однако, отметить, что в этих работах термин «поле» понимается несколько иначе, чем трактовали его Г. Ипсен, И. Трир и В. Порциг, которые ввели в 30-х годах понятие поля в семантику (Wortfeld, Sprachfeld, Bedeutungsfeld).

Различие в подходе к данному вопросу заключается в том, что в настоящее время акцент делается на отношения между словами, а не между понятиями или предметами объективной действительности, хотя последние не могут не учитываться[2].

---

[1] Н. М. Минина. О некоторых методах лексико-семантических исследований отдельного слова и группы слов. Иностранные языки в высшей школе, вып. III, М., 1964, стр. 114. Ю. Д. Апресян. Дистрибутивный анализ значений и структурные семантические поля. — Лексикографический сборник, — вып. 5, М., 1962.

[2] В. А. Москович. Статистика и семантика. М., 1969. Р. Г. Сайфутдинова. Семантическая группа английских глаго-

Выделяя материал для исследования, мы руководствуемся определением поля, данным О. С. Ахмановой: «Совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающая определенную область человеческого опыта. Поле семантическое... совокупность слов и выражений, составляющих тематический ряд, слова и выражения языка, в своей совокупности покрывающие определенную область значений»[3].

Материал данного исследования представлен группой слов, относящихся к семантическому полю анатомических терминов. В рамках этого поля в данной статье будут рассмотрены микрополе наименований кровеносных сосудов и микрополе слов, обозначающих конечности. Мы предполагаем наличие промежуточных полей между семантической общностью высокого порядка (анатомические термины) и наиболее конкретным, узким полем, слов, обозначающих конечности или кровеносные сосуды. Так, над микрополем наименований конечностей может стоять семантическая общность более высокого порядка — названия частей человеческого тела.

Обращаясь к терминологическому полю, мы исходим из положения А. А. Реформатского о том, что «все, что касается слова вообще, обязательно и для термина, если термин — слово», и далее: «Термин должен быть нормальным членом лексической системы языка, а если и не нормальным, то не вопреки этой системе, а именно в силу этой системы»[4].

Микрополе наименований конечностей составляют следующие существительные: Gliedmaßen, Extremität, Arm, Hand, Bein, Fuß.

К микрополю слов, обозначающих кровеносные сосуды, мы относим существительные: Ader, Blutgefäß, Aorta, Arterie, Vene, Blutader, Hauptkörperschlagader, Pulsader, Schlagader, Kapillare, Haargefäß.

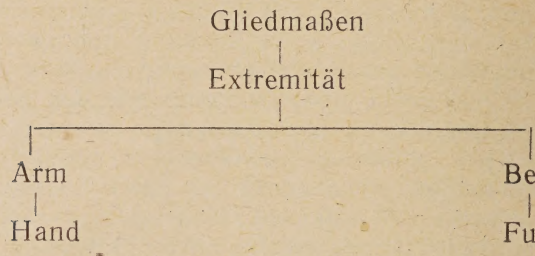
Между словами данных микрополей наблюдаются

лов, объединенная значением «ненавидеть». Автореферат канд. дисс., Л., 1966. E. Oksaar. Semantische Studien im Sinnbereich der Schnelligkeit, Uppsala, 1958. M. Birwisch. Strukturelle Semantik. — Deutsch als Fremdsprache, 1969, H. 2 и другие.

[3] О. С. Ахманова. Словарь лингвистических терминов, М., 1966, стр. 334.

[4] А. А. Реформатский. Термин как член лексической системы языка. — Проблемы структурной лингвистики, 1967, стр. 121.

инклюзивные, ступенчатые отношения, то есть содержание значения одной единицы включает в себя значение других единиц. Так, в микрополе наименований конечностей значение лексической единицы Gliedmaßen «конечности» и ее синонима Extremität включает в себя значение слов Arm — рука и Bein — нога, а также слов Hand — кисть и Fuß — стопа. Учитывая лингвистические и экстралингвистические особенности членов микрополя, эти отношения можно выразить следующей схемой:



Такая структура данного микрополя подтверждается трансформацией словарного объяснения[5], которая сводится к планомерному преобразованию толкований, данных в словаре, то есть значение каждого слова описывается через значение других слов с использованием лингвистического тождества. Например, словарь Брокгауза[6] так поясняет значение слов Arm, Fuß и Hand:

Fuß heißt im weiteren Sinne die ganze untere Extremität (s. Bein), im engeren der unterste Teil derselben — Нога в широком смысле — вся нижняя конечность, в узком смысле — нижняя часть последней.

Arm — der Name für die obern (vordern) Extremitäten des Menschen. Название верхних (передних) конечностей человека.

Hand — der unterste Teil der oberen Extremität — Нижняя часть верхней конечности.

Полученные развернутые объяснения могут быть вставлены вместо определяемых слов в текст (имеются

---

[5] О трансформации объяснения см. И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966, стр. 92.

[6] Brockhaus — Conversations-Lexikon in 16 Bänden, Leipzig, 1882.

в виду специальные тексты по анатомии), и эта замена не повлечет за собой изменения содержания текста. Например, в предложение, взятое из справочника по анатомии, вставляется вместо слова Hand его словарное толкование: Wir können **den untersten Teil der oberen Extremität** in eine Stellung bringen, bei der die Hohlhand nach vorne bzw. nach oben gerichtet ist[7]. — Нижнюю часть верхней конечности мы можем привести в такое положение, при котором ладонь направлена вперед или вверх.

В толкованиях всех слов данного микрополя может быть найдена общая часть. Компонентом, составляющим лингвистическое сходство, является для вышеназванных слов Extremität (по толковому словарю Брокгауза), Gliedmaßen (по толковому словарю Мейера)[8], Glied (по словарю современного немецкого языка под ред. Р. Клаппенбах и В. Штейница)[9]. Это свидетельствует о правомерности приведенной выше схемы в лингвистическом плане.

Для анализа значений слов данных микрополей применяется методика компонентного анализа, предполагающая рассмотрение значения как комплекса минимальных дискретных элементов — семантических компонентов (соответственно семантических признаков, сем). Под компонентом значения понимается «минимальная составная часть информации единицы языка»[10], а понятие информации лексической единицы связывается с формальным понятием, то есть «тем минимумом наиболее общих и в то же время наиболее характерных отличительных признаков, которые необходимы для выделения и распознавания предмета»[11]. Речь идет об элементарном смысле, включенном в значение того или иного языкового знака и не поддающемся дальнейшему членению[12].

Выделение семантических компонентов для групп

---

[7] Voss und Herrlinger. Taschenbuch der Anatomie, Jena, 1964, S. 51.

[8] Meyers Neues Lexikon, Leipzig, 1961.

[9] Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache, hrsg. von R. Klappenbach und W. Steinitz, Berlin, 1961.

[10] М. Д. Степанова. Методы синхронного анализа лексики. М., 1968, стр. 141, 143—144.

[11] С. Д. Кацнельсон. Содержание слова. Значение и обозначение, М.—Л., 1965, стр. 18—19.

[12] М. Д. Степанова. Вопросы компонентного анализа в лексике. Иностранные языки в школе, 1966, № 5, стр. 34—35.

слов, представляющих объект нашего исследования, проходило на основании данных энциклопедических, толковых, а также специальных (медицинских) словарей. Выбор словарей связан с особенностью материала, словами, обозначающими названия человеческого тела и кровеносных сосудов, а также с тем, насколько полно и точно они характеризуют значения данных слов[13].

Лексические единицы данных микрополей принадлежат с точки зрения характера смыслового содержания и выполняемой в языке функции к самому объемному классу лексически полнозначных слов, имеющих в языковой системе одновременно две основные функции — сигнификативную и номинативную. Это — так называемые нарицательные имена. Они называют класс предметов[14].

Самым широким и, следовательно, наиболее абстрактным семантико-категориальным признаком для исследуемых микрополей является предметность. К этому признаку следует присоединить семантический признак категории — нарицательность и признак семантических субкатегорий — конкретность (по М. Д. Степановой) или исчисляемость (по А. А. Уфимцевой). Что касается категориального признака «одушевленность — неодушевленность», то названные выше существительные являются лишь косвенными выразителями одушевленности[15].

Эти составляющие (предметность, нарицательность, неодушевленность и конкретность) в равной мере свойственны двум анализируемым микрополям. Дифференцирующими служат компоненты значения, характеризующие уже только данную группу слов, данное микрополе. Кроме этих компонентов, каждое из микрополей имеет компоненты значения, которые служат различению слов внутри микрополя. Набор компонентов, образующих значение слов микрополя конечностей, представлен в таблице 1.

---

[13] Кроме указанных выше, использованы также: Duden, Bildwörterbuch, Leipzig, 1953. Wörterbuch der Medizin, hrsg. von M. Zetkin und G. Schaldach, Berlin, 1956. Д-р Георги, Д. Арнаудов. Медицинская терминология на пяти языках. София, 1964.

[14] А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968, стр. 72—73.

[15] Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс. Грамматико-лексические поля в современном немецком языке. М., 1969, стр. 139.

Инвариантную основу значения всех членов микрополя представляют такие компоненты: 1) часть тела, 2) костная основа, 3) удлиненная форма, 4) подвижность.

Индивидуальными будут компоненты, представляющие функции отдельных конечностей и их частей. Так, если для Arm, а особенно для Hand, характерны хвата-

Таблица 1

	Костная основа	Часть тела		Удлиненная форма	Сводчатая форма	Подвижность	Функции			
		верхняя	нижняя				хватательная	осязания	передвижения	опоры
Gliedmaßen	+	+	+	+	—	+	∓	∓	∓	+
Extremität	+	+	+	+	—	+	∓	∓	∓	+
Arm	+	+	—	++	—	++	+	—	—	—
Hand	+	+	—	+	+	+	+	+	—	+
Bein	+	—	+	++	—	+	—	—	+	+
Fuß	+	—	+	+	+	+	—	—	+	++

Удвоенный + означает более интенсивное качество.

тельная и осязательная функции, то для Bein и Fuß — это функция передвижения, опоры. Эти компоненты обусловливают специфическое значение определенной лексической единицы. М. Бирвиш[16] считает, что семантическое поле образуют группы слов, имеющих общий «пучок» признаков. В качестве примера он приводит поле терминов родства, содержащее общий набор признаков «живое существо», «человек», «родство». Однако поле конституируют не только «пучки» признаков. Элементы словаря связаны и другими отношениями. Одним из них является, по мнению Бирвиша, отношение «часть — целое». Так, Arm и Hand обозначают части человеческого тела, следовательно, они должны получить признак, который ставит их в определенное отношение ко всем словам, получающим признак «человек».

Выделенные нами семантические компоненты для микрополя кровеносных сосудов — трубчатая форма, элас-

[16] M. Birwisch. Strukturelle Semantik. — Deutsch als Fremdsprache, 1969, H. 2.

тичность, функция транспортировки крови, разветвленность — объединяют слова этого микрополя и составляют значение доминанты — Ader, а также другого нейтрального слова — Blutgefäß, являющегося синонимом Ader. См. табл. 2.

В таблице не приводятся такие полные синонимы, как Hauptkörperschlagader, Pulsader, Schlagader, Haar-

Таблица 2

	Транспортировка крови	Трубчатость	Эластичность	Разветвленность	Направление тока крови		Наличие клапана	Толщина стенок	
					к сердцу	от сердца		тонкие	утолщенные
Ader	+	+	+	+	+	+	∓	+	+
Blutgefäß	+	+	+	+	+	+	∓	+	+
Aorta	+	+	+	+	—	+	+	—	+
Arterie	+	+	+	+	—	+	—	—	+
Vene	+	+	+	+	+	—	+	+	—
Kapillare	+	+	+	+	—	—	—	++	—

gefäß, поскольку здесь не наблюдается какой-либо разницы в содержании значения. Различительные признаки на уровне индивидуального лексического значения конкретного слова, называемые эмпирическими, служат основанием группировки лексем в синонимические ряды в данном поле[17].

Такие индивидуальные компоненты, как наличие или отсутствие клапанов, различная толщина стенок и другие, позволяют выделить следующие синонимические ряды: Vene — Blutader, Aorta — Hauptkörperschlagader, Arterie — Pulsader — Schlagader, Kapillaren — Haargefäße.

Состав исследуемого микрополя можно было бы значительно расширить за счет номенклатурных наименований отдельных частей аорты, артерий, вен, которые получают более уточненное название в зависимости от расположения (прохождение через тот или иной орган). В этом случае к набору имеющихся компонентов значения добавился бы компонент места и др.

[17] А. А. Уфимцева. Указ. работа, стр. 177.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1) Каждое из исследованных микрополей имеет определенный набор свойственных им компонентов, определяющих их отношение к другим микрополям и к полю в целом. Эти компоненты составляют инвариант микрополя. Кроме того, каждому полю присущ свой вариант, то есть набор индивидуальных признаков, свойственных его единицам.

2) Значение каждой единицы внутри микрополя состоит из инвариантных и дифференциальных признаков (инварианта и варианта). Следовательно, содержание слова не является чем-то самодовлеющим. Оно в значительной степени обусловлено теми отношениями, которые складываются в сети противопоставлений данного слова другим словам того же поля.

3) Исследуемые поля неоднородны. Дифференциация в поле конечностей происходит на основе функции объекта, в другом поле различение основано на качественных характеристиках данных объектов.

Для поля наименований конечностей характерно отношение «часть—целое». Такого отношения мы не наблюдаем в микрополе слов, обозначающих кровеносные сосуды, где каждое наименование обозначает определенный вид кровеносных сосудов, и только Ader и Blutgefäß служат обобщенным названием для всех сосудов.

И. В. СЕНТЕНБЕРГ

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА ГЛАГОЛОВ, ОБОЗНАЧАЮЩИХ ПЕРЕДВИЖЕНИЕ, И ЕЕ ЕДИНИЦЫ

(На материале английского языка)

Лексико-семантические группы слов являются предметом исследования в ряде монографий и статей[1]. Тем не менее проблема выявления системных отношений в лексике не исчерпана, и существует много вопросов, требующих пристального внимания лексикологов. К числу наиболее актуальных и пока еще малоизученных относятся вопросы о лингвистических связях единиц в лексико-семантической группе (ЛСГ), о соотнесенности семантики единиц ЛСГ и семантики отношений в последней, о смысловом содержании единиц ЛСГ и их функционировании в речи.

В данной статье рассматривается вопрос о единицах ЛСГ глаголов передвижения, содержании их значения и взаимосвязях в ЛСГ.

Под ЛСГ понимаем группу единиц, объединенных по сходству в значении. Единица ЛСГ — это слово или фиксированное словосочетание в одном из значений (лексико-семантических вариантов).

Сходство в содержании значения единиц ЛСГ проявляется как в языке, так и в речи. В языке они объединяются благодаря наличию в содержании значения ряда общих смысловых компонентов[2]. Таковыми являются:

---

[1] А. А. Уфимцева. Опыт изучения лексики как системы. М., 1962. В. А. Москович. Статистика и семантика. М., 1969. См. также библиографию в данных работах. Л. М. Беляева. Глаголы движения в английском языке. «Ученые записки ИМО», вып. 7, 1961. А. И. Кузнецова. О типах смысловых отношений в группе глаголов движения в древнерусском языке. «Вестник МГУ, сер. VII; Филология, Журналистика», 1961, № 1. А. В. Исаченко. Глаголы движения в русском языке, РЯШ, 1961, № 3.

[2] Смысловой компонент значения — это его составляющая, вычленяемая в составе данного значения благодаря тому, что в лек-

грамматический, указывающий на принадлежность единицы к части речи;

лексико-грамматический (разрядный), относящий ее к тому или иному разряду слов в пределах части речи; для имен существительных эти разряды предложены И. В. Арнольд, для глаголов — А. А. Уфимцевой[3];

семантический (смысловой), локализующий группу в пределах разряда слов.

Все эти компоненты, вместе взятые, составляют смысловой инвариант ЛСГ. В нашем случае таковым является: глагольность + инактивность + передвижение. Иными словами, в исследуемую ЛСГ объединяются глагольные единицы, обозначающие самостоятельное перемещение субъекта в пространстве.

На уровне речи единицы ЛСГ объединяются известным сходством лексической и синтаксической сочетаемости, в которой находит свое выражение смысловой инвариант группы. Так, единицы нашей ЛСГ употребляются в моделях 20, 21, 23, 24, 25[4]. Субъект действия (N) выражен существительными, обозначающими существа и, реже, предметы, способные к самостоятельному перемещению; D — различные определители, характеризующие процесс передвижения и, прежде всего, указывающие на направленность и способ передвижения.

В речи единицы ЛСГ объединяются также благодаря возможности передать значение любой из них через сочетание наиболее абстрактных и употребительных единиц группы с различными определителями, например, follow = come or go after, stride = walk with long, swinging steps, trudge = walk wearily or with an effort[5].

ЛСГ можно рассматривать как своеобразную единицу в парадигматике. Она воспроизводится (через вос-

---

сической системе языка существует ряд других единиц, также содержащих ее в своем значении.

[3] И. В. Арнольд. Семантическая структура слова в современном английском языке и методика ее исследования. Л., 1966. А. А. Уфимцева. Слово в лексико-семантической системе языка. М., 1968.

[4] Модели даются по словарю Хорнби. См. A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1958.

[5] Здесь и ниже дефиниции значений приводятся по словарям Хорнби и The Concise Oxford Dictionary of Current English, ed. by H. W. Fowler and F. G. Fowler. Oxford, 1956.

производимость своих единиц), имеет план содержания и план выражения. Планом содержания является смысловой инвариант, свойственный ЛСГ в целом и содержащийся в значении каждой из ее единиц. Планом выражения — синтаксические модели и типы лексической сочетаемости, в которых находит выражение смысловой инвариант группы и которые свойственны всем ее единицам.

Сказанное выше не исключает наличия ряда дифференциальных смысловых признаков, членящих ЛСГ на подгруппы, находящиеся в отношениях оппозиции. Для исследуемой ЛСГ наиболее существенными дифференциальными признаками являются: качественная невыраженность←→качественная выраженность действия (follow←→walk), противопоставленность по выражению способа движения (walk←→run ←→ swim ←→ fly), ненаправленность←→направленность передвижения, с дальнейшим подразделением в обозначении направленного движения[6]. По этим и многим другим признакам сопоставляются и противопоставляются единицы внутри ЛСГ, выявляя при этом элементы общности и различия в содержании своего значения[7].

Единицы, составляющие ЛСГ передвижения, неоднородны. Эта неоднородность затрагивает их разные стороны: структуру, содержание значения, локализацию в ЛСГ, то есть отнесенность к ее центру или периферии, частотность употребления в речи. Рассмотрим это подробнее.

В состав ЛСГ входят:

1) Однозначные, а также многозначные слова, все лексико-семантические варианты которых выражают и обозначают самостоятельное передвижение субъекта в пространстве, например, flee, strut, glide, stalk, roam.

К данной группе относится довольно большое количество однозначных отыменных глаголов, возникших пу-

[6] В. Г. Гак выделяет четыре основных дифференциальных признака для глаголов движения в русском и французском языках: самостоятельность — несамостоятельность, направленность — ненаправленность, способ передвижения и наличие или отсутствие стилистически-экспрессивной категории; важнейшими из них он считает второй и третий. См. В. Г. Гак. Беседы о французском слове. М., 1966, стр. 140—165.

[7] Разбиение ЛСГ на подгруппы не является предметом данной статьи.

тем конверсии и сохранивших связь с именем в содержании своего значения, например, canoe—travel in a canoe, coast—go in a ship along the coast, cycle—ride a bicycle, ferry—go across a river in a ferry, inch—move by inches, lurch—move forward of sideways with a lurch or lurches и т. п.

2) Отдельные значения (лексико-семантические варианты) глаголов. Сюда относятся многие (но далеко не все!) лексико-семантические варианты глаголов come, go, run, pass и т. п., а также многих других глаголов английского языка, которые нигде и никем не рассматриваются как глаголы движения. Например, значение «идти с трудом, тащиться» у глагола toil, «направляться» у глагола strike, «ходить величаво» — у sweep. В пределах слова эти значения могут быть основными и производными. Сравним соответственно значение «прибывать» у глагола arrive и «уходить, уезжать» у leave. Они могут быть также прямыми и переносными, как, например, «идти, ходить» у глагола walk и «валить (о толпе)» у глагола pour, эмоционально окрашенными и нейтральными, свободными и связанными и т. п. В пределах ЛСГ лексико-семантический вариант сохраняет характеристики, связанные с его положением в слове.

3) Сложные расчлененные наименования, то есть различного рода фиксированные словосочетания, входящие в словарный состав языка, например, go at a walk «идти шагом», make off «убежать, удрать», cut off (разг.) «убежать», make for «направляться» и т. п. Сюда мы не относим свободные сочетания типа come out, go away, walk in, где определители out, away, in и другие указывают на направленность движения, выраженного глаголом.

ЛСГ глаголов передвижения включает единицы, различные по уровню абстракции и особенностям своей смысловой структуры. Однако, прежде чем перейти к рассмотрению этих особенностей, необходимо остановиться на структуре содержания значения единиц ЛСГ, вступающих в системные отношения внутри группы.

В лексико-семантической системе ее единицы противопоставляются друг другу по значению. При этом последнее оказывается немонолитным. Оно членится на более мелкие части (смысловые компоненты, семантические составляющие) постольку, поскольку последние

присущи и другим единицам данной системы. С точки зрения его системных связей значение однозначного или одно из значений многозначного слова можно определить как совокупность ряда расположенных в определенном порядке (по определенной модели), взаимосвязанных и взаимообусловленных смысловых компонентов, где каждый последующий компонент сужает и ограничивает предыдущие.

Так, например, значение «идти, ходить» глагола walk при сопоставлении его в парадигматическом ряду может быть разложено на следующие смысловые составляющие:

глагольность: walk v.←→walk n. и другим именам;

инактивность: walk v. i.←→walk v. t. в значениях «вести, проводить», «прогуливать» и т. п., а также другим активным глаголам;

передвижение, перемещение: walk v. i.←→stay, remain, stand и др.;

хождение: walk←→fly, swim, ride и т. п.

В пределах смысловой подгруппы единиц ЛСГ, объединенных общей смысловой идеей «идти, ходить», walk противопоставляется другим единицам данной подгруппы благодаря тому, что, являясь опорным для подгруппы, он не включает в содержание своего значения смысловых компонентов, определяющих и тем самым сужающих эту идею, что является обязательным для сополагающихся с ним единиц. Так, например, в пределах данной подгруппы walk противопоставляется wander, поскольку у последнего идея «ходить» уточняется дополнительными смысловыми компонентами «с места на место», «без цели», что соответствует русскому «бродить». От trudge он отличается тем, что trudge означает не просто «идти, ходить», а «идти, ходить с трудом».

Из сказанного следует, что через свои семантические составляющие глагол walk в значении «идти, ходить» взаимодействует:

с лексико-грамматической категорией глагола и ее многотысячными представителями, то есть отдельными, разными по своим разрядным характеристикам и по своему значению глаголами;

с категорией субъектных инактивных глаголов, то есть с более узким разрядом слов в пределах части речи;

эти глаголы выражают действие, локализованное в субъекте и не направленное на объект;

с лексико-семантической группой глаголов передвижения;

с подгруппой глаголов, объединенных общей смысловой идеей «идти, ходить».

Кроме того, через семантические составляющие значение «идти, ходить» связано с другими значениями глагола walk, а также с его производными.

Как мы видим, семантические составляющие, свойственные данной единице, могут входить в состав значения многих других. Отсюда следует, что в принципе они не составляют специфики данного значения. Особенностью последнего является сочетание, последовательность расположения и характер взаимодействия смысловых компонентов.

В какой-то мере аналогичное отношение существует между морфемами с одной стороны и словами — с другой. Так, например, все три морфемы слова impassable (im—pass—able) «непроходимый, непроезжий» в равной мере свойственны и другим словам. Сравним: a) **im**material, **im**mobility, **im**mobilize; b) **pass**, **pass**age, **pass**er-by; c) mov**able**, read**able**, eat**able**; d) **im**mov**able**, **im**measur**able**. Однако сочетаемость и характер взаимодействия этих морфем в impassable свойственны только данному слову и практически неповторимы в других.

Итак, при сопоставлении двух и более единиц в лексико-семантической системе устанавливается компонентный состав сопоставляемых единиц, их семантическое сходство (в пределах ЛСГ это смысловой инвариант, представленный в содержании всех единиц данного поля) и семантическая разница, называемая внутрисистемной значимостью, или валером. Сочетание же всех смысловых компонентов, свойственных данной единице и объединенных посредством связей в единое целое, составляет ее значение.

В исследуемой ЛСГ значение ее единицы может складываться из смысловых компонентов, свойственных всей ЛСГ *(а)*, одной из ее подгрупп *(б)* или синонимического ряда *(в)*, а также компонентов, специфичных для данной единицы и отличающих ее от других, наиболее близких по значению *(г)*. Схематично это можно представить как $а+б+в+г$, где каждый компонент,

обозначенный буквами *а, б, в, г,* может представлять собой сложное явление, состоящее, в свою очередь, из нескольких смысловых компонентов. Так, например, для stagger (on, along) в значении «идти с трудом, шатаясь»:

а — глагольность, инактивность, передвижение, что в пределах данной ЛСГ выражается основным лексико-семантическим вариантом глагола go;

б — идти, что в пределах подгруппы, в которую входит stagger (on, along), выражается соответствующим лексико-семантическим вариантом глагола walk;

в — идти с трудом, что в пределах синонимической группы, в которую входит stagger (on, along), выражается глаголом trudge; и, наконец,

г — неуверенно, шатаясь, что отличает его от сополагающихся единиц в синонимическом ряду (toil, wade, plod и др.).

Данный пример с очевидностью показывает, что ЛСГ может рассматриваться как своего рода системный контекст, на фоне которого членится на составляющие значение ее единиц.

Смысловые компоненты в пределах значения следуют упорядоченно, от более абстрактных ко все более конкретным. Каждый из последующих компонентов уточняет предыдущие, тем самым делая значение все более и более конкретным. Отсюда следует, что чем меньше смысловых компонентов в содержании значения, тем шире последнее, и наоборот. Так, рассмотренное выше значение stagger (on, along) значительно у́же и конкретнее, чем «идти, ходить» у глагола walk и «передвигаться» у go, поскольку оно содержит большее по сравнению с последними число смысловых компонентов.

В рассматриваемой ЛСГ самой абстрактной по содержанию своего значения единицей является go, поскольку в своем основном лексико-семантическом варианте go выражает самостоятельное передвижение субъекта безотносительно к способу передвижения и обстоятельствам, уточняющим его характер. Содержание данного значения полностью совпадает с инвариантными смысловыми признаками лексико-семантической группы — глагольность, инактивность, передвижение. Отсюда следует, что смысловой инвариант данной ЛСГ имеет свободное существование, поскольку представлен словом, и связанное, поскольку выражен в содержании

значения всех без исключения единиц ряда как их семантическая составляющая.

Вокруг центральной, опорной единицы ряда — go располагаются единицы, обозначающие тот или иной способ передвижения, без уточнения последнего, или направленность движения, без указания на его характер. Это единицы типа walk «идти, ходить», ride «ехать верхом», pass «проходить, проезжать», follow «следовать». Первые две обозначают способ передвижения, вторые — направленность. Они более конкретны по сравнению с go, так как содержат дополнительный смысловой компонент, указывающий на способ движения или направленность.

Далее следуют единицы, еще более конкретные по содержанию своего значения. Это strut «ходить с важным, напыщенным видом», trudge «идти с трудом, устало тащиться», grope «идти ощупью», cycle «ездить на велосипеде», cart «ехать на телеге» и многие другие. Они более конкретны по сравнению с walk и ride, так как содержат в своем значении дополнительный смысловой компонент — указание на обстоятельство, сопровождающее тот или иной способ передвижения.

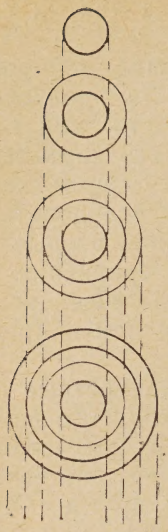
На самой периферии группы располагаются единицы с очень конкретным значением. Здесь способ передвижения уточняется целым рядом дополнительных смысловых компонентов адвербиального характера. Это единицы типа prowl, толкуемое в словаре Хорнби как move about, cautiously, in search of something; gad — go from place to place, wasting time and looking for pleasure and excitement; stalk — walk through in a proud or dignified way.

Из данных примеров видно, что значение этих единиц может быть представлено (интерпретировано) на уровне речи несколькими релятивными синтагмами.

Сказанное выше схематично можно представить следующим образом (см. схему на стр. 52).

Как мы видим, в ЛСГ в одно целое объединяются единицы как очень абстрактные, так и очень конкретные по содержанию тех значений, в которых они сопоставляются в пределах данной системы. Сравним go и stagger (on, along).

По мере удаления от опорного слова возрастает число смысловых компонентов в значении единиц ЛСГ и,



go — move or pass from place to place

walk — **go** on foot (i. e. move from place to place on foot)

trudge — **walk** wearily or with an effort (i. e. move from place to place, walking wearily or with an effort)

stagger (on, along) — **trudge** unsteadily (i. e. move from place to place, walking wearily and unsteadily)

соответственно, объем информации, которую они несут. При этом единицы низшего уровня абстракции включают в состав своего значения смысловое содержание единиц высшего уровня абстракции.

Все сопоставляемые единицы выражают общую смысловую идею группы, по-разному видоизменяя ее.

Положение единицы в ЛСГ, то есть ее отнесенность к центру или периферии группы, обусловлено уровнем ее абстракции. Последнее зависит от количества смысловых компонентов в значении. Чем больше смысловых компонентов в составе значения, тем дальше удалена единица от центра, и наоборот.

Единицы ЛСГ различаются и по частотности их употребления в речи[8].

Несмотря на разнообразие и своеобразие структуры и семантики ее единиц, рассматриваемая ЛСГ обладает устойчивостью и внутренней организацией. Последнее обеспечивается наличием смыслового инварианта, единого и обязательного для всех членов данной парадигматической системы. Благодаря смысловому инварианту ЛСГ воспринимается как единое целое, где каждая еди-

[8] Этот вопрос подробно рассматривается во второй статье автора в данном сборнике.

ница, взятая отдельно, в определенной своей части соответствует другой и всему целому, сохраняя при этом свое своеобразие. В этом плане все единицы, за исключением опорной, в пределах данной ЛСГ равноправны, ибо в значении каждой из них выделяются компоненты, общие для рассматриваемой системы в целом (глагольность, инактивность, передвижение), и компоненты, специфичные для отдельных единиц группы. Первые одинаковы для всех единиц данной группы, вторые, как мы видели выше, различны как по содержанию (выражение способа передвижения, направленности, сопутствующих обстоятельств), так и по количеству.

В пределах ЛСГ ее единицы постоянно взаимодействуют. Варианты взаимодействия двух единиц системы могут быть довольно разнообразны. Так, например, если в значении сопоставляемых единиц имеется по пять смысловых компонентов, как, например, у глагола trudge (глагольность, инактивность, передвижение, идти, с трудом), то графически, схематично это можно представить следующим образом[9].

Единицы ЛСГ	Смысловые компоненты					Вариант взаимодействия
	смысловой инвариант			смысловой вариант		
	1	2	3			
	глагольность	инактивность	передвижение	4	5	
А	+	+	+	×	×	1
Б	+	+	+	×	×	
В	+	+	+	+	×	
Г	+	+	+	+	×	2
Д	+	+	+	×	+	
Е	+	+	+	×	+	3
Ж	+	+	+	+	×	
З	+	+	+	×	+	4
И	+	+	+	×	+	
К	+	+	+	+	×	5

Как мы видим из данной схемы, при всех возможных вариантах соотнесенности двух единиц в нашей ЛСГ ха-

[9] Знаком + обозначаются совпадающие смысловые компоненты, а знаком × — различные.

рактерным является наличие минимального общего количества непосредственно сополагающихся смысловых компонентов, выражающих глагольность, инактивность, передвижение, то есть инвариантные, константные смысловые признаки ряда.

Для характеристики сопоставляемых единиц в пределах ЛСГ важно как количество совпадающих смысловых компонентов, так и порядок их следования. Так, на нашей схеме наиболее далекими по содержанию своего значения являются единицы А и Б, поскольку для них характерно наличие общности только тех смысловых компонентов, которые составляют инвариант ряда. К единицам такого порядка в исследуемой ЛСГ относятся come и leave, fly и crawl, pass и follow, и другие.

Наиболее близкими будут единицы В и Г, поскольку в данном случае сопоставляемые единицы имеют наибольшее количество общих смысловых компонентов, расположенных последовательно и в непосредственной близости. Это pace и step, wander и stroll, creep и crawl, и т. п. Единицы этого типа обладают большей смысловой общностью по сравнению с другими парами. В связи с этим они образуют более узкие подсистемы в пределах ЛСГ. Это группы, объединенные по способу передвижения или по направленности передвижения, и синонимические ряды в них.

Семантика единиц и семантика их отношений в пределах ЛСГ тесно взаимосвязаны.

Анализ смыслового содержания единиц и их взаимодействия позволяет выделить следующие основные типы смысловых отношений для анализируемой и аналогичных ЛСГ:

1. Отношение сходства и различия, дифференциации, проявляющееся в наличии общего смыслового инварианта, с одной стороны, и специфических черт в содержании значения каждой из единиц ЛСГ — с другой. Этот тип отношений согласуется с общей задачей группы — выражение смыслового инварианта и его модификация и опирается на членимость значения единиц в пределах данной парадигматической системы.

2. Отношение включения смыслового содержания единиц более абстрактного уровня в содержание единиц менее абстрактных (см. таблицу, стр. 52). При этом сужение, конкретизация смыслового содержания более

абстрактных единиц происходит путем добавления новых смысловых компонентов, разных по качеству и количеству.

Этот тип отношений опирается на строение значения единиц группы. Последние включают в состав своего значения смысловые компоненты в порядке от более абстрактных к более конкретным, где каждый последующий компонент сужает и уточняет предыдущие. У walk это глагольность + инактивность + передвижение + конкретный способ (пешком), у follow — глагольность + + инактивность + передвижение + направленность (следом) и т. п.

3. Отношение иерархии, при котором единица более высокого уровня абстракции предполагает наличие единицы более низкого уровня абстракции, и наоборот. Сравним, например, go ⟷ walk ⟷ trudge ⟷ stagger (on, along), где walk стоит на более низкой ступени иерархии, чем go, и на более высокой, чем trudge и stagger. При этом значение единицы, находящейся на более высокой ступени иерархии, не зависит от значения единицы, находящейся на более низкой ступени, а значение последней находится в прямой зависимости от первой, поскольку включает в свой состав ее смысловые компоненты.

4. Отношение целого и части. И в ЛСГ, и в ее единицах есть и семантика целого и семантика частей. В ЛСГ семантику целого составляет смысловой инвариант, а семантику частей — значения единиц группы, модифицирующие ее общую смысловую идею. В лексико-семантическом варианте слова семантика частей — это составляющие его смысловые компоненты, вычленяемые путем сопоставления единиц на уровне парадигматики, а семантика целого — последовательность расположения и характер связи смысловых компонентов, присущие лишь данному значению.

Итак, рассматриваемая ЛСГ — своеобразная единица на уровне парадигматики, решающая задачу обозначения процесса самостоятельного передвижения субъекта в пространстве с различными модификациями этого процесса.

Ее единицы объединены лингвистической связью, наличие которой обеспечивает устойчивость системы при всем разнообразии ее единиц.

Изучение взаимодействия единиц внутри ЛСГ позволяет ставить и решать вопрос о смысловой членимости их значения. ЛСГ при этом выступает как системный контекст.

Семантика единиц и семантика их отношений в ЛСГ тесно взаимосвязаны. Каждая единица вступает по меньшей мере в четыре типа основных отношений с прочими единицами ЛСГ и с ЛСГ как целым. Это отношения сходства и дифференциации, включения, иерархии и отношение часть — целое.

И. В. СЕНТЕНБЕРГ

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В РЕЧИ

(На материале глаголов, обозначающих самостоятельное передвижение субъекта в пространстве)

Вопрос об использовании единиц лексико-семантической группы (ЛСГ) в речи продолжает оставаться актуальным, поскольку до сих пор не совсем ясно, чем объясняется поразительная разница в частотности употребления единиц, относящихся к одной и той же ЛСГ, и разная частотность употребления одной и той же единицы ЛСГ в разных текстах. Неясно также, в какой зависимости находится употребление единиц от их положения в ЛСГ и отношения к другим единицам в последней. Сказанное выше и побудило автора к исследованию этого вопроса на материале ЛСГ глаголов передвижения в английском языке*.

Исследуемая ЛСГ, по данным выборки из словаря Роже, включает свыше 500 единиц[1]. Это число значительно возрастет, если учесть так называемые композиты типа drop away «уходить один за другим», set out «отправляться, выехать, вылететь», а также перифрастические словосочетания типа to make a rush «броситься, помчаться», которые часто не фиксируются данным словарем, хотя и являются единицами словарного состава, выступая в последнем в качестве сложных (расчлененных) наименований. Таким образом ЛСГ глаголов передвижения, в равной мере как и другие ЛСГ (например, глаголы речи, зрительного восприятия), представляет довольно большой набор единиц, которые можно использовать по усмотрению говорящего в зависимости от того,

* Публикуемые данные имеют предварительный характер, они основаны на выборке из письменной речи.

[1] The New Pocket Roget's Thesaurus in Dictionary Form, ed. by N. Lewis, N. Y., 1965.

какие моменты процесса он хочет подчеркнуть и какой из субъязыков (научный, разговорный, поэтический и т. п.) используется в коммуникации. В речи (например, в законченном художественном произведении) функциональные возможности ЛСГ используются лишь частично, последняя представлена сравнительно небольшим количеством единиц, примерно 80—100 единиц на 100 000 слов выборки*. Так, например, в «Белой обезьяне» Дж. Голсуорси используется 86 единиц рассматриваемой ЛСГ, в пьесах О. Уайльда — 72; в «Цитадели» и «Замке Броуди» А. Кронина, «Сестре Керри» Т. Драйзера на 100 000 слов выборки приходится соответственно 95, 89 и 76 единиц ЛСГ глаголов передвижения. Данные единицы функционально не равнозначны. Во всех случаях около половины примеров приходится на go и come. Далее следует сравнительно небольшая группа единиц, употребляющихся от 6 раз и выше, но никогда не достигающих частотности употребления, присущей go и come. Даже самые частотные единицы этой группы употребляются, как правило, в два и более раз меньше по сравнению с go и come. Третья группа представлена малоупотребительными единицами.

В «Белой обезьяне», например, на 86 единиц приходится 654 употребления. При этом около половины последних (310) падает на go и come, тринадцать следующих по частотности единиц употребляются от 6 до 20 раз, что дает 210 употреблений, остальные 71 единица употребляются от 1 до 5 раз, что составляет 134 употребления. В пьесах Уайльда come и go употребляются 670 раз из 1203. Следующие 23 единицы с частотностью от 6 раз и выше дают 462 употребления, на остальные 50 единиц приходится 71 употребление. В книге Л. Кэрролла «Алиса в стране чудес» 58 единиц рассматриваемой ЛСГ употребляются 395 раз, из которых 154 употребления приходятся на глаголы go и come. Одиннадцать следующих по частотности единиц в данном тексте употребляются 148 раз, на остальные 45 единиц приходится 91 употребление. Аналогичное положение прослеживается на материале других произведений.

---

* Для удобства анализа под единицей ЛСГ здесь понимаем слово или устойчивое словосочетание, входящее в рассматриваемую ЛСГ в одном, нескольких или всех своих значениях.

Интересно отметить, что состав первой частотной группы ЛСГ остается неизменным для всех проанализированных нами для данной статьи текстов. Состав второй группы также отличается значительным постоянством, хотя отдельные изменения от текста к тексту возможны. Последние, по нашим наблюдениям, обусловливаются неязыковыми причинами, а именно соотношением в тексте авторской и диалогической речи, жанром и сюжетом произведения, местом, где происходит действие, а также частотой повторяемости самого действия. Так, например, в книге «Алиса в стране чудес» глагол swim входит во вторую по частотности (для данного текста) группу слов. Л. Кэрролл употребляет этот глагол 11 раз, причем преимущественно (7 раз) при описании того, как Алиса и Мышь плавали в луже из Алисиных слез. В «Белой обезьяне» глагол swim не употребляется ни разу, поскольку нет необходимой ситуации.

В пьесах Уайльда наиболее частотными после go и come являются enter, leave и exit. Повышенная частотность последних в данном произведении объясняется тем, что текст содержит большое количество ремарок, цель которых — показать передвижение действующих лиц на сцене. Из 167 случаев употребления глагола enter в тексте данного произведения только 5 представлены в речи действующих лиц. Это свидетельствует о том, что данный глагол не типичен для устной речи, где он заменяется сочетаниями come into, go into. Глагол go, наоборот, широко употребляется как в речи действующих лиц, так и в авторских ремарках.

Из всех глаголов, обозначающих способ передвижения как таковой, наиболее употребительным для всех текстов является walk. Это объясняется частотой повторяемости действия, ибо человек в своей повседневной жизни чаще ходит, чем плавает, летает, бегает, ползает.

Анализ употребления ЛСГ глаголов передвижения в произведениях, представляющих разный характер повествования, позволяет утверждать, что существует также ряд языковых причин, способствующих широкому использованию в речи одних единиц и ограничивающих возможности других. К их числу относятся следующие.

1. Разный уровень абстракции, представленный в содержании значения единиц ЛСГ, который определяет положение слова или лексико-семантического варианта

слова в ЛСГ, характер его связи с другими единицами в ЛСГ как системе и при функционировании последней в речи.

По нашим наблюдениям над характером смыслового содержания единиц ЛСГ, их употреблением и употребительностью, в пределах ЛСГ глаголов передвижения следует различать по меньшей мере три уровня абстракции и, соответственно, три ряда единиц, принципиально отличных по характеру своего референциального значения.

На первом, самом низком уровне абстракции располагаются единицы с очень узким, конкретным лексическим значением. Это так называемые адвербиальные глаголы, включающие в состав своего значения не только указание на перемещение в пространстве и способ передвижения, но и обстоятельства, сопровождающие их. Так, например, в значении глагола flee представлено указание на способ передвижения (run), направленность (away) и цель (saving oneself from), то есть такие отношения, которые наблюдаются в релятивной синтагме в предложении.

В значении глагола to dog представлено не только указание на факт передвижения, но и на способ, направленность и обстоятельства передвижения. Последнее достигается благодаря соотнесенности с соответствующим именем существительным (dog — собака). Таким образом, to dog означает «ходить следом, по пятам, не отставая, подобно собаке». В содержании значения глагола squelch представлены следующие компоненты: перемещение (go), характер, способ перемещения (walk), среда (through a wet, muddy field) и звуковое сопровождение (making a sucking sound). Единицы подобного рода составляют большинство в ЛСГ глаголов передвижения. Их значение складывается из (а) инварианта ЛСГ (глагольность, инактивность, передвижение), (б) инварианта соответствующего синонимического ряда в пределах данной ЛСГ (при условии, если таковой имеется) и (в) дифференциальных признаков, свойственных лишь данной единице. В качестве последних на данном уровне абстракции выступают различные обстоятельства, характеризующие и тем самым уточняющие способ передвижения.

На втором уровне абстракции в рассматриваемой

ЛСГ располагаются единицы, которые указывают на: а) передвижение как таковое и б) либо конкретный способ передвижения, без каких-либо дополнительных адвербиальных характеристик (run, walk, swim, fly и др.), либо направленность движения, без указания на конкретный способ передвижения, (pass, follow, cross и др.).

В качестве дифференциальных признаков на данном уровне абстракции выступают способ передвижения (run←→fly ←→ swim←→ ride←→ crawl) или направленность движения (arrive←→leave ←→ pass ←→ cross и др.).

На третьем, самом высоком уровне абстракции в ЛСГ глаголов передвижения, представлены go и come. Глагол go в своем основном лексико-семантическом варианте выражает перемещение в пространстве безотносительно к способу движения и его направленности. В значении «уходить, уезжать, отправляться» go выражает движение от субъекта речи и в этом плане противопоставлен come, обозначающему движение к говорящему.

Единицы, различающиеся по уровню абстракции, различаются по информативной содержательности своего значения и, соответственно, по частотности употребления. Так, наиболее абстрактными, бедными по содержанию референциального значения и самыми употребительными являются go и come. Далее следует группа единиц, относящихся ко второму уровню абстракции, обладающих большей информативной содержательностью своего значения и, соответственно, менее употребительных. Наиболее типичными представителями этой группы являются walk, run, pass, cross, enter, leave, ride, hurry, follow. Состав этой группы, как было показано выше, может претерпевать некоторые изменения в зависимости от действия внеязыковых факторов.

Третью, самую большую группу составляют единицы малоупотребительные. Все они относятся к первому уровню абстракции и обладают самой большой по сравнению с другими единицами ЛСГ информативной содержательностью своего референциального значения.

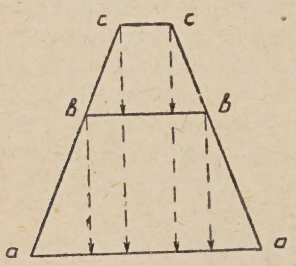
Положение единицы в ЛСГ, ее отнесенность к тому или иному уровню абстракции определяет характер ее связей с другими единицами ЛСГ при функционировании последней в речи.

Благодаря наличию общего смыслового инварианта

любая единица любого уровня абстракции в пределах ЛСГ (на уровне парадигматики) прямо взаимодействует с любой другой единицей группы.

Однако в речи связь между единицами ЛСГ носит в основном односторонний характер. Эта односторонность проявляется в том, что единицы самого низшего уровня абстракции не могут использоваться и не используются в речи вместо единиц второго и третьего уровней абстракции ввиду чрезвычайно большой информативной содержательности первых, которая не снимается в речи. Данное обстоятельство снижает функциональные возможности единиц первого уровня абстракции. Единицы же второго и особенно третьего уровней абстракции широко используются в речи вместо единиц первого уровня абстракции, поскольку релятивные отношения, свойственные последним на уровне парадигматики, легко воссоздаются на уровне синтагматики сочетанием глаголов с соответствующими определителями, например, The soldiers **rushed** forward (=**went** forward **with violence**). The wounded soldier **limped** off the battlefield (=**walked lamely** off the battlefield)*.

Схематично соотношение единиц, относящихся к трем уровням абстракции, можно представить следующим образом:



3-й уровень абстракции

2-й уровень абстракции

1-й уровень абстракции.

Единица **c** может использоваться в речи для замещения единиц **b** и **a**, а единица **b** для замещения **a** при условии уточнения смыслового содержания единиц **c** и **b** в контексте. Все это значительно повышает функцио-

* Примеры взяты из словаря Хорнби (A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. The Advanced Learner's Dictionary of Current English. London, 1958).

нальные возможности единиц второго и, особенно, третьего уровней абстракции.

Итак, ЛСГ включает единицы, различающиеся по уровню абстракции и в связи с этим по особенностям смысловой структуры, что и определяет их во многом различную функциональную нагрузку в речи.

2. Говоря о языковых причинах, способствующих более интенсивному использованию в речи одних единиц ЛСГ и менее интенсивному других, необходимо также отметить следующее.

Реализация понятия, значимого для данной коммуникативной ситуации, может проходить на разных уровнях: языковом, языковом и речевом одновременно и на речевом. В первом случае (a) имеется в виду использование слова, полностью покрывающего существенные признаки понятия и, соответственно, процесса; во втором случае (b) — сочетание слов в речи, одно из которых наиболее общо выражает существенный признак понятия в языке, а другие уточняют его на уровне речи. В третьем случае (c) имеется в виду использование слова или сочетания слов, выражающих данное понятие только в данной ситуации. Сравним, например,

(a) He **toiled** up a steep hill.

(b) He **went** up a steep hill **with great difficulty.**

(c) He **struggled** up a steep hill.

Как видно из данных примеров, отдельные компоненты значения на уровне парадигматики могут выражаться отдельными словами на уровне синтагматики. Сравним (a) и (b), где toil = go with great difficulty. Это дает возможность парафразы языкового значения на синтагматическом уровне. Последняя, на наш взгляд, имеет ряд преимуществ. Во-первых, значение передается общепонятными и общедоступными языковыми средствами, а именно той или иной доминантой (ЛСГ, одной из ее подгрупп или синонимического ряда) в сочетании с широко распространенными определителями, свойственными данной и другим ЛСГ. Это имеет немаловажное значение, особенно если произведение (речь) рассчитано на широкую или, например, детскую аудиторию. Во-вторых, парафраза на уровне синтагматики может рассматриваться и как более выразительное средство, поскольку смысловые компоненты, а точнее компонент, важный для данной ситуации, представлен отдельным

словом. См., например, She **darted off** и The executioner **went off like an arrow.** (Carroll). Второе более выразительно.

3. Не менее важной причиной, обеспечивающей большую функциональную нагрузку тех или иных единиц ЛСГ в речи, является наличие в содержании их значения компонента значимого, дифференциального для большой группы единиц ЛСГ или для ЛСГ в целом. В качестве таковых в исследуемой группе выступают передвижение, способ передвижения (без уточнения последнего через адвербиальные характеристики) и направленность движения, также не осложненная какими-либо дополнительными характеристиками, например, указанием на способ, эмоциональной окраской и т. п.) Так, например, для come — это обозначение приближения, для follow — движение следом, для pass — движение мимо, для walk обозначение способа передвижения — «идти, ходить; идти пешком» и т. п. При актуализации в речи данного признака эти глаголы получают возможность выступать в качестве заместителей большой группы единиц ЛСГ, например: come = arrive, reach, appear, enter, etc; pass = = go past, walk past, run past. Walk употребляется вместо pace, stride, strut, tread, step и им подобных, то есть глаголов более конкретных по содержанию своего значения.

Если же для говорящего важно указать одновременно и на способ передвижения, и на направленность последнего, то чаще всего употребляются сочетания типа run past, come running, fly after и т. п., например, ...when suddenly a footman in livery **came running** out of the wood (Carroll). «**Swim after** them!» screamed the Gryphon (Carroll).

В аналогичной ситуации, то есть при необходимости одновременного указания как на способ передвижения, так и на те или иные его характеристики, вместо walk употребляются либо глаголы pace, stride, strut, tread, trudge и им подобные, либо сочетание walk с обстоятельственной группой, например, ...thinking desperately, he **trudged** (= walked wearily) back to the surgery. (Cronin).

He **walked slowly** up the street... (Cronin).

4. Некоторые единицы многозначны в пределах ЛСГ, что также способствует их большей употребительности в

речи. Так, например, доминанта ЛСГ, глагол go употребляется в двух значениях («передвигаться» и «уходить, уезжать»), глагол run в семи значениях. Многозначными в ЛСГ передвижения являются come, ride, drive, pass, follow, cross, walk, creep и др. Почти все они входят во вторую по частотности группу единиц.

5. Функциональная нагрузка того или иного слова в ЛСГ зависит также от того, является ли значение передвижения у данного слова основным или производным, прямым или переносным, свободным или связанным. Так, например, в значении «идти с трудом, брести, тащиться» в английском языке употребляются глаголы trudge и toil. Однако второй менее употребителен, чем первый, поскольку данное значение глагола toil является производным и переносным. Кроме того, значение toil является более конкретным по сравнению с trudge, поскольку включает дополнительный компонент — «приложение очень больших усилий, часто связанных с болезненными ощущениями».

6. К числу других языковых причин, определяющих функциональную значимость единицы ЛСГ, относится ее принадлежность к тому или иному пласту лексики, а также является ли глагол самостоятельным или отыменным образованием. Так, сравним, например, общеупотребительные walk, flee, hurry и их разговорные эквиваленты foot, skedaddle, nip, нейтральное hurry и его поэтический эквивалент hie. Вторые менее употребительны.

Отыменные глаголы в рассматриваемой нами ЛСГ, как правило, малоупотребительны. Это объясняется очень большой информативной содержательностью их значения. Последняя возникает в связи с тем, что данные глаголы обозначают тот или иной процесс передвижения, соотнося его с однокорневым именем существительным. Таким образом, помимо обозначения действия вообще и самостоятельного передвижения в частности, глагол включает в содержание своего значения тот или иной тип связи с соответствующим именем, например,

to dog — follow closely **as a dog does**
to boat — travel **in a boat**
to file — march **in files**
to coast — go in a ship **along the coast**

to hike — go **for a hike**
to paddle — move **with a paddle***.

Таковы основные языковые и неязыковые причины, способствующие функционированию единиц ЛСГ на уровне речи или, наоборот, сдерживающие его. Языковые причины являются первостепенными, поскольку они определяют основную «расстановку сил» в ЛСГ. Неязыковые причины, как правило, не влияют на частотные характеристики единиц третьего уровня абстракции. Однако в отдельных случаях они могут вносить существенные поправки в частотность употребления единиц второго и, особенно, первого уровней абстракции.

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

Изучение ЛСГ и ее функционирования в речи плодотворно в том отношении, что позволяет устанавливать типы абстракции в лексических подсистемах и, соответственно, типы значений глагольных единиц, их соотнесенность и взаимосвязь на уровне парадигматики и в какой-то мере способствует решению вопроса о взаимодействии парадигматики и синтагматики, языка и речи.

Данные, полученные при изучении ЛСГ глаголов передвижения, позволяют утверждать, что в аналогичного рода ЛСГ тип смысловой структуры глагола или его лексико-семантических вариантов определяет их положение в данной системе. Последнее, в свою очередь, определяет характер их связей с другими единицами ЛСГ при функционировании последней в речи.

Изучение функционирования ЛСГ глаголов передвижения в речи показывает, что частотность употребления ее единиц находится в зависимости от качественных характеристик последних. Таковыми являются принадлежность к тому или иному уровню абстракции, с чем связана бóльшая или меньшая информативная содержательность единиц ЛСГ и возможность их взаимозаменяемости в речи; возможность парафразы языкового значения в речи с целью сделать те или иные его стороны более выразительными; наличие в содержании значения смыслового компонента значимого либо для всех единиц ЛСГ, либо для одной из ее подгрупп; многозначность или однозначность единицы в пределах ЛСГ; тип

---

* Дефиниции значений даются по словарю Хорнби.

лексического значения; принадлежность к пласту лексики; принадлежность единицы к группе отыменных образований, сохраняющих связь с именем в содержании своего значения.

Все эти условия действуют, как правило, в комплексе. Так, отыменный глагол, включающий в содержание значения связь с однокорневым именем, относится, как правило, к первому уровню абстракции и обладает большой информативной содержательностью. В связи с этим в речи он часто замещается единицами второго и третьего уровней абстракции в сочетании с соответствующими определителями; ему несвойственна многозначность в пределах ЛСГ.

Изучение функционирования исследуемых глаголов в речи показывает также, что частотность их употребления находится в зависимости от жанра и сюжета произведения, места, где происходит действие, частоты повторяемости называемого процесса, а также соотношения авторской речи и речи персонажей.

В. М. СОКОЛОВА

ГЛАГОЛЫ ШИРОКОЙ СЕМАНТИКИ

(На материале глаголов give и take)

Проблема слов с широким значением является одной из малоразработанных. Под широким значением понимается значение, которое содержит максимальную степень абстракции, выражает единое обобщенное понятие и при употреблении слова в речи конкретизируется в лексических вариантах. Лексическим вариантом называется конкретный случай реализации широкого значения слова в определенной дистрибутивной формуле с определенным лексическим наполнением. Лексические варианты — это более тонкие и детальные смысловые деления внутри широкого значения глагола. Они представляют собой применение слова в данном широком значении, ограниченное рамками сочетаемости.

Материалом для данного исследования послужили глаголы give и take. Сочетания этих глаголов с послелогами и фразеологизмы из анализа исключены, как представляющие отдельные проблемы[1].

Исследуемые глаголы выражают единое обобщенное понятие: глагол to give выражает понятие «giving», глагол to take выражает понятие «taking»[2]. Н. Н. Амосова дает следующие определения широкого значения каждого из них: «Глагол to give означает «отчуждать от себя». To take означает «включать в сферу своего физического, психического либо правового состояния или воздействия, извлекая из окружающего»[3].

---

[1] См. Ю. Д. Апресян. Экспериментальное исследование семантики русского глагола, М., 1967, стр. 88.

[2] P. M. Roget. Thesaurus of English Words and Phrases, Lnd. — N.-Y. — Toronto, 1958, pp. 292—293.

[3] Н. Н. Амосова. Основы английской фразеологии, Л., 1963, стр. 115.

Широкое значение глагола to take реализуется в разных лексических вариантах в зависимости от лексической сочетаемости. Например, лексический вариант to adopt[4] реализуется в формуле $N_1+V+N_2+prp+N_3$, где N_1 — личное местоимение he, N_3 — конкретное неодушевленное существительное — a house: **...he had taken me,** when a parentless infant, **to his house...** (Ch. Bronte).

Если взять лексический вариант to lay hold of with the hand(s) or other part of the body or with any instrument (lit. and fig.), оказывается, что во всех примерах, где реализуется этот лексический вариант, N_1 — личные местоимения, обозначающие лицо, N_2 — конкретные неодушевленные существительные: **I** jumped up, **took my muff and umbrella,** and hastened into the inn—passage... (Ch. Bronte). **I took a book** — some Arabian tales... (Ch. Bronte). В этой формуле (N_1+V+N_2) N_2 может быть конкретным существительным, обозначающим часть тела: **...he had taken my hand,** as if to lead me to a chair. (Ch. Bronte).

В некоторых случаях при реализации этого лексического варианта формула может расширяться: $N_1+V+N_2+prp+N_3$, при этом N_1 (как и в предыдущих примерах) — личные местоимения, обозначающие лицо, N_2 и N_3 — конкретные неодушевленные существительные, обозначающие предметы: And **I took a rose from a vase...** (Ch. Bronte). В следующих примерах этой формулы N_3, в отличие от предыдущего примера, — конкретные существительные, обозначающие части тела: **He took the glass from her hand.** (Ch. Bronte) **...she** raised her bent body, **took the pipe from her lips...** (Ch. Bronte).

Лексический вариант «to carry with one, to cause to come with one» реализуется в формуле $N_1+V+N_2+prp+N_3$ при N_1 — конкретное существительное, обозначающее лицо, N_2 — личное местоимение, обозначающее лицо, и N_3 — конкретное существительное, обозначающее предмет: «They belong to the old gentleman», — said Oliver wringing his hands; «to the good, kind, old **gentleman who took me into his house...** (Ch. Dickens).

[4] Определение каждого лексического варианта дается по словарям: The Concise Oxford Dictionary of Current English, Oxford, 1951; The Advanced Learner's Dictionary of Current English by A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield, Lnd, 1958.

Лексический вариант широкого значения глагола to take — «to drink» реализуется в формуле N_1+V+N_2+ $+prp+N_3$ при N_1 — личном местоимении, обозначающем лицо, N_2 — конкретном существительном, обозначающем вещество, и N_3 — конкретном существительном, обозначающем еду: ...and you sleeping there, as if **you took laudanum with your meals,** and nothing stronger. (Ch. Dickens).

В следующих примерах формула остается той же самой, что и в предыдущих примерах, ее лексическое наполнение: N_1 — личное местоимение и имя собственное, обозначающее лицо, N_2 и N_3 — конкретные существительные, обозначающие предметы; лексический вариант — «to pick out and make use of»: **...she has taken a chair in the chimney-corner,** and says nothing shall stir her from it till she gets leave to come in here. (Ch. Bronte). **Campbell took a chair by the table,** and Dorian sat opposite to him. (O. Wilde).

При лексическом варианте «to hold» в формуле N_1+V+N_2 N_1 — конкретное существительное, обозначающее лицо, N_2 — конкретное существительное, обозначающее часть тела: He had seen on the streets, with persons of her class that **the women took the men's arms.** (J. London).

Во всех рассмотренных выше лексических вариантах N_1 было выражено личными местоимениями, конкретными существительными, именами собственными, обозначающими лицо. В следующем лексическом варианте «to carry» N_1 — конкретное существительное, обозначающее средство передвижения, N_2 — личное местоимение и N_3 — конкретное неодушевленное существительное: and we all got into a **coach, which took us to a beautiful large house...** (Ch. Bronte).

Если во всех предыдущих примерах (формулы N_1+ $+V+N_2$, $N_1+V+N_2+prp+N_3$) N_1, N_2 и N_3 — конкретные одушевленные и неодушевленные существительные, то в следующих примерах (формула N_1+V+N_2) N_2 — абстрактное существительное: Why **didn't you take my advice in the beginning...** (Ch. Dickens). I feel assured that **nobody** having a bent that way **will take any warning from him...** (Ch. Dickens). Здесь реализуется лексический вариант — to accept. N_2 — также абстрактное существительное при лексических вариантах «to

choose»: **He took the same route...** (Ch. Dickens); «to make use of»: That is what **I took the liberty** of coming to you about. (O. Wilde).

В следующем примере при лексическом варианте «to feel, experience» (формула $N_1+V+N_2+prp+N_3$) N_2 и N_3 — абстрактные существительные, а N_1 — конкретное существительное, обозначающее часть тела: «Eagerness of a listener!» repeated she: «yes»; Mr. Rochester has sat by the hour, his ear inclined to the fascinating **lips that took such delight in their task of communicating...** (Ch. Bronte).

Во всех исследованных примерах N_1 — конкретные существительные, одушевленные и неодушевленные, обозначающие лицо и предметы. Глагол «to take» сочетается также с абстрактными существительными (N_1): Happily I do not mean to harm it(mind): but if I did, **it would not take harm from me.** (Ch. Bronte). Лексический вариант здесь — «to lessen, to weaken».

В следующем примере (формула N_1+V+N_2+prp+ $+N_3$) N_1, N_2, N_3 — абстрактные существительные, лексический вариант — «to cause a person (or thing) to be no longer in a certain place»: they (features) were full of an interest, **an influence** that quite mastered me, — **that took my feeling from my own power** and fettered them in this. (Ch. Bronte).

Глагол to take, таким образом, выражая единое обобщенное понятие, имеет широкое значение «включать в сферу своего физического, психического либо правового состояния или воздействия, извлекая из окружающего». При исследовании его лексических вариантов учитывались следующие показатели: лексические значения существительных, расположенных влево от ядра формулы — рассматриваемого глагола; одушевленность — неодушевленность, конкретность — абстрактность существительных левого и правого окружения.

Глагол to give связан с понятием весьма широкого объема «giving», обнаруживающим высокую степень обобщения, но в контексте широкое значение глагола to give «отчуждать от себя» конкретизируется в каждом отдельном случае, выражаясь в лексических вариантах. Так, например, лексический вариант «to make another the recipient of something in subject's possession or at subject's disposal» реализуется в формуле N_1+V+N_2+

$+N_3$, где N_1 — личное местоимение, имя собственное (название лица), N_2 — личное местоимение, обозначающее лицо, а N_3 — конкретное, неодушевленное существительное, обозначающее предмет: ...**Sikes gave him a** large rough **cape** to button over his shoulders. (Ch. Dickens).

В следующем примере формула остается той же самой, но лексический вариант в данном случае другой — «to hold out»: He held out hid hand; **I gave him mine.** (Ch. Bronte). Интересно отметить, что в этом примере первая часть предложения определяет лексический вариант широкого значения глагола to give.

Лексический вариант «to hand something over to as a present» также реализуется в формуле N_1+V+N_2+ $+N_3$:... and **he** was always kind to me and **gave me pretty dresses and any toys...** (Ch. Bronte). Лексический фактор, таким образом, в целом ряде случаев преобладает над синтаксическим в разграничении лексических вариантов широкого значения.

В следующем примере (формула N_1+V+N_2+prp$+$ $+N_3$) N_1 — личное местоимение, обозначающее лицо, N_2 — конкретное неодушевленное существительное, N_3 — абстрактное существительное, обозначающее время: Hitherto I have recorded in detail the events of my insignificant existence: **to** the first ten **years** of my life, **I have given** almost as many **chapters...** (Ch. Bronte). Лексический вариант здесь — «to devote».

Глагол to give, будучи переходным, может иметь одновременно прямое и косвенное дополнение: **He gave me everything** I wanted... (O. Wilde). If he only wanted to steady down, **I'd give him a job** drivin' the wagon... (J. London). При отсутствии одного из дополнений формула будет другой (N_1+V+N_2):... and that the **explanation Mr. Rochester had given** was merely an invention framed to pacify his guests. (Ch. Bronte). The above reward will be paid to any person **who will give such information...** (Ch. Dickens). Как видно из примеров, крайний член правого окружения от ядра формулы — абстрактные существительные; здесь реализуется лексический вариант «to supply».

В зависимости от лексической сочетаемости в следующих примерах выражается лексический вариант «to show»: He saw the glance, but **he gave no sign,** for among the things he had learned was discipline. (J. London).

...to my faults also **she gave ample indulgence;** never imposing curb or rein on anything I said. (Ch. Bronte).

Если сравнить два следующих примера, то оказывается, что формула сочетаемости у них одна и та же ($N_1+V+N_2+prp+N_3$): **He** had dreamed of her as a great artist, **had given his love to her** because he had thought her great. (O. Wilde). **...strength** was what she needed, and **he gave it to her** in generous measure. (J. London). В этих примерах все члены формулы, кроме N_2, совпадают. В первом случае N_2 — love, во втором — strength. Хотя оба существительные абстрактны, они относятся к различным лексико-семантическим группам, что и обусловливает наличие двух разных лексических вариантов: «to deliver», «to cause to have».

Во всех рассмотренных примерах левая часть формулы от ядра выражена либо личными местоимениями, либо именами собственными, обозначающими лицо. Однако глагол to give, будучи широкозначным, сочетается также с абстрактными существительными в качестве подлежащего (N_1): «**Pace gives life**», was the reposte. (O. Wilde). ...His eye wandered and no meaning in its wandering; **this gave him an odd look...** (Ch. Bronte). В этом примере N_1 — местоимение this, заменяющее «his eye wandered and had no meaning in its wandering». В первом случае лексический вариант широкого значения «to cause or allow to have», в последнем — «to impart».

Благодаря своей широкой семантике глагол to give в формуле $N_1+V+N_2+N_3$ имеет экзистенциальное значение — to be the source or origin of: **Every effect** that one produces **gives one an enemy.** (O. Wilde).

Исследование материала показывает, таким образом, что рассматриваемый глагол по своим семантическим особенностям принадлежит к числу глаголов широкой семантики. Причиной его семантических особенностей является обобщенный характер самого понятия, языковым выражением которого служит этот глагол.

Дистрибутивный анализ помогает выявить разнообразные смысловые связи глаголов to take и to give, которые сочетаются как с конкретными, одушевленными и неодушевленными существительными, так и с абстрактными существительными, относящимися к различным лексико-семантическим группам слов. Широкое значение каждого из этих глаголов проявляется в лексичес-

ких вариантах, являющихся конкретными случаями реализации этого значения в речи. Ни один из этих лексических вариантов не равен широкому значению, хотя последнее лежит в основе каждого из них.

Смысловая структура слов широкого значения представляет совокупность лексических вариантов, объединенных обобщенностью выражаемого ими понятия.

Л. Н. СЫЧЕВА, М. И. ШЛИХТА

О НЕКОТОРЫХ ВИДАХ СИНОНИМОВ В ЮГО-ЗАПАДНЫХ ГОВОРАХ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Явление синонимии в диалектах французского языка еще мало изучено. Синонимические словари[1], как правило, не отражают диалектной синонимии. Изучение самого полного этимологического словаря Блока и Вартбурга[2] показывает, что в нем отражено лишь ограниченное число диалектных вариантов — без полного охвата данных лингвистического атласа Франции[3] и новейших региональных французских атласов.

Сопоставительное исследование синонимов, конкурирующих в диалектах и в литературном языке, помогает изучить влияние диалектного словаря на французский литературный язык, истолковать историческое развитие синонимических рядов литературного языка, а также позволяет вскрыть новую семантическую градацию слов как в диалектах, так и в литературном языке. Сравнение ареалов отдельных синонимов дает возможность точнее проследить границы современных французских диалектов.

Настоящее исследование проведено лингвогеографическим методом с использованием данных диалектных и этимологических словарей, диалектологических монографий, атласов и материалов синонимических, идиоматических, идеографических и толковых словарей.

---

[1] R. Bailly. Dictionnaire des synonymes de la langue française, Larousse, Paris, 1947. H. Bénac, Dictionnaire des synonymes, Hachette, Paris, 1956.

[2] O. Bloch et W. von Wartburg. Dictionnaire étymologique de la langue française. Presses Universitaires de France, Paris, 1950, 1960.

[3] J. Gilliéron et E. Edmont. Atlas linguistique de la France, 35 fasc. Champion. Paris, 1902, 1910. Сокращенно: ЛАФ.

Как показывают современные лингвистические атласы, на лингвистической карте, отражающей синхронное состояние языка, можно выявить все этапы исторического развития того или иного языкового явления[4]. Лингвистическая география расширяет, углубляет и уточняет сведения истории языка, сравнительной грамматики и лексикологии.

В данной статье рассматриваются диалектные синонимы литературных вариантов в юго-западных говорах французского языка, к которым относятся говоры Пуату, Ониса, Сентонжа и Ангумуа[5], то есть говоры, на которых говорят в департаментах Вандея, Де-Севр, Вьенна, Нижняя Шаранта, Шаранта.

В языковом развитии этих областей есть много общих черт, возникших в результате долгого совместного существования.

Первоначально говоры вышеперечисленных областей были провансальскими. Так, Герлих[6] на основе изучения старофранцузских хартий Пуату, Ониса, Сентонжа, Ангумуа доказал, что еще в XII и XIII вв. в этих областях говорили на провансальских говорах. Об этом же пишет и Гамильшег[7]. Исторически этот факт объясняется тем, что территория Пуату, Ониса, Сентонжа и Ангумуа в течение ряда веков входила в состав южнофранцузских объединений. Так, например, Пуату еще во Франкском государстве было частью Аквитании, а в IX—XII вв. графы Пуату были одновременно и герцогами Аквитанскими.

В настоящее время, как это показывают материалы ЛАФ, юго-западные говоры занимают в языковом отношении промежуточное положение между северо-запад-

---

[4] М. А. Бородина. Проблемы лингвистической географии, М.—Л., 1966, стр. 9—10.

[5] E. Görlich. Die südwestlichen Dialekte der Langue d'oil. Französische Studien, Bd. 3, 1882, S. 64. E. Gamillscheg. Zur sprachlichen Gliederung Frankreichs. Hauptfrage der Romanistik. Festschrift für Philipp August Becker. Heidelberg, 1922, S. 50—74. Sever Pop. La dialectologie. Aperçu historique et Méthodes l'enquêtes linguistiques. — Université de Louvain. Recueil de travaux d'histoire et de philologie, 3-e série, fascicule 38, 39. Première partie «Dialectologie romane». Seconde partie «Dialectologie non romane», Louvain, 1950.

[6] E. Görlich. Ук. соч., стр. 42.

[7] E. Gamillscheg. Ук. соч., стр. 64.

ными, центральными и провансальскими. Их сходство с северо-западными говорами обусловлено тем, что территория Пуату, Ониса и Сентонжа неоднократно присоединялась к графству Анжуйскому. Общие черты в юго-западных и центральных говорах являются следствием того, что территория юго-западных графств часто отторгалась у графов Анжуйских и присоединялась к домену французского короля, а в 1447 г. навсегда вошла в состав королевских владений.

Таким образом, в истории языкового развития Пуату, Ониса, Сентонжа и Ангумуа можно различить два этапа: первый — провансальский этап, когда Пуату, Онис, Сентонж, Ангумуа входили в состав Аквитании, а затем герцогства Аквитанского; второй этап приходится на период влияния французского литературного письменного языка, складывавшегося в XI—XII вв. на основе северо-западных французских диалектов, а начиная с XIII в. на основе франсийского диалекта[8].

Для данной статьи из ЛАФ было выбрано всего сорок карт, потому что только в них четко выделяется на материале распространения синонимов ареал юго-западных говоров. Материала этих карт оказалось достаточно, чтобы убедиться, что юго-западные говоры в ряде случаев проявляют сходство с провансальскими диалектами. Например, такие слова, как coup «раз»[9], dévaler «спускаться»[10], dépouiller «переодеться»[11], maquereau «смородина»[12], alblanche «зяблик»[13], встречаются не только в юго-западной диалектальной группе, но и в провансальских диалектах. Безусловно, не всегда можно утверждать, что то или иное слово распространилось именно в первый период (провансальский), ибо здесь возможно иногда и просто сохранение в отдельных пунктах исконного латинского слова, тогда как в некоторых

---

[8] Ср. Н. А. Катагощина. О соотношении литературного языка и диалектов в старофранцузский период (до XIII в.). (К изучению проблемы формирования общефранцузского литературного языка). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, М., 1955, стр. 29.

[9] ЛАФ карта № 589, 590, 591. C'est la première fois qu'il vient.

[10] ЛАФ карта № 393. Descendre dans la cave.

[11] ЛАФ карта № 394. Changer d'habit.

[12] ЛАФ карта № 670, Groseille.

[13] ЛАФ карта № 1018, Pinson.

пунктах оно могло быть по различным причинам вытеснено другим словом.

В других же случаях в юго-западных говорах проявляются черты сходства с диалектами северо-запада, а именно, такие слова, как: coroil «засов, задвижка»[14], cacosser «заикаться, лепетать»[15], gorer «выходить из себя»[16], и целый ряд других встречаются только в северо-западных и юго-западных говорах. Это можно объяснить длительным совместным существованием этих районов в рамках одного государственного объединения. Зона распространения этих слов показывает, что иррадиация могла происходить с северо-запада на юго-восток и наоборот.

Наконец, такие слова, как brouillard «туман»[17], chènevis «конопляное семя»[18], groseille «смородина»[19], brouette «тачка»[20] и целый ряд других, встречающихся на юго-западе, в центре, на востоке и на севере, говорят о том, что эти слова, по-видимому, существуют по всей Франции с очень давних времен.

В связи с этим изучение распространения различного рода синонимов в диалектах юго-западной группы представляет значительный интерес. В статье рассматриваются такие синонимы литературным вариантам, которым в той или иной степени присущи элементы архаичности, и слова, которые, не являясь синонимами в литературном языке, в юго-западных говорах выступают в качестве синонимов. В данном случае интересно проследить ареал этих групп синонимов в изучаемом районе, в пограничных с ним областях и по всей территории Франции.

Рассмотрим последовательно синонимические пары, один из компонентов которых сохранил в диалектах юго-запада следы старого языкового состояния:

1) Юго-западное диалектное слово и его литературный эквивалент. Рассматриваемые диалектизмы засвидетельствованы в том же значении в старофранцузских

---

[14] ЛАФ карта № 1374, Verrou.
[15] ЛАФ карта № 122, Bégayer.
[16] ЛАФ карта № 1169, Roter.
[17] ЛАФ, карта № 178, Brouillard.
[18] ЛАФ, карта № 266, Chènevis.
[19] ЛАФ, карта № 670, Groseille.
[20] ЛАФ, карта № 177, Brouette.

текстах, а в современном литературном языке не встречаются. Интересно отметить, что они больше ни разу не встречаются по всей территории Франции. Исключение составляет слово coroil, синоним verrou, отмеченное в департаменте Манш[21].

2) Диалектные синонимы, сохранившие в юго-западных диалектах старое значение, утраченное этими словами в литературном языке.

3) И, наконец, синонимические пары (литературное слово и диалектное), которые в латинском языке не были синонимами, причем один из них, значение которого восходит к латинскому языку, бывает обычно распространен в юго-западных диалектах.

Рассмотрим первую группу синонимов.

1) Различные фонетические варианты wej, wel, oj, восходящие к лат. ovis «овца». Эти формы встречаются в качестве синонимов к общелитературным brebis «овца»[22], mouton «баран»[23]. Любопытно отметить, что, выступая в качестве синонима к mouton, они образуют значительно меньший по площади ареал, чем в качестве синонимов к brebis, и вовсе не зафиксированы в качестве синонимов к bélier «баран»[24].

2) Слово coroil и его фонетические варианты, употреблявшиеся в старофранцузском языке в XII—XIII вв. в значении «засов, затвор, задвижка» и восходящее к народнолатинскому curruculum вместо лат. curriculum «бег, бегающий предмет», выступает до сих пор на юго-западе в качестве синонима к verrou «засов, затвор, задвижка».

3) До сих пор в качестве синонимов к общелитературному rhume «простуда, катар (дыхательных путей)»[25] встречается arimire, arimure — производные от старофранцузского rime (XII—XIII вв.). В современном общелитературном языке корень -rim- сохранился в производном rimule «голосовая щель».

В качестве второго синонима к общелитературному rhume выступает старофранцузское слово crache, сохранившееся в общелитературном языке лишь как метал-

---

[21] ЛАФ, карта № 1374, Verrou. (см. сноску 14).
[22] ЛАФ, карта № 173, Brebis.
[23] ЛАФ, карта № 886, Mouton.
[24] ЛАФ, карта № 124, Bélier.
[25] ЛАФ, карта № 1155, Rhume.

лургический термин и замененное словом crachat «плевок, мокрота».

4) Старофранцузское breuille «внутренности, потроха» до сих пор встречается на юго-западе в качестве синонима к общелитературному foire (вульг.) «понос»[26] из лат. foria «понос у свиней».

5) В юго-западных диалектах засвидетельствовано также слово aploit, употреблявшееся в XIII—XV вв. в значении «сбруя, конское снаряжение, упряжь». В настоящее время aploit выступает на юго-западе в качестве синонима к charrue «плуг»[27] наряду с такими словами, как versure, harnais.

6) И, наконец, старофранцузское crevure (XII—XIV вв.), производное от глагола crever, зафиксировано в изучаемом районе как синоним общелитературного trou «дыра, яма»[28].

Что же касается ареала этих архаизмов, встречающихся лишь в юго-западных диалектах, то одни из них — wej и coroil распространены по всему юго-западу за исключением отдельных пунктов[29] и в пограничных ему департаментах на востоке и на севере почти до Луары (то есть до старой границы юго-западных диалектов)[30]. При этом wej синоним к mouton в значительно меньшей степени распространен в департаментах, прилегающих к юго-западным говорам.

Другие встречаются только в юго-западных диалектах, либо в северной части исследуемого района: arimire, arimure, crache[31], либо в его юго-восточной части и прилегающих к этой части департаментах: aploit, crevure[32].

Таким образом, слова wej, coroil, arimure, crache, aploit, crevure, исчезнувшие из общелитературного языка уже несколько столетий тому назад, еще продолжают свое существование в различных говорах юго-запада.

---

[26] ЛАФ, карта № 588, Avoir la foire.

[27] ЛАФ, карта № 246, Charrue.

[28] ЛАФ, карта № 1336, Trou.

[29] А именно: (пп. 448, 427, 429) — для wej синонима к mouton.

[30] Вандея (пп. 448, 427, 521), Де-Севр (пп. 417, 418, 510, 512, 511), Нижняя Шаранта (п. 515) — для coroil.

[31] Arimire, arimure — Вандея, Де-Севр (кроме п. 510), crache — Де-Севр. п. 510, Breuille — Де-Севр. п. 510.

[32] Aploit — Шаранта пп. 610, 519; Верхняя Вьенна п. 606, crevure — Крез п. 704.

Ко второй группе относятся диалектные синонимы, сохранившие на юго-западе значение, которое они утратили в современном общелитературном языке полностью (vermine, venin, aspic, chiche) или частично (froment, dévaler, coup).

Так, синонимами к литературному serpent «змея»[33] (от лат. причастия serpens «ползающий») здесь употребляются следующие слова:

1) vermine — производное от verme, старой формы для ver «червь», из лат. vermis «червь»; в современном языке vermine значит «паразит (насекомое), нечисть», ср. соврем. verminière «яма для червей на корм птицам», где сохранилось старое значение «червь».

2) venin из народнолатинского venimen «червь», от прилагательного venenum «ядовитый»; в литературном языке в результате дальнейшего развития значения venin стало обозначать «яд».

3) aspic из лат. aspis «ядовитая змея» (заимствованное из греческого aspis с тем же значением, которому соответствовало египетское ḥaja «кобра, очковая змея») в старофранцузский период применялось для обозначения то одного, то другого вида змей, не обязательно ядовитых, в результате чего постепенно произошло расширение значения — до «змея» вообще. Позже зоологи закрепили aspic за одним из видов гадюки. В современном общелитературном языке aspic «аспид» (зоол.), а на юго-западе до сих пор сохранилось устаревшее расширенное значение этого слова.

Таким образом для диалектов характерно бóльшее количество синонимов, чем для литературного языка. Подобное явление отмечено и для немецкого языка[34].

4) Слово carne из лат. caro, carnis «мясо», «падаль» на юго-западе сохранило значение «падаль, мертвечина», в то время как в современном литературном языке в этом значении оно вытеснено производным charogne[35] из народнолатинского caronia производного от caro, carnis. С другой стороны, carne существует в современном разговорном языке в значении «жесткое мясо».

---

[33] ЛАФ, карта № 1221, Serpent.

[34] Немецкая диалектография. Сборник статей. Перевод с немецкого Н. А. Сигал. Редакция, предисловие и примечания В. М. Жирмунского. Изд. ИЛ., М., 1955, стр. 8.

[35] ЛАФ, карта № 243, Charogne.

5) Слово froment из лат. frumentum «хлеб на корню», преимущественно «пшеница», употребляющееся в юго-западных диалектах в значении «пшеница вообще», является синонимом к общелитературному blé[36]. В современном общелитературном языке froment употребляется лишь для обозначения пшеницы высшего качества.

6) Глагол dévaler[37] на юго-западе является синонимом к descendre. В современном общелитературном языке глагол dévaler утратил значение «спускаться» и употребляется лишь в словосочетании dévaler une pente «спускаться по склону».

7) Слово coup из народнолатинского colpum, лат. colaphus «оплеуха, удар кулаком» на юго-западе употребляется в качестве синонима к fois[38].

В современном общелитературном языке coup в значении «раз» является устаревшим, носит фамильярный оттенок и употребляется лишь в закрепленных выражениях du premier coup «с первого раза», deux coups «два раза», en deux coups «с двух раз», d'un coup, en un coup «с одного раза», pour le coup «на этот раз».

Таким образом, в диалектах наблюдается также процесс стирания стилистических различий, характерных для литературного языка.

Следует отметить, что слова, где сохранилось старое значение, образуют несравненно меньший по площади ареал по сравнению с «чистыми» архаизмами. Здесь уже ни одно из вышеперечисленных слов не распространяется по всему юго-западу. Они встречаются небольшими островками, еще не успевшими затонуть в море общелитературных слов. Большинство из них засвидетельствовано только в юго-западных говорах и в прилегающих к ним районах (и лишь два из них встречаются не только в юго-западных диалектах: coup — в департаменте Манш, в Валлонии, на крайнем юго-востоке и юго-западе; dévaler — на юго-западе и юго-востоке). При этом выделяются два основных района распространения: северный, с охватом прилегающих к нему районов, и южный (департаменты Нижняя Шаранта и Шаранта).

---

[36] ЛАФ, карта № 136, Blé.

[37] ЛАФ, карта № 393, Descendre dans la cave. (См. сноску 10).

[38] ЛАФ, карта № 589, 590, 591. C'est la première fois qu'il vient (См. сноску 9).

В северной части встречаются: vermine, aspic, carne, froment, venin[39].

В южной части зафиксированы: chiche, coup[40]. И, наконец, dévaler разбросано островками по всей территории юго-западных говоров и прилегающих к ней районов[41].

Наряду с двумя описанными выше группами синонимов в юго-западных говорах выделяется третья. Это — слова, являющиеся синонимами и в современном литературном языке, например, такие слова, как: mamelle и pis «вымя»[42] или caisse и boîte «ящик, коробка». Латинские же слова, к которым они восходят, синонимами не являются. Так, лат. pectus, давшее современное французское pis, значило «грудь, сердце, душа, храбрость», а лат. mamille, давшее современное французское mamelle, значило «вымя».

Лат. capsa, давшее в провансальском caissa, и затем современное французское caisse, очень редко встречавшееся в литературном языке до XVI в., значило «вместилище», либо «ящик для хранения рукописных свитков». Народнолатинское buxida или buxita, давшее в современном французском языке boîte, имело значение «коробка»[43].

Из пары таких синонимов в юго-западных диалектах живет тот, значение которого старше, то есть соответственно mamelle, boîte. На всем юго-западе, а также в ряде прилегающих к нему на востоке департаментов говорят mamelle, но не pis. Подобная же картина наблюдается на юго-западе, в Нормандии и в говорах южной Франции[44]. Boîte вместо caisse встречается отдельными

---

[39] Vermine — Де-Севр. (пп. 418, 511), Вьенна (п. 508), Нижняя Луара (п. 447), Мэн-и-Луара (п. 435), venin — Мэн-и-Луара (п. 415), aspic — Вандея (п. 448), Мэн-и-Луара (412), Carne (пп. 416, 409, 423, 202, 103, 101), froment — Н. Луара (п. 446), Мэн-и-Луара (пп. 435, 433).

[40] Chiche — Шаранта (п. 529), Coup — Шаранта (пп. 610, 519), Нижняя Шаранта (п. 517).

[41] А именно: Вандея (кроме пп. 427, 423, 531), Вьенна (пп. 416, 508, 507), Шаранта (пп. 517, 621), Нижняя Луара (пп. 445, 467), Мэн-и-Луара (п. 435), Эндр-и-Луара (пп. 406, 407), Шер (пп. 103, 202, 400), Эндр (пп. 405, 505), Верхняя Вьенна (пп. 608, 604).

[42] ЛАФ, карта № 1020, Pis de la vache.

[43] ЛАФ, карта № 197, Caisse.

[44] А именно: Эндр (пп. 540, 503, 505), Эндр-и-Луара (п. 407), Шер (п. 600), Верхняя Вьенна (п. 506), Крез (пп. 504, 702).

островками по всему юго-западу и в некоторых прилегающих к нему департаментах[45], а также на северо-западе, в департаменте Иль-и-Вилен.

Таким образом, на окраинах Франции, в том числе и в юго-западных французских диалектах, бытуют слова, у которых то или иное значение встречалось еще в латинском языке, что свидетельствует о том, что инновации, возникающие в центре, очень медленно доходят до периферийных районов Франции.

В юго-западных диалектах могут употребляться такие слова, которые в литературном языке имеют различного рода аффективные оттенки. Так, вместо слов habit «одежда»[46], panier «корзинка»[47], roter «выходить из себя»[48], bégayer «заикаться, запинаться»[49] на юго-западе засвидетельствованы слова, которые иногда даже трудно назвать синонимами. Однако при внимательном сравнении этих слов почти всегда можно обнаружить то общее в их значении, что их объединяет.

Так, например, может показаться, что между panier, которое встречается по всей Франции, и bouteillon (в литературном языке «солдатский походный котелок») из старофранцузского butticula, означавшего «бочка», нет ничего общего. Но тем не менее bouteillon засвидетельствовано на юге департаментов Де-Севр, Нижняя Шаранта, Вьенна как синоним к panier. По-видимому, в данном случае у этих двух слов объединяющим началом явилось то, что оба они обозначают предметы, предназначенные для хранения вещества: в одном случае — bouteillon — для жидкого вещества, в другом — panier — для сыпучего.

В качестве синонима к rateau «грабли» в двух пунктах юго-запада (п. 412, п. 447) встречается traîne — в общелитературном языке «волочение», «шлейф». Эти два слова, обозначающие в литературном языке два совершенно разных предмета, имеют одну точку соприкосновения. Ср. «шлейф» — часть платья, которая волочится

---

[45] А именно: Вандея (пп. 540, 521), Де-Севр (пп. 419, 417), Вьенна (п. 509), Шаранта (п. 519), Нижняя Шаранта (п. 535), Мен-и-Луара (п. 483), Эндр. (пп. 405, 505).

[46] ЛАФ, карта № 280, Changer d'habit (см. сноску 11).

[47] ЛАФ, карта № 965, Panier.

[48] ЛАФ, карта № 1169, Roter (см. сноску 16).

[49] ЛАФ, карта № 122, Bégayer (см. сноску 15).

по земле, и «грабли» — предмет, который проделывает то же движение; таким образом, слова, передающие одно и то же действие — волочение по земле, стали на юго-западе синонимами.

В некоторых случаях диалектные синонимы к литературным вариантам не имеют экспрессивного оттенка, свойственного этим словам в литературном языке. В словосочетании changer d'habit на юго-западе вместо habit встречается effets «носильные вещи, багаж» и affaires, являющиеся в литературном языке синонимами к habit с ярко выраженным фамильярным оттенком, hardes, имеющее в литературном языке уничижительный оттенок, и, наконец, draps «сукно, простыня». Каждое из этих слов распространено не по всей территории юго-западных диалектов, а лишь в нескольких пунктах[50]. Среди диалектных синонимов к литературным вариантам встречается много слов с неясной этимологией. Это хорошо видно на диалектальных синонимах к ŕoter «выходить из себя, кричать»: redasa, boiker, arketa, gorer, goreter, koiker. Некоторые из них можно объяснить контаминацией с другими глаголами. Например, goreter могло произойти в результате контаминации gorer (geuler) и roter. Некоторые из них могли быть созданы путем звукоподражания, например, boiker, koiker, подобно литературному coasser.

То же самое можно наблюдать и на диалектных синонимах к bégayer «заикаться». По-видимому, путем контаминации образовались kakoser, kanoner, по типу общелитературного jacasser из jacter и agacer и, наконец, bégacer, возникшее в результате контаминации bégayer и agacer. Интересно отметить, что bégacer встречается по всей территории юго-западных диалектов, тогда как bégayer, kakoser, kakoner встречаются главным образом на их северных окраинах.

Итак, изучение диалектных синонимов к литературным вариантам в юго-западных французских говорах показывает, что, несмотря на сильное влияние литературного языка, юго-западные диалекты и в наши дни выделяются в целом ряде случаев в особый окраинный

[50] Ср.: effets в пунктах 458, 429, 531 департамента Вьенна; affaires п. 511 Де-Севр., п. 409 Вьенна; чаще всего встречается hardes, засвидетельствованное в департаментах Нижняя Луара, Де-Севр, Вьенна.

ареал с присущими ему одному характерными чертами. До настоящего времени здесь наблюдается много архаизмов среди местных синонимов к литературным вариантам. Многие диалектные синонимы сохраняют устаревшие значения, давно исчезнувшие из литературного языка. Весьма часто юго-западный ареал характеризуется наличием бóльшего количества синонимов-вариантов, чем в литературном языке, причем диалектные синонимы носят нейтральный характер, т. е. не имеют тех стилистических, экспрессивных оттенков, которые свойственны этим словам в литературном языке.

Э. О. ТРАВУШКИНА

УМЕНЬШИТЕЛЬНЫЕ ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В «ПУТЕВЫХ КАРТИНАХ» ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

Генрих Гейне — большой мастер слова — часто использует уменьшительные имена существительные как стилистическое средство, добиваясь большой экспрессивности. На это обратила внимание Э. Ризель в своем комментарии к «Путешествию по Гарцу»[1].

Наиболее часто и эффективно Гейне пользуется этим стилистическим средством в «Путевых картинах» («Reisebilder»), написанных в 1824—1830 гг.

«Путевые картины» были новым важным этапом в развитии мировоззрения и творчества Гейне. Гейне обратился к прозе, так как считал, что в этом жанре он сможет полнее выразить свое резкое неприятие феодально-монархической и филистерской Германии. «Проза принимает меня в свои широкие объятия, — пишет он поэту В. Мюллеру, — и в ближайших томах «Путевых картин» вы найдете много прозаически дикого, жестокого, колкого и гневного и особенно много полемики. Время наше уж очень скверное»[2].

В этом произведении Гейне затрагивает большой круг вопросов: французскую революцию, буржуазную парламентскую «демократию», буржуазные партии, суд, национализм, беспорядки при дворах немецких князей, религию, церковь, поповство, филистерство, мнимую ученость и многое другое.

Рассуждения на эти темы чередуются с впечатлениями, полученными во время путешествий: это архитектура городов, музеи и памятники искусства, обычаи и нравы людей, картины природы.

Уже в «Путешествии по Гарцу» наметились характерные особенности прозы Гейне. Эпическое повествова-

---

[1] H. Heine. Die Harzreise. Sprach- und Stilübungen von Prof. E. Riesel. M. ,1952, S. 98.

[2] Г. Гейне. Собр. соч. в 10 томах, т. 9, М., 1959, стр. 313.

ние постоянно перебивается лирическими отступлениями, звучащими почти как стихи в прозе, причудливость образов сочетается с острой публицистичностью.

О языке и стиле «Путешествия по Гарцу» Э. Ризель пишет следующее: «Остро́та и литературный блеск, легкость и виртуозность языка и стиля не являются самоцелью; они являются важным вспомогательным средством выражения общественно-критического содержания»[3]. Это же можно сказать и о других частях «Путевых картин».

Данная работа имеет целью показать содержание уменьшительных и их употребление у Гейне.

Для исследования использовались следующие произведения из «Путевых картин»: 1) Die Harzreise, 2) Ideen. Das Buch Le Grand, 3) Reise von München nach Genua, 4) Die Bäder von Lucca, 5) Englische Fragmente[4].

* * *

Уменьшительные формы имен существительных полисемантичны. Кроме объективной малости предмета, они обозначают разные оттенки эмоциональной окраски — от восхищения, любви, симпатии и участия до пренебрежительности, иронии и сарказма.

В «Путевых картинах» нами обнаружено 223 уменьшительных существительных, 94 из которых выражают объективную малость предмета, 57 сочетают объективную малость и эмоциональную окраску, 72 имеют только эмоциональную окраску. Критерием для этой классификации является узкий и широкий контекст.

Правда, резкое разграничение не всегда возможно, так как значение малости и эмоциональная окраска иногда тесно переплетаются.

Употребление уменьшительных у Гейне будет рассматриваться согласно этой классификации.

Уменьшительные, выражающие только понятие малости

Эти уменьшительные употребляются для обозначения малого роста людей, животных и малого размера предметов.

---

[3] E. Riesel, указ. соч.

[4] Heines Werke in fünf Bänden. Weimar, 1959, 2. und 3. Band. В примерах произведения отмечаются соответствующей цифрой.

Hie und da bemerkte ich auch ein fernblaues **Berglein**, das sich auf die Fußzehen zu stellen schien... (3,180). Signora trillerte, das **Hündchen** bellte. (4,262). Wer mir aber gar nicht verändert schien, das war der kleine Baron, der lustig wie sonst durch den Hofgarten t ä n z e l t e, mit der einen Hand den linken Rockschoß in der Höhe haltend, mit der andern Hand sein dünnes **Rohrstöckchen** hin und her schwingend; es war noch immer dasselbe freundliche **Gesichtchen**, ...es war noch immer das alte **Kegelhütchen**, es war noch immer das alte **Zöpfchen**, nur daß aus diesem jetzt einige weiße **Härchen** statt der ehemaligen schwarzen **Härchen** hervorkamen. Aber so vergnügt er auch aussah, so wußte ich dennoch, daß der arme Baron unterdessen viel Kummer ausgestanden hatte, sein **Gesichtchen** wollte es mir verbergen, aber die weißen **Härchen** seines **Zöpfchens** haben es mir hinter seinem Rücken verraten. Und das **Zöpfchen** selber hätte es gerne wieder abgeleugnet und w a c k e l t e gar wehmütig lustig. (2,39—40).

Интересно, что здесь имеются и глаголы с уменьшительным суффиксом -eln: tänzeln, wackeln.

Обозначая объективную малость предмета, уменьшительные этой группы с точки зрения стилистического употребления интереса почти не представляют. Но встречаясь гнездами, как в последнем примере, они, безусловно, служат определенной стилистической цели.

Уменьшительные, выражающие малость и эмоциональную окраску

Кроме объективной малости предмета, эти имена существительные выражают разнообразные оттенки эмоциональной окраски, как положительные, так и отрицательные.

Положительные: приятное, милое и дорогое, симпатия и расположение, жалость и участие. Порой эти оттенки тесно переплетаются.

Von allen Teufeln kennen Sie vielleicht nur den kleinsten, das **Beelzebübchen** Amor (2,8). ...auch hat sie mir manchmal etwas Eingemachtes gegeben, und ein **Likörchen** dabei... (4,279). ...die Waisenkinder mit ihren blauen **Jäckchen** und ihren lieben, unehelichen **Gesichtchen** ziehen über den Jungfernstieg... (1,286).

Отрицательные: неприятное, пренебрежение, ирония, сарказм.

Ueberall starrt Reichtum und Vornehmheit, und hineingedrängt in abgelegene **Gäßchen** und dunkle, feuchte Gänge wohnt die Armut mit ihren Lumpen und ihren Tränen. (5,84). ...vergebens sollen glänzende **Läppchen** aus den Poeten die prosaische Blöße bedecken. (5,94).

Уменьшительные с отрицательной оценкой со стилистической точки зрения представляют бóльший интерес, чем уменьшительные с положительной окраской. Гейне использует их для высмеивания целого ряда персонажей мужского пола. Изображая их духовное убожество, писатель рисует их и внешне непривлекательными. Мужчина маленького роста с маленькими ножками, личиком, головкой и тому подобным не является образцом мужской красоты. И, наоборот, очень крупная женщина с большими ручищами или ножищами производит неблагоприятное впечатление, а маленькие ножки, ручки, личико придают ей изящность и женственность. В «Флорентинских ночах» Гейне описывает женщину, употребляя целый ряд уменьшительных, имеющих положительное значение. In der Tat, an seiner Seite erblickte ich ein hübsches, junges Geschöpf, ...das hübsche runde Gesicht umso freier hervorglänzend mit seinen blitzenden Augen, mit seinen geschminkten **Wänglein, Schönheitspflästerchen** und impertinent süßen **Näschen.** (S. 133)[5].

На Брокене Гейне встретил мужчину, который ему не понравился, и при описании его внешности, среди других стилистических средств, употребляет несколько уменьшительных, которые делают этот образ внешне непривлекательным.

Nachdem ich mich ziemlich rekreiert, bestieg ich die Turmwarte und fand daselbst einen k l e i n e n Herrn mit zwei Damen... Es war eine dünne, merkwürdige Figur. Ein **Köpfchen,** sparsam bedeckt mit grauen **Härchen...** Dieses **Gesichtchen** schien aus einem zarten, gelblichen Tone zu bestehen... (1, 262, 264).

---

[5] H. H e i n e, Werke und Briefe in zehn Bänden. 4. Band. Berlin, 1961.

Едко высмеивает Гейне ограниченного, тупоумного и самодовольного филистера Гирша, который стал называть себя Гиацинтом, так как считал, что «Гирш» звучит ординарно и не соответствует его образованности. При его характеристике он употребляет целый ряд уменьшительных. Говоря о нем впервые, автор дает яркую характеристику этого персонажа, изображая его жалким и внешне; затем он время от времени напоминает об этом читателю.

Die kleine Gestalt... hätte vielmehr den Namen einer Feuerlilie verdient. Es war ein schlotternd weiter Scharlachrock, überladen mit Goldtressen, ...und aus dieser roten Pracht schwitzte ein **Köpfchen** hervor, das mir sehr wohlbekannt zunickte. Und wirklich, als ich das bläßlich besorgliche **Gesichtchen** und die geschäftig zwinkernden **Aeuglein** näher betrachtete... (4, 245). Dazu hat er... den roten Oberrock abgelegt, und zum Vorschein kommen zwei kurze demütige **Beinchen** in engen Scharlachhosen... (4, 288). ...blinzelte mit stolz vergnügten **Aeuglein** und schüttelte das wunderstaunende **Häuptlein.** (4, 288—289).

Уменьшительные, выражающие только эмоциональную окраску

Положительная оценка, выражение сочувствия, сострадания.

...die Blumen am Ufer flüstern zärtlich: «O, nimm uns mit, nimm uns mit, lieb **Schwesterchen!**» (1, 280). ...ich werde dieses **Fäßchen** gar freudig anzapfen... (2, 57). ...die **Schäfchen** erhaschten die Krumen, die lieben, blanken **Kühlein** sprangen um uns herum... (1, 257).

Отрицательная оценка.

...und diese Zinsen ...sind so bedeutend, daß ein Mensch ziemlich starke Nerven haben muß, wenn er das **Gerchäftchen** übernehmen will, für die Bezahlung dieser Summen zu sorgen. (5, 111). ...daß man glauben sollte, der Verfasser sei ein manntolles **Mägdlein.** (4, 291). ...die ...jedem freien Gefühl ihr heuchlerisches **Feigenblättchen** vorklebt. (4, 265).

Наибольший интерес представляют те уменьшительные, которые Гейне использует в лирическом повествовании, и с помощью которых он критикует и высмеивает.

Ярче всего лирическая линия в «Путешествии по Гар-

цу». Гейне, тонко чувствовавший природу, поэтично воспевал ее, создавая прозу, близкую к поэзии. Среди других стилистических средств автор употребляет и уменьшительные существительные, которые в контексте становятся поэтизмами. Они передают веселое и радостное настроение рассказчика, его восторженность и очарованность природой.

Es murmelt und rauscht so wunderbar, die Vögel singen abgebrochene Sehnsuchtslaute, die Bäume flüstern wie mit tausend Mädchenzungen, ...die sinnigen **Kräutlein** erzählen sich grüne Märchen... In ihren weißen Nachtmänteln standen die Berge, die Tannen rüttelten sich den Schlaf aus den Gliedern, ...die **Vöglein** hielten Betstunde. ...sobald er aber fort war, fingen die Bäume wieder an zu sprechen, und die Sonnenstahlen erklangen und die **Wiesenblümchen** tanzten... (1, 259, 249, 250).

Уменьшительные, содержащие отрицательную эмоциональную окраску, почти все используются автором как средство иронии и сатиры для высмеивания отрицательных сторон общественной жизни и личных врагов. Достается филистерам, мнимоученым, литераторам, представителям дворянства, министрам, реакционерам, Бурбонам и другим.

...diese Autoren besitzen doch immer selbst noch ein **Exemplärchen** ihres längstverschollenen **Büchleins...** (2, 46). Ja, ein junger Dichter ...bemerkte sogar, wie einige belletristische Damen ...sich gemütlich die «Abendzeitung» vorlasen, ihre poetischen **Ziegenböckchen** ...als Universialgenies priesen... (1, 260). ...nach den blutigen Revolutionsszenen und Kaiseraktionen kommen wieder herangewatschelt die dicken Bourbonen mit ihren alten abgestandenen **Späßchen...** (2, 43).

Некоторые особенности употребления уменьшительных в «Путевых картинах»

Средства, усиливающие семантику уменьшительных. Как было сказано выше, уменьшительные существительные тесно связаны с контекстом. Часто они обусловливаются и подготавливаются им и, с другой стороны, сами влияют на контекст. Но часто выделяются и особые лексические средства, которые ярко подчеркивают семантику уменьшительных. Подчеркивается и усиливается как

понятие малости, так и субъективная оценка и эмоциональная окраска, чаще последнее.

Усилители малости.

1. Имена прилагательные. Прилагательные klein и winzig в исходной форме и в степенях сравнения, обозначающие все признаки малости предмета (длину, ширину, толщину, высоту и т. п.).

...und Herkulanum und Pompeji ...zeigen dem Reisenden das römische Privatleben in **kleinen Häuschen** mit **winzigen Stübchen**... (3, 207). ...und wenn Rothschild Glaubensalz einnimmt, fühlt er dieselbe Wirkung wie **das kleinste Maklerchen.** (4, 281).

Прилагательные dünn, fein, kurz, eng, niedrig в разных степенях сравнения, подчеркивающие лишь один признак малости.

...mit blassen Augen im welken Gesichte, **dünnen** weißen **Härchen** auf dem schwankenden Kopfe... (4, 252). Dieses verschaffte er mir in einem **engen Zimmerchen**... (1, 261). ...ein **kurzes,** ängstlich violettes **Seidenkleidchen**... (3, 194). ...sie wissen, daß ich nicht menschenstolz bin und mit den **niedrigsten Wiesenblümchen** ebenso gern spreche wie mit den höchsten Tannen. (3, 168).

2. Числительные.

...zogen sich über die Wangen **einige tausend** halbkreisartige, feine **Fältchen.** (1, 264).

3. Слова и словосочетания — einzig, jedes, nicht einmal, auch nicht и др. ...an **einem einzigen** dieser **Fünkchen** erkannte ich Monsieur Le Grand. (2, 42). ...untersucht ängstlich **jedes Eisenstiftchen, jedes Rädchen.** (5, 106). Как дополнительный усилитель здесь воспринимается наличие двух уменьшительных форм.

«...**nicht einmal ein Achtelchen** vom großen Los gäbe ich für die Liebe!» (4, 279). ...dann reicht er die Teller immer rechts herum, so daß **auch nicht das kleinste Schwanzstückchen** für dich überigbleibt. (3, 155).

Усилители субъективной оценки и эмоциональной окраски.

1. Прилагательные и причастия в роли эпитетов.

Der Kirchhof in Goslar hat mich nicht sehr angesprochen. Desto mehr aber jenes **wunderschöne Lockenköpfchen**... (1, 244). ...mit bunten Bändchen auf dem **abgeschabten Röckchen**... (5, 82). «Da bin ich **armes Schindluderchen** schon wieder marode». (1, 231).

Среди них выделяются прилагательные и причастия, которые являются неожиданными эпитетами, что часто встречается у Гейне. Неожиданность придает им очень сильную эмоциональную окраску.

...und zum Vorschein kommen zwei **demütige Beinchen...** (4, 288). ...bewegte sein **zartes Häuptlein** wie ein **betrübtes Lämmerschwänzchen...** (1, 231). ...statt der blitzenden, **lachenden Gröschlein finden** wir nichts als Staub... (5, 93).

2. Первый компонент сложного существительного с уменьшительным суффиксом.

Melancholisch überkriecht uns der Gedanke: daß... von all jenen Schönen, ...von all jenen **Maiköpfchen** mit Aprillaunen ...nichts übriggeblieben ist als diese bunten Schatten... (3, 231). ...und lief mutig durch die Reihen der Kämpfenden mit ihrem **Enthusiasmusfäßchen** und stärkte die Müden... (3, 211).

3. Другое уменьшительное существительное с той же эмоциональной окраской.

...diese obskuren Autoren besitzen doch immer selbst noch ein **Exemplärchen** ihres längstverschollenen **Büchleins.** (2, 46).

4. Противопоставление несуффиксального существительного суффиксальному.

Wiedehöpfchen, Elsterchen, Schuhuchen, alles krächzt und ächzt und schnarrt — nur die **Nachtigall** stimmt nicht ein in diese Kritiken... (3, 169).

5. Глагол-сказуемое, значение которого в свою очередь усиливается уменьшительным существительным.

...und nachher bei kümmerlichem **Oellämpchen** sein **Ghaselchen ausseufzt.** (4, 304).

Скопления уменьшительных существительных. В «Путевых картинах» уменьшительные часто употребляются гнездами — до 10 в одном предложении или в одной ситуации. И так же, как и усилители, они чаще выражают эмоциональную оценку, чем объективную малость предмета.

Путешествуя по Тиролю, Гейне восхищался его прекрасной природой. Понравились ему и «изящные, милые домики» тирольцев. В их описании он четыре раза употребил уменьшительную форму Häuschen. Ее повторение не только напоминает нам о малых размерах, но прежде

всего придает всему отрывку эмоциональную окрашенность.

Die Menschen steckten in ihren niedlichen, netten **Häuschen,** die über der Halde... zerstreut liegen; niedliche, nette **Häuschen,** gewöhnlich mit einer langen, balkonartigen Galerie... Auch hübsch bemalt sind diese **Häuschen,** meist weiß und grün... Wenn ich solch **Häuschen** im einsamen Regen liegen sah, wollte mein Herz oft aussteigen und zu den Menschen gehen... (3, 180).

Нежностью, симпатией, жалостью и трогательным участием проникнуто описание умершей Вероники. Эти чувства выражены целым рядом уменьшительных существительных, которые, безусловно, обозначают в то же время и малость. Отношение автора к какому-либо лицу может передаваться и через предметы, принадлежащие этому лицу или окружающие его.

Madame, Sie können sich kaum vorstellen, wie hübsch die kleine Veronika aussah, als sie in dem kleinen Särglein lag. Die brennenden Kerzen... warfen ihren Schimmer auf das bleiche lächelnde **Gesichtchen** und auf die rotseidenen **Röschen** und rauschenden **Goldflitterchen,** womit das **Köpfchen** und das weiße **Totenhemdchen** verziert war... und als ich die kleine Leiche mit den Lichtern und Blumen auf dem Tische ausgestellt sah, glaubte ich anfangs, es sei ein hübsches **Heiligenbildchen** von Wachs... (2, 66—67).

В «Английских фрагментах» Гейне дает потрясающее описание «бушующей» улицы в Лондоне, где, как ему казалось, «каждый стремится протиснуться в безумном страхе за свою крохотную жизнь». И он вспоминает «милую Германию», где на улицах царит совсем иная, спокойная обстановка. Упоминая в этой ситуации придворных, он употребляет уменьшительные формы существительных, в которые вкладывает всю свою неприязнь к ним. Употребление ряда уменьшительных, да еще необычных, значительно усиливает экспрессивность: ...die Menschen können... tief, tief grüßen, wenn irgend ein vornehmes **Lümpchen** oder **Vizelümpchen,** mit bunten **Bändchen** auf dem abgeschabten **Röckchen,** oder ein gepudertes, vergoldetes **Hofmarschälkchen** gnädig wiedergrüßend vorbeitänzelt! (5, 82).

Глагол vorbeitänzeln с уменьшительным суффиксом имеет здесь также отрицательный, пренебрежительный оттенок.

Высмеивая своего современника Генриха Клаурена, Гейне на слащавость его романов намекает целым рядом уменьшительных, которые здесь имеют пренебрежительный оттенок. Другая группа уменьшительных в этой же ситуации имеет положительную эмоциональную окраску: Гейне предвкушает удовольствие, которое доставит ему гарнир к свинине, купленной на гонорар за произведение, в котором он критикует Клаурена. Taschenbordellchen выражает едкую иронию по поводу его книг. ...der Sänger der Korallenlippen, Schwanenhälse, hüpfenden **Schneehügelchen, Dingelchen, Wädchen, Mimilichen, Küßchen** und **Assessorchen**, nämlich H. Clauren ... dieser Echte liefert mir all jene Gerichte, die er in seinen jährlichen **Taschenbordellchen** mit der Phantasie einer näscherischen Küchenjungfer so jettlich zu beschreiben weiß, und er gibt uns noch ein ganz besonderes **Extra-Schüsselchen** mit einem **Selleriegemüschen**, «wonach einem das **Herzchen** vor Liebe puppert... (2, 58).

Употребление уменьшительных скоплениями усиливает стилистический эффект и придает эмоциональную окрашенность целому отрывку.

Возникновение уменьшительных форм иногда обусловлено одной или несколькими предшествующими уменьшительными, и не только их содержанием — mein **Schneiderlein**, mit seinen Ziegenhainer **Beinchen...** (1, 230), — но и самой формой. Здесь могут играть роль и звуковая сторона, и его графическое изображение. Возникнув, они, с другой стороны, воздействуют на соседние уменьшительные, усиливая их значение. Таким образом могло возникнуть Hofmarschälkchen и некоторые уменьшительные формы в последнем примере этого раздела. Это явление отмечает также Э. Ризель[6].

Необычные уменьшительные существительные. В «Путевых картинах» встречается очень много уменьшительных форм, которые употребляются редко.

Hier, bei der Erinnerung an sein kleines **Stiefvaterländchen**, wurden des Mannes Aeuglein flimmernd feucht... (4, 246). Ср. также Tränensäckchen (2, 27), Schindluderchen (1, 231).

Гейне часто образует уменьшительные формы от имен, обозначающих вещества и абстрактные понятия,

[6] Riesel, указ. соч.

от которых такие формы в немецком языке употребляются редко. Только две обозначают понятие малости, остальные — эмоциональную окраску.

Ich bin doch auch in Hamburg auf einem Ball gewesen, der 1500 Mark und 8 Schilling kostete, aber das war doch nur ein **Hühnerdreckchen** gegen einen Misthaufen. (4, 270). Da hörte ich nichts als ärgerliche **Histörchen**... (3, 213). ...ein ganz klein **Wunderchen** muß sie doch tun können... (4, 274). Ср. также Schwärmereichen (4, 275), Lebensatemchen (1, 245), Systemchen, Hypotheschen, Mißgebürtchen (1, 228), Pülverchen (4, 285).

Как менее обычные, эти уменьшительные ярко окрашены (даже вне контекста) и, как показывает материал, лишь очень редко обозначают малость предмета.

Употребление суффикса -lein

В прозе общеупотребительным является суффикс -chen. Суффикс -lein встречается редко. Он подчеркивает объективную малость предмета и, как менее обычный, придает слову больше эмоциональной окраски. Писатели используют эту особенность в стилистических целях.

В «Путевых картинах» слов с суффиксом -lein — 16, не считая тех, которые по своему звуковому составу могут иметь только этот суффикс (Berglein, Bächlein). Не удивительно, что среди существительных, которые обозначают малость, имеется лишь одно с суффиксом -lein, да и этот случай спорный: Immermanns Edwin hängt am Leben, wie'n **Kindlein** an der Mutter Brüsten... (2, 13).

В остальных случаях существительные с -lein выражают эмоциональную окраску.

...und einen mit einem artigen **Schlößlein** gekrönten, waldgrünen Berg... (5, 79). Als gründlicher Reisender muß ich auch anführen, daß die Frau Wirtin in Sterzing ... zwei junge **Töchterlein** hat... (3, 182). Er ritt ein weißes **Rößlein**... (2, 35). ...Wie **Glöcklein**, erklang in mir die Stimme der kleinen Veronika... (2, 65).

Гейне сравнительно часто использует уменьшительные формы с -lein. В романе Т. Манна «Будденброки», например, таких форм только две (Verlsein, Köpflein).

Содержание уменьшительных с -lein более эмоцио-

нально, чем с -chen. Частое использование первых соответствует эмоциональному характеру произведения.

Для речевой характеристики и в описании путешествия по Баварии Гейне для создания местного колорита использовал варианты суффикса -lein из южнонемецких и швейцарских диалектов: -el, -erl, -li.

Der Ort ... heißt ... das **Schlössel...** (3,165). «Ironie haben wir nicht», rief **Nannerl...** (3, 160). Aber der Schweizer weinte ... und wimmerte beständig: « O **Bäbeli! O Bäbeli!**» (1, 271).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Уменьшительные существительные являются одним из стилистических средств, использованных Гейне в «Путевых картинах». Выражая самые различные виды эмоциональной оценки, они соответствуют эмоциональному характеру произведения, носящего обличительный характер.

Гейне часто употребляет уменьшительные формы, добиваясь яркого стилистического эффекта. Почти все встречаются в авторской речи и только небольшое число — в речи персонажей.

Уменьшительные, выражающие только объективную малость предмета, редко служат стилистическим целям. Основной интерес представляют те, которые выражают субъективную оценку и эмоциональную окраску или эти значения вместе с объективной малостью.

Уменьшительные, выражающие положительную эмоциональную окраску, встречаются в лирическом повествовании; особенно удачно они использованы в описании природы; в таких пассажах они становятся поэтизмами.

Но бóльшую часть составляют те, которые выражают отрицательное отношение автора к описываемым предметам и лицам. Они являются оружием сатиры. Гейне использует их для высмеивания отсталого и отжившего, а также в борьбе со своими личными врагами.

В использовании уменьшительных форм Г. Гейне имеются некоторые особенности:

эмоциональная окраска уменьшительных существительных усиливается рядом лексических средств;

чаще, чем обычно, встречаются уменьшительные формы, образованные от существительных, от которых

такие формы либо редко, либо вовсе не употребляются (сюда относятся и имена, обозначающие вещество и абстрактные понятия);

употребление уменьшительных скоплениями;

частое употребление уменьшительных форм с более эмоциональным суффиксом -lein.

Все эти особенности придают языку Гейне эмоциональный характер, что и соответствует содержанию его произведения «Путевые картины».

Э. О. ТРАВУШКИНА

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ПЕРЕВОДОМ НА РУССКИЙ ЯЗЫК УМЕНЬШИТЕЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В «ПУТЕВЫХ КАРТИНАХ» ГЕНРИХА ГЕЙНЕ

Целью данной работы является рассмотрение способов перевода уменьшительных существительных немецкого языка на русский. Исследование проводилось на материале «Путевых картин» Гейне и их переводов, выполненных П. Вейнбергом, М. Михайловым, В. Зоргенфреем, А. Дейчем, В. Станевич, Н. Касаткиной и др.[1].

Исследовались все уменьшительные существительные оригинала из книг «Die Harzreise» и «Ideen. Das Buch Le Grand» и все уменьшительные, встречающиеся в переводах этих книг; частично привлекался текст из остальных разделов «Путевых картин» («Reise von München nach Genua», «Die Bäder von Lucca», «Englische Fragmente»).

Анализируемые нами переводы (при всех различиях) отличаются необходимой точностью и художественным вкусом и могут явиться основой для наблюдений и выводов по интересующей нас проблеме.

* * *

Полноценность художественного перевода означает не только исчерпывающую точность в передаче смысло-

[1] Heines Werke in fünf Bänden. 2. und. 3. Band. Weimar, 1959. Полн. собр. соч. Г. Гейне, изд. 2, т. 4, СПб, 1904 — перевод П. Вейнберга; Полн. собр. соч. Г. Гейне в переводе русских писателей, т. 5, СПб, 1900 — перевод М. Михайлова; Полн. собр. соч. Г. Гейне, т. 1, Одесса, 1903 — перевод М. Оренбаха («Путешествие на Гарц»), К. Оленина («Идеи. Книга Ле Гран»); Г. Гейне. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 4, М.—Л., 1935 — перевод В. Зоргенфрея; Г. Гейне. Избранные произведения М.—Л., 1935 — перевод А. Дейча; Г. Гейне. Избранные произведения. М., 1950 — перевод В. Станевич («Путешествие на Гарц») и Н. Касаткиной («Идеи. Книга Ле Гран»)

вого содержания, но и передачу разнообразных средств экспрессивности, образности и эмоциональности. Уменьшительные слова и являются одним из таких средств.

Каждый язык имеет свою специфику, свои нормы, свой «идеал» в употреблении уменьшительных. Слишком редкое употребление уменьшительных при переводе на русский язык может обеднить речь, а чрезмерное их употребление может сделать ее слащавой. Не менее важным моментом при переводе являются особенности языкового стиля автора, его художественно-эстетические взгляды и особенности стиля данного произведения. Другим важным фактором является прочтение оригинала переводчиком в общем и в частностях, от чего зависит точность перевода. Уменьшительные существительные, например, полисемантичны и в иных случаях их можно толковать по-разному. Наконец, при переводе играют роль стиль самого переводчика и его эстетические вкусы.

Исследование переводов имеет не только практическое, но и теоретическое значение: при сопоставлении ярче обнаруживаются те или иные явления языка. Небезынтересно также, что при переводе более полно реализуются ресурсы и возможности языка, на который осуществляется перевод.

Г. Гейне часто использует уменьшительные имена существительные как стилистическое средство, добиваясь большой экспрессивности, особенно в «Путевых картинах»[2].

Нами отобраны для анализа 133 случая употребления уменьшительных имен существительных и рассмотрены способы их перевода. Кроме того, рассматриваются причины возникновения 149 уменьшительных в переводах, которым в оригинале соответствуют неуменьшительные.

Уменьшительные оригинала, которым соответствуют уменьшительные в переводе

1. Чаще всего уменьшительные оригинала передаются на русский язык уменьшительными же. В 45 случаях все переводчики, употребив уменьшительные формы с

[2] См. предыдущую статью автора в данном сборнике.

суффиксами первой степени -К, передали полный объем содержания уменьшительных оригинала.

15 существительных, помимо вещественного содержания, несут в себе понятие малости. Die Herden zogen auf die Weide, und es läuteten ihre **Glöckchen.** (1, 229) — колокольчики [3].

15 существительных, помимо вещественного содержания, выражают понятие малости вместе с субъективной оценкой. Die brennenden Kerzen... warfen ihren Schimmer aud das bleiche lächelnde **Gesichtchen...** (2, 66) — личико.

15 существительных выражают вещественное содержание в сочетании с субъективной оценкой. ...wonach einem das **Herzchen** vor Liebe puppert... (2, 58) — сердечко.

При переводе сложных слов один компонент может становиться приложением к другому слову или вступать с ним в другую синтаксическую связь. Уменьшительный суффикс получают либо одно, либо оба слова. ...und um mein träumendes Haupt klingelten die **Glockenblümchen** von Goslar. (1, 249) — цветы-колокольчики, цветочки-колокольчики.

2. В 21 случае некоторые или все переводчики передали уменьшительные существительные оригинала русскими словами с суффиксами второй степени -ОЧЕК. Такое усиление потребовалось потому, что у Гейне эти слова имеют повышенную эмоциональную окраску. Они встречаются в лирическом повествовании или используются в сатирических целях, выполняя важные стилистические функции. ...blinzelte mit stolz vergnügten **Aeuglein** und schüttelte das wunderstaunende **Häuptlein.** (4, 288—289) — ...моргнул гордо самодовольными *глазенками* и покачал почтительно изумленной *головенкой.* (В., 374—375). ...etwa ein neu ergrübeltes Systemchen, oder **Hypotheschen...** (1, 228) — *гипотезочка.*

Одно уменьшительное содержит подчеркнутую малость предмета. ...und ihn mit unzähligen dünnen **Härchen** fest binden... (5, 97) — волосинки.

3. В 52 случаях при переводе уменьшительных заметны колебания: одни переводчики дают адекватный

---

[3] Соблюдается тот же порядок в подаче примеров, что и в предыдущей статье. См. там сноску 4.

перевод как по форме, так и по содержанию, другие обходятся без уменьшительной формы и не передают понятия малости и оттенков субъективной оценки.

8 имен выражают понятие малости. Dieses verschaffte er mir in einem engen **Zimmerchen**... (1, 261) — в узкой комнате; два других переводчика показали бóльшую степень малости — в узкой комнатушке.

9 уменьшительных выражают подчеркнутую малость. Понятие малости у Гейне подчеркивается лексическими средствами. ...nicht einmal ein **Achtelchen** vom großen Los gäbe ich für die Liebe! (4, 279) — ...даже *восьмой доли* главного выигрыша не отдам за любовь... (В., 366).

35 уменьшительных содержат целую гамму оттенков субъективной оценки и эмоциональной окраски и выражают восхищение природой, хорошее настроение автора, расположение, симпатию и, с другой стороны, пренебрежение, уничижительность, сатиру и едкую иронию. Одна треть этих имен содержит еще и понятие малости.

...womit das **Köpfchen** ... verziert war. (2, 66—67) — голова. (Речь идет об умершей девочке, в описании которой Гейне употребляет целый ряд уменьшительных, выражающих симпатию и сочувствие к ней).

Ich ... nahm die artigen **Blümchen** aus dem Glase... (1, 244) — прелестные, *хорошенькие* цветы. Отсутствие суффикса у существительного частично компенсируется здесь уменьшительно-ласкательным суффиксом прилагательного.

Sie ... schüttet ein klein weiß **Pülverchen** hinein, und sagt: «Kühle dich, Geliebter...» — und den andern Morgen sind Sie wirklich ein kühler Mensch. (4, 285) — порошок. Уменьшительной формой Г. Гейне не только указывает на небольшое количество (об этом говорит уже прилагательное), но прежде всего намекает на действие порошка. Этот намек слабее выражен у тех переводчиков, которые отказались от употребления суффикса.

...der sich gewiß Tag und Nacht abmüht, sie für sein politisches **Systemchen** empfänglich zu machen. (1, 268) — системка, системочка, система. В последнем варианте пропал смысл, который Гейне вкладывал в слово Systemchen: намек на интимные отношения министра с балериной.

Слово Engelein встречается дважды: ...oder man tändelt und schäkert mit den lieben, zärtlichen **Engelein**...

(2, 7). Und im Himmel oben, im ersten Range, sitzen unterdessen die lieben **Engelein**... (2, 44). В пяти случаях «ангелочки», у П. Вейнберга и М. Михайлова «духи», «бессмертные», «крылатые мальчики», у К. Оленина — «боги».

То, что П. Вейнберг и М. Михайлов избегали слова «ангелочки», можно объяснить цензурными условиями.

4. В одном случае переводчики переносят оттенок эмоциональной окраски и суффикс на другое слово, появившееся в переводе, воспроизведя, таким образом, колорит оригинала. ...auch hat sie mir manchmal etwas Eingemachtes gegeben, und ein **Likörchen** dabei... (4, 279) — рюмочка ликеру.

Непереведенные на русский язык уменьшительные

В 14 случаях все переводчики передали уменьшительные существительные оригинала неуменьшительными формами русского языка. Причины этого различны.

1. В 5 случаях уменьшительному оригинала больше соответствует неуменьшительное, так как значения уменьшительных от соответствующих слов в немецком и в русском языках не совпадают. ...und die fremden Leute mochten es mir wohl ansehen, ...wie gern ich ihnen ein **Liebeswörtchen** gesagt hätte. (5, 140) — приветливые слова, ласковые слова.

Гейневское Taschenbordellchen в предложении ...die er in seinen jährlichen **Taschenbordellchen**... so jettlich zu beschreiben weiß... (2, 58) также нельзя перевести уменьшительной формой, так как слово «домик» не имело бы отрицательного оттенка. Поэтому в переводах: «карманный публичный дом», «карманный непотребник», а также небуквальный перевод «карманные сборнички непристойностей».

2. Уменьшительное слово у Гейне употреблено иронически и означает как раз противоположное — что-то большое. В русском языке ему более соответствует неуменьшительное слово.

— Und, oh! sie werden jetzt wieder ... alle Früchte des Volksfleißes in ihren eigenen **Säckel** hineinverwalten... (5, 104) — И ах... как прежде будут таскать в свои *мешки* все плоды народного трудолюбия (В., 467). Гейне выражает свое возмущение по поводу того, что тори, ко-

торым король Англии предоставил полные полномочия в правлении государством, как и прежде, все плоды народного прилежания будут присваивать себе. Säckel (со старым вариантом уменьшительного суффикса -lein) выражает как раз противоположное — большие мешки, в которых хранятся большие барыши.

3. Немецкое уменьшительное слово переведено неуменьшительным, семантика которого соответствует уменьшительному слову оригинала. ...Marienbildchen, ...von einem brennenden **Lämpchen** umflittert... (2, 18) — свечи.

4. В русском языке нет соответствующего эквивалента. Da bin ich armes **Schindluderchen** schon wieder marode! (1, 231). В трех переводах дано «кляча». Использование М. Михайловым чисто русской пословицы «Ох, укатали же сивку крутые горки!» нельзя считать удачным, хотя эта пословица и передает смысловое и эмоциональное содержание гейневского предложения. К. Чуковский по этому поводу говорит: «Заменить испанскую пословицу русской, это все равно, что картину Гойи перемалевать на репинский манер»[4].

Als ich die Kellertreppe wieder hinaufstieg, hörte ich das **Armesünderglöckchen** läuten... (2, 10). Armesünderglöckchen переведено: звон колокола, извещающий о казни; похоронный звон; колокольный звон; заупокойный перезвон по случаю казни. Все эти варианты передают основную семантику оригинала, но дополнительный оттенок жалости и сочувствия, выраженные у Гейне суффиксом, пропадает.

5. Иногда русские слова, соответствующие уменьшительным оригинала, не могут принимать суффикса. ...ein ganz klein **Wunderchen** muß sie doch tun können... (4, 274) — маленькие чудеса. В переводах П. Вейнберга и М. Михайлова из-за цензурных условий этого предложения нет.

6. В двух случаях переводчики не передали понятия уменьшительности, и в переводах отсутствуют оттенки иронии и сатиры.

Dieser Hirsch zieht ein reines weißes **Oberhemdchen** ... an und holt sich ... seine 50 000 Mark. (4, 295) —

---

[4] Искусство перевода. М.—Л., 1936, стр. 80.

чистое белье, верхняя рубашка, белая манишка. ...der ... bei kümmerlichem Oellämpchen sein **Ghaselchen** ausseufzt. (4, 304) — газелы, мелкие газелы.

О переводе уменьшительных в скоплениях[5]

В количественном отношении уменьшительные в скоплениях в оригинале и переводе иногда совпадают. При этом уменьшительные перевода полностью передают содержание уменьшительных оригинала, например: Die kleine Gestalt ... und aus dieser Pracht schwitzte ein **Köpfchen** hervor ... Und wirklich, als ich das bläßlich besorgliche **Gesichtchen** und die geschäftig zwinkernden **Aeuglein** näher betrachtete... (4, 245). Во всех переводах уменьшительные передаются уменьшительными; кроме того, Gestalt также переведено уменьшительной формой: Маленькая *фигурка* заслуживала скорее название красной лилии... среди всего этого красного великолепия торчала обливающаяся пóтом *головка,* ...рассмотрев поближе бледное озабоченное *личико* и деловито мигающие *глазки*... (З., 363).

Но переводчики не всегда достаточно внимательно отнеслись к этой стилистической особенности прозы Г. Гейне. Так, например, когда высмеивается филистер, мечтавший о бессмертии, встречается два уменьшительных — Pfeifchen и Lebensatemchen, придающих всему абзацу сатирическую окраску. В переводах В. Станевич и М. Оренбаха нет ни одной уменьшительной формы. То же самое видим в переводе предложения: ...bewegte sein zartes **Häuptlein** wie ein betrübtes **Lämmerschwänzchen,** und wehmütig lächelnd rief er: «Da bin ich armes **Schindluderchen** schon wieder marode!» (1, 231) — ...покачал маленькой *головой,* как огорченная *овца* машет *хвостом,* и, грубо улыбаясь, сказал: «Эдакая я бедная *кляча*: опять ноги подкосились!» (В., 121). А вот другой перевод: ...тихо опустился, покачивая нежной *головкой,* как унылая *овечка хвостиком,* и скорбно улыбаясь, произнес: «Ну вот, я несчастная *клячонка,* опять устала!» (З., 97). Очевидно, насколько перевод П. Вейнберга беднее в эмоциональном отношении, чем перевод В. Зоргенфрея.

[5] О стилистической роли скоплений уменьшительных у Гейне см. предыдущую статью автора в данном сборнике.

Переводить все уменьшительные слова в скоплениях уменьшительными же формами не всегда возможно, да и необязательно. Чаще всего их количество в оригинале и в переводах не совпадает — то их больше у Гейне, то в переводах. Не всегда переводчики образуют уменьшительные формы от соответствующих слов оригинала. Это допустимо, так как функцией уменьшительных в таких скоплениях является создание эмоционального колорита — юмора, сатиры, симпатии, сочувствия и т. п. По этой причине в переводах появляются уменьшительные, которых нет в оригинале, и они вполне уместны. Когда же их значительно меньше, чем в оригинале, или их вовсе нет, тогда слабо или совсем не передается эмоциональная атмосфера оригинала, что является потерей части экспрессивности и, следовательно, недостатком перевода.

Неуменьшительные оригинала, переведенные уменьшительными

В шести переводах нами обнаружено 149 уменьшительных, которых нет в оригинале (если уменьшительная форма встречается у нескольких переводчиков, она считается как одна). Мы пытались выяснить причины их возникновения.

1. Понятие малости, оттенки субъективной оценки и эмоциональной окраски содержатся в переводимом слове оригинала. Таких случаев 29.

Eine herrliche Gestalt, auf dem lockigen **Haupte** ein helmartiger schwarzer Atlashut... (1, 262) — головка. Ich hatte jetzt das schöne **Antlitz** noch genauer gesehen. (1, 244) — прелестное личико, прекрасное личико. А также: Lichttropfen — светящиеся капельки; Urenkel — внучек; Diskantstimme — тоненький голосок, die Holde am Fenster — головка и т. д.

2. Понятие малости, оттенки субъективной оценки и эмоциональной окраски в оригинале выражены различными другими лексическими средствами. 26 уменьшительных в переводе, помимо вещественного значения, содержат еще понятие малости, 17 — преимущественно эмоциональную окраску и субъективную оценку.

а) Уменьшительность содержится в прилагательном-эпитете.

Понятие малости: schmale Lippen — тоненькие губки; bißchen Lebensfutter — клочок корма.

Понятие малости вместе с субъективной оценкой или эмоциональной окраской: kleiner loser Schalk — (ветреный) плутишка, kleine Leiche — маленький трупик (оттенок сочувствия заключен в контексте).

Только субъективная оценка или эмоциональная окраска: Gottes liebe Blumen — цветочки; ein gutes Faß Rüdesheimer Rheinweins — (добрый) бочонок. Прилагательное gutes не обозначает качество бочки, а намекает на предстоящее удовольствие; das liebe Fenster — милое окошко, милое оконце.

б) Уменьшительная форма обусловлена другим существительным в оригинале.

Schnupftabaksdosen mit hübschen Bildern — картинки. (На табакерке не может быть больших картин).

Ich fand ein **Nest** mit meistens schmalen, labyrinthisch krummen Straßen... (1, 241) — улички.

...auf deren breiten Streifen dennoch die liebe Hand der **Geliebten** so lieblich ruhte! (1, 239) — ручка милой.

...die Kontorjünglinge mit ihren pathetischen **Seelenergüssen...** (1, 276) — конторские мальчишки.

...viel **freudige Spielsachen** ... Porzellantassen... (2, 10) — чашечки.

в) Уменьшительность обусловлена глаголом-сказуемым и предложной группой в роли обстоятельства образа действия.

...wenn er **mit gebundenen Beinen herumtrippelt.** (1, 268) — маленькие шажки.

г) Уменьшительность подсказывается именем числительным, в данном случае в сочетании с существительным.

...wie wir unsere **Köpfe** apothekenartig mit **tausend** Schubladen versehen... (1, 281) — в одном ящичке.

д) Уменьшительная форма связана с первым компонентом сложного слова и передает понятие малости. ...mit seinen Trommelstöcken... (2, 43) — палочки.

3. Понятие малости, субъективная оценка и эмоциональная окраска вытекают из контекста в целом. Таких уменьшительных много — 36. Их появление особенно понятно там, где Гейне выражает свое восхищение природой, хорошее настроение, симпанию, сочувствие, иронию и уничижительность по отношению к людям и

предметам, о которых он повествует: ...die Blumen am Ufer flüstern zärtlich... (1, 280) — *цветочки* на берегу нежно шепчут... (Ор., 52). ...in meinen Augenwimpern flimmerten ebenso kostbare Perlen wie in den Gräsern des Tals... (1,257) — что висели на *травинках* лугов... (С., 683). ...die weißen Birken bewegen sich tantenhaft vergnügt... (1, 280) — белые березы, как *тетушки,* тихонько покачиваются... (С., 700).

Jeder ... hatte etwas hin zu bemerken und hin zu lächeln, etwa ein neu ergrübeltes Systemchen... (1, 229) — улыбочка.

4. Уменьшительные появляются потому, что употребляются в русской живой речи чаще, чем в немецкой. Таких случаев 15.

Sie erlaubten mir auch, sie noch eine Stunde zu unterhalten. (1, 265) — Они разрешили мне побеседовать с ними еще *часок* (С., 689).

Als ich erwachte, schien die Sonne ... durch das Fenster... (2, 24) — ...*солнышко* по обыкновению светило в окно... (Ол., 102).

В сравнении: ...das Haupt wie ein Lamm Gottes herabhängen zu lassen... (2, 62) — как смиренная овечка.

В антитезе — приятное противопоставляется неприятному: Es war eine schöne Hand und nicht. wie man sie bei jungen Mädchen findet, die, halb Lamm, halb Rose, nur gedankenlose, vegetabil animalische Hände haben. (3, 188). — То была прекрасная *рука,* совсем не похожая на руки молодых девушек, полуягнят, полуроз, обладающих растительно-животными *ручками* без мысли... (З., 303).

В пословице: Denn die Jungen piepen, wie die Alten pfeifen. (1, 224) — ...как пели *папаши,* так свистят и *детки* (З., 90). Ибо каковы отцы, таковы и *детки.* (С., 657). Ведь *юнцы* пищат, подражая свисту взрослых (Ор., 5). *Малыши* стараются пищать под дудку старших... (Д., 168). Ведь каковы *батьки,* таковы и *детки* (М., 11).

В сочетании «целовать ручку»: Wir lachten, Hände wurden geküßt. (1, 278) — целование ручек, поцеловал ручки, расцеловал ручки.

В предложении из сказки о чудесном зеркальце: ...der befragte Spiegel zeigt das Bild der schönsten Frau... (1, 238) — волшебное зеркальце.

В отрицании для его усиления: ...nicht eine einzige

Träne weinte sie... (2, 7) — ...ни одной *слезинки* не выронила она... (В., 204).

5. Имеются случаи полулексикализаций: ...die mißmutigen Falten ihrer schönen Stirn... (1, 277) — морщинки.

6. В 19 случаях нам трудно было найти причины употребления уменьшительных форм. Однако эти уменьшительные слова в переводах возражений не вызывают. Ich ... hörte einige ihrer Lieder... (1, 237) — песенки. Wie ein Kaufmann, der händereibend vergnügt zwischen den Kisten, Fässern und Ballen seines Warenlagers umherwandelt... (2, 54) — ...ходит между ящиками, *бочонками* и тюками... (Ол., 125).

Слово Fenster встречается довольно часто. П. Вейнберг почти всегда переводит его «окошко», даже «большое окошко»; другие — «окно», «окошко», «оконце».

7. В двух случаях употребление уменьшительных форм нам представляется необоснованным.

Unendlich selig ist das Gefühl, wenn die Erscheinungswelt mit unserer Gefühlswelt zusammenrinnt... (1, 281) — Невероятное ощущается блаженство, когда внешняя природа сливается с нашим внутренним *мирком*... (Д., 193). Уменьшительный суффикс придает слову дополнительный оттенок, которого нет в оригинале. Dieses Haus, das, wie durch vielfache Abbildungen bekannt ist... (1, 261) — Этот дом, знакомый по многочисленным *стишкам*... (Ор., 37). Уничижительный оттенок здесь ничем не оправдан.

* * *

Категория уменьшительности — явление очень тонкое, и подход к ней должен быть самым внимательным, особым к каждому слову, и не только потому, что уменьшительные слова полисемантичны и в разных контекстах могут иметь разные значения, но и потому, что по своему эмоционально-оценочному содержанию они могут не совпадать в разных языках.

Несмотря на то что немецкий язык располагает только двумя уменьшительными суффиксами (и то с одинаковым значением), уменьшительные имена существительные, образованные с их помощью, могут выражать самые различные значения и выполнять множество стилистических функций.

Категория уменьшительности в немецком и русском языках во многом сходна, и не только тем, что уменьшительные слова в обоих языках образуются с помощью продуктивных суффиксов, но и по своему содержанию. Противоречивых тенденций и внутренних различий нет. Отсюда вытекает, что при переводе уменьшительных на русский язык значительных трудностей нет, тем более что большое количество русских уменьшительных и эмоционально-оценочных суффиксов с множеством значений является технической предпосылкой к адекватному переводу почти всех немецких уменьшительных. Результаты исследования подтверждают это.

С. И. БУРАКОВА

К ВОПРОСУ О ПРИСОЕДИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Объектом данного исследования является присоединительная связь как особое, но малоизученное в английском языке проявление речевого синтаксиса. Она характеризует его, так же как и неполные предложения, вставки, повторы, обособления, обращения, вопросно-ответные структуры, восклицательные и вопросительные предложения, разные способы выражения эмфазы (например, частицы, модальные слова, междометия), специальное ритмико-мелодическое построение предложения и т. п.[1] В русском языке присоединением интересовались многие исследователи. Наиболее полно оно анализируется в диссертации М. Е. Шафиро[2].

Присоединительная связь — по средствам связи союзная и бессоюзная — зародилась в диалогической разговорной речи и в настоящее время является ее нормой. Однако в связи со стремлением авторов приблизить письменную речь к нормам разговорной присоединение широко внедряется и в письменную речь. Явление присоединения может быть прослежено также в частных письмах и в различных литературных жанрах, таких, как очерк, фельетон, путевые заметки и т. д., и в детской речи[3]. В данной статье использованы только образцы литературного диалога, то есть образцы прямой речи.

---

[1] С. Е. Крючков. О присоединительных связях в современном русском языке. Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка», М., 1950.

[2] М. Е. Шафиро. Присоединение как явление речевого синтаксиса. Канд. дисс. Саратов, 1964.

[3] С. Е. Крючков. Указ. соч.; М. Е. Шафиро. Указ. соч.

Существуют три типа связи между словами в речи: сочинительная, подчинительная и присоединительная. Они наблюдаются внутри простого предложения, внутри сложного предложения и между самостоятельными предложениями в сложном синтаксическом целом. Сочинительные и подчинительные связи изучены подробно, а о присоединительной связи известно мало. Различие между сочинительной и подчинительной связями, с одной стороны, и присоединительной связью — с другой проявляется прежде всего в том, что между простыми и сложными предложениями с сочинительной и подчинительной связью и сложным синтаксическим целым существует ритмико-мелодическое отличие, в то время как такового отличия не наблюдается ни внутри простого предложения, ни между простыми предложениями с присоединительной связью, ни в сложном синтаксическом целом с той же связью. Во-вторых, при трансформации простого предложения с сочинительной или подчинительной связью в сложное предложение или в сложное синтаксическое целое (несколько самостоятельных предложений) происходит ряд изменений. При трансформации же простого предложения с присоединительной связью при обособленном члене в сложное синтаксическое целое (состоящее из двух независимых предложений, из которых второе обычно неполное) подобных изменений (в порядке слов, интонации) в устной речи не наблюдается. В письменной же речи только знак (,) меняется на (.).

Присоединяемая часть в устной речи употребляется только в одной грамматической функции — она является обособленным членом предложения. В письменной речи она может быть оформлена и как самостоятельное предложение, например, I have lived here a long time. Over fifty years. I've spoken with him. For some minutes. Однако коммуникативная значимость присоединенного элемента от этого не меняется. Отсюда проистекает внешняя противоречивость толкования присоединяемой части: как члена предыдущего предложения в одних случаях и как самостоятельного предложения — в других. Присоединение не стоит в одной плоскости исследования с сочинением и подчинением, и если последние виды связи должны исследоваться в структурно-грамматическом плане, то исследование присоединительной связи может идти только в плане коммуникативного членения пред-

ложения. В связи с этим нам представляется, что правы те авторы, которые считают, что присоединительные конструкции являются трансформацией сочинительных и подчинительных конструкций[4] в разговорной речи и являются не средством связи отдельных синтагм, а средством их подчеркивания путем вынесения их в акцентируемое положение[5]. Присоединительные связи как бы отражают ход мысли говорящего (думающего, пишущего).

Целью данной работы является показать семантические отношения между основной и присоединяемой частью речевого комплекса (для письменной речи — сложного синтаксического целого), тем самым объяснив условия, вызывающие появление присоединяемой части. Это позволит нам проверить правильность определения присоединительной связи или присоединительных конструкций (термины Л. В. Щербы и С. Е. Крючкова) [6], а по нашей терминологии присоединяемой части, как элемента добавочного, не имеющего смысловых связей с предшествующим предложением или предшествующей мыслью.

Л. В. Щерба считал, что с помощью присоединительной связи даются добавочные сообщения, не имевшиеся первоначально в виду, возникшие неожиданно в сознании говорящего и добавленные к предыдущей мысли, уже оформленной в интонационном и структурно-грамматическом плане. При таком определении теряется связь присоединяемой части с предшествующей частью предложения или предшествующим предложением: раз она является только чем-то добавочным, то, следовательно, ее можно и опустить, употребление ее не является обязательным. Однако при опущении присоединяемой части меняется коммуникативная значимость целого — предложение теряет эмоциональность, взволнованность, убедительность. Исследованный языковой материал показывает, что присоединяемая часть имеет смысловые связи либо с предыдущим предложением,

---

[4] М. Е. Шафиро. Указ. соч.

[5] Н. Ю. Шведова. О некоторых активных процессах в современном русском языке. ВЯ, 1964, № 2.

[6] Л. В. Щерба. О частях речи в русском языке. — Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. Е. Крючков. Указ. соч.

либо с широким контекстом (последнее реже), либо, наконец, ее появление в речи может быть обусловлено внеязыковыми обстоятельствами. Такая связь между основной и присоединяемой частью речевого комплекса дает нам возможность присоединиться к мнению авторов, считающих необходимым квалифицировать присоединительную связь как связь, отражающую смысловое, коммуникативное членение предложения, а присоединяемую часть — как трансформу сочинительных и подчинительных связей. Рассмотрение грамматических моделей присоединяемых частей не входило в задачу данной статьи.

Семантические отношения между основной и присоединяемой частью внутри речевого комплекса составляют те условия, которые вызывают появление присоединительных связей в современном английском языке. Рассмотрим, чем может быть вызвано появление присоединяемой части (любой грамматической структуры).

1. Самым ясным случаем является тот, когда присоединяемая часть является своего рода уточнением какой-то мысли основной части (первого предложения), причем из всего контекста видно, что это уточнение не менее важно, а может быть, и важнее мысли, выраженной в основной части, например «Have the company fall in», he said to Lieutenant Mc Cutcheon. «**The prisoners too**». (Don Robertson). Готовясь расстрелять арестованных, о которых идет речь на протяжении всех десяти страниц рассказа, капитан упоминает о них лишь под конец приказа, как бы невзначай, подчеркивая слово «рота» в основной части (в данном случае в первом предложении), хотя думает он все время об арестованных, и они причина того, что дан приказ построить роту. Ясно, что здесь присоединяемая часть вовсе не является неожиданной и не выражает добавочного сообщения. То же самое можно сказать и о следующем случае: Haven't you seen that I'm fighting all the time? Fighting for my happiness. **For Roger's.** (A. Christie). Здесь цель борьбы выражена в присоединяемой части for Roger's, а цель, конечно, не может представлять собой нечто неожиданное или добавочное в высказывании.

2. Иногда присоединяемая часть раскрывает значение какого-либо слова в основной части (которая может быть и самостоятельным предложением), следовательно,

не может выражать ничего неожиданного. Кроме того, первое слово, как правило, имеет общее значение, которое конкретизируется лишь в присоединяемой части, например, «I think I shall write an account of all this». «You mean a long one, about the whole thing? **A book?**» (J. Wyndham). Слово account может обозначать «отчет» (о событиях), но присоединяемая часть «a book» конкретизирует его значение. То же следует сказать и о следующих предложениях: The other one was that Jones boy; **Herschell.** Yes. **Herschell.** (W. Faulkner) — который из мальчиков данной семьи имеется в виду, видно только из присоединяемой части; Every one has some time or other unaccounted for. **Philip, Magda, the nurse, your girl.** (A. Christie) — присоединяемая часть конкретизирует значение «every one»; «There is just one thing that strikes me». «Yes?» «**That you are right and that it could not have been Brenda**». (ibid.) — конкретизируется thing.

3. Иногда появление присоединяемой части вызвано некоторым размышлением, является результатом развития какой-то мысли, поэтому переключение от одного объекта мысли к другому психологически оправданно и присоединяемая часть не является чем-то неожиданным. Так, например, женщина разглядывает свои туфли, которые кажутся ей слишком фривольными и не подходящими для такого случая: в доме произошло убийство одного из членов семьи, идет расследование, дом все время полон сотрудников сыскной полиции. Ее слова «These shoes are wrong. **Frivolous**». (A. Christie) отражают развитие одной и той же мысли. Такое же раздумье, размышление мы видим в следующих предложениях, где присоединяемая часть поясняет и подчеркивает то, что уже выражено в основной части: «Funny how ideas come», he said afterwards. «**Like a flash of lightning**». (S. Maugham); I've got four brothers ... The other is still at school. **At Yale.** (W. Faulkner).

Эти новые пояснения могут быть вызваны какими-либо воспоминаниями, которые, естественно, появляются в сознании говорящего лишь постепенно, но их нельзя назвать неожиданными, потому что они вызваны не столько основной частью речевого комплекса (выраженной самостоятельным предложением), сколько предыдущим содержанием беседы. Так, слова «through the cei-

ling» в речевом комплексе I'll have to put Grace into a double cube after all. Disgustingly dull work. Impossible to have her down, unfortunately. If you prick her, she bleeds». «Limbert bled. **Through the ceiling».** (M. Innes) связаны с условиями, при которых был обнаружен труп Лимберта, и которые были уже обсуждены в предыдущей части беседы.

4. В отдельных случаях события, действия или бытовая обстановка, сопровождающие слова говорящего, исключают возможность рассматривать присоединяемую часть как нечто неожиданное. Так, например, тот факт, что повсюду разбросаны бумаги, вызывает желание говорящего объяснить, чем вызван этот беспорядок: Place is in a mess. I was turning out. **Clearing up papers.** (A. Christie). Здесь, конечно, нельзя сказать, что присоединяемая часть выражает нечто добавочное, неожиданно пришедшее в голову, потому что сама обстановка с самого начала разговора (страшный беспорядок в комнате) дает материал для объяснения.

5. Особенно часто присоединяемая часть выражает желание подчеркнуть самое важное в речевом комплексе, хотя она и присоединена к чему-то высказанному ранее как бы случайно. В таких случаях присоединяемая часть является более важной, чем то, что высказано в основной части. Иллюстрацией могут служить следующие отрывки: «You will be sorry for this», she said. **«When I tell Red».** (W. Faulkner). «You are married, Judith? **To a doctor?»** (M. Innes). They write to each other. **Love letters.** (A. Christie). I do a certain amount of commercial work. **In wax.** (M. Innes). There was a man stalking Lambert. **All that day.** (ibid). It will be a comfort. **To tell you.** (ibid). Not far off — not at all far off. **Only a couple of streets away.** (ibid). Oh, motive, what motive had I got? **Or Lawrence?** (A. Christie).

Во всех этих случаях очень легко трансформировать речевые комплексы в одно предложение с обособленным членом, заменив, соответственно, точку запятой. Ни интонационный рисунок, ни значение при этом не изменились бы, потому что присоединяемая часть все равно выражала бы самое важное во всем высказывании.

В следующей группе примеров в одном речевом комплексе имеется несколько присоединяемых частей. Все они однородны по грамматической структуре и значе-

нию, выражают постепенное усиление и подчеркивают то, что является главным в основной части речевого комплекса: Do you know how I get my water? I walk after it. **A mile. Six times a day. And that up.** (W. Faulkner). Говорящая хочет подчеркнуть трудности с доставкой воды, трудности своей жизни. Каждая присоединяемая часть является существенно важной в коммуникативной цепи, и самая последняя может явиться самым важным, наиболее веским сообщением.

В других случаях однородные присоединяемые части не производят впечатления постепенного усиления, но их число уже действует убедительно: People are altogether too superior about offal. The eternal joint is the curse. What could be more delicious than sweetbreads? **Or calf's head? Or even chitterlings?** (H. Bates). Here I am going to have big plants. **Big plushy ones. Petunias. Blousy ones. Begonias, fuchsias and that sort of thing. Opulance everywhere.** (ibid).

Рассмотрев ряд речевых комплексов с присоединяемой частью, можно сделать следующие выводы:

1. Во всех случаях присоединяемая часть не выражает ничего случайного.

2. Ее появление всегда оправданно и может быть объяснено из содержания предшествующей основной части.

3. Присоединяемая часть является прямым продолжением основной части и может быть сравнима с обособленным членом в основной части.

4. Во всех случаях присоединяемая часть подчеркивает и выделяет существенное, важное в коммуникативном отношении в основной части всего речевого комплекса.

О. Ф. ВАКУЛИНА

ИНФИНИТИВНЫЙ АТРИБУТИВНЫЙ ОБОРОТ И ПРИДАТОЧНОЕ ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ

(На материале английского языка)

Проблема синтаксической синонимии является одной из актуальных. Сопоставление тех или иных конструкций, имеющих сходное значение и выполняющих одну и ту же функцию в предложении, дает возможность глубже проникнуть в специфику каждой из них, установить особенности их употребления.

Какие же грамматические конструкции можно считать синтаксическими синонимами?

Понимая под синтаксическими синонимами грамматические конструкции, объединенные общностью или близостью грамматического значения и имеющие функциональное тождество, можно сказать, что «синтаксическая синонимия — это способность различных грамматических форм, выступающих в языке в определенной последовательной системе, выражать сближающиеся отношения и связи между явлениями реальной действительности и выполнять одинаковую синтаксическую функцию»[1].

Большинство грамматистов склонны считать придаточное предложение и соответствующий оборот с неличной формой глагола синтаксическими синонимами[2].

---

[1] Т. И. Орловская. К проблеме синтаксической синонимии. Ученые записки ЛГПИ им. Герцена, т. 255, Л., 1963.

[2] М. В. Смолина. Придаточное дополнительное предложение и его синонимы в английском языке. Канд. дисс. М., 1954. А. Д. Швейцер. Перфектное причастие и его синонимы в современном английском языке. Канд. дисс. М., 1955. Е. И. Шендельс. Понятие грамматической синонимии. НДВШ. Филологические науки, № 1, М., 1959. Синтаксические варианты. НДВШ. Филологические науки, № 1, М., 1962. В. Н. Ярцева. О грамматических синонимах. Романо-германская филология, вып. 1, АН СССР, 1957, и др.

В настоящей статье рассматривается вопрос синтаксической синонимии на примере сопоставления инфинитивного атрибутивного оборота и придаточного определительного предложения, которые, как показало исследование, отвечают основным требованиям синтаксической синонимии. При установлении синонимичности мы придерживались следующих критериев:

1. Одноаспектность.

Сравниваемые конструкции можно отнести к одной области грамматики — синтаксису. Например, This is the book **for you to read.** This is the book **which you must read.**

Инфинитивный атрибутивный оборот выражает вторичную предикацию, придаточное определительное предложение — зависимую предикацию.

2. Функциональное тождество.

Инфинитивный атрибутивный оборот и придаточное определительное предложение употребляются в одной функции — функции определения, причем только постпозитивного определения.

3. Структурная близость.

Учет структурных признаков является необходимым при выявлении синтаксических синонимов. Сравниваемые конструкции обладают структурной близостью.

Так же как и придаточное определительное предложение, инфинитивный атрибутивный оборот всегда бинарен, причем оба члена представлены теми же частями речи.

На примере приведенных выше предложений: This is the book **for you to read** и This is the book **which you must read** структуры сопоставляемых конструкций можно представить следующим образом.

1. Структура придаточного предложения:

I элемент — союз, союзное слово, относительное местоимение.

II элемент — существительное в общем или местоимение в именительном падеже.

III элемент — глагол в личной форме.

2. Структура инфинитивного оборота:

I элемент — предлог for.

II элемент — существительное в общем или местоимение в объектном падеже.

III элемент — инфинитив.

Структурную близость исследуемых конструкций можно наглядно представить, если выразить их структуру с помощью символов [3].

Сравните структуру выделенных частей предложений:

This is	the book	for	John (you)	to read
	D	for	N (Pr)	to V
This is	the book	which	John (you)	must read
	D	con	N (Pr)	V

Приведенные структуры являются «ядерными», так как возможно их распространение, причем одинаковыми синтаксическими единицами. Для большей наглядности «ядерные» структуры и структуры с распространением можно представить следующим образом:

Структуры придаточного определительного предложения:

D con NV	the book which John must read.
D con NVF	the book which John must read to-day.
D con FNV	the book which this young man must read.
D con FNVF	the book which this young man must read to day.
D con PrV	the book which he must read.
D con PrVF	the book which he must read to-day
D con N(Pr)	the book which John (he) who
S_1V(F)	will come must read (to-day).

Структуры инфинитивного атрибутивного оборота:

D for N to V	the book for John to read.
D for N to VF	the book for John to read to-day.
D for FN to V	the book for this young man to read.
D for Pr to V	the book for him to read
D for FN to VF	the book for this young man to read to-day
D for Pr to VF	the book for him to read to-day.
D for N(Pr)	the book for John (him) who
S_1 to V(F)	will come to read (to-day).

[3] D — определяемое слово, con — союз, союзное слово, N — существительное, V — глагол, to V — инфинитив, Pr — местоимение, F — другие члены предложения, S_1 — другое придаточное предложение.

Итак, сопоставляемые конструкции, представляющие собой разные структуры, обладают структурной близостью.

Наряду с чертами сходства рассматриваемые нами конструкции имеют и черты различия, так как придаточное определительное предложение — все-таки хотя и не самостоятельное, но предложение, ибо обладает подлежаще-сказуемостной структурой, а атрибутивный инфинитивный оборот — словосочетание.

4. Общность грамматического значения.

Сходство грамматического значения сопоставляемых конструкций основано на общности грамматического значения основных грамматических категорий личных и неличных форм глагола. Вопрос о грамматическом значении вообще и о синтаксическом в частности является сложным. Представляется правильным положение, выдвигаемое В. Г. Адмони, о том, что компоненты предложения связаны с грамматическими значениями, «которые надстраиваются... над лексическими значениями и образуют целую вертикальную систему значений, одновременно передающихся от говорящего к слушающему»[4].

При выявлении грамматического значения на синтаксическом уровне мы исходим из:

(1) значений, в основе которых лежат отношения между предметами и явлениями объективной действительности; это отношение предмета и признака, если речь идет об инфинитивном атрибутивном обороте и придаточном определительном предложении;

(2) значений, выражающих временные и модальные отношения;

(3) значений, выражающих отношение говорящего к высказываемому; эти значения имеют коммуникативно-оценочный характер, основным средством их выражения является интонация[5].

Каким же образом проявляются эти значения в сопоставляемых конструкциях? Значения 1) свойственны обеим конструкциям.

Выступая в функции определения, инфинитивный обо-

---

[4] В. Г. Адмони. Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 41.

[5] К. Г. Крушельницкая. Трансформационный метод и проблема значения. Иностранные языки в высшей школе, вып. III, 1964, стр. 9—10.

рот выражает широкий круг атрибутивных значений, характер которых зависит от специфики определяемого слова и от морфологической природы инфинитива. Инфинитивный оборот может определять существительные, местоимения, числительные. При конкретных именах существительных инфинитивный оборот может выражать назначение или качество определяемого слова в зависимости от характера логических связей между определяемым и инфинитивом. Назначение предмета проявляется при наличии объектных отношений между определяемым и определителем[6]:

1. I would have covered the whole street in front of your house with flowers **for you to walk on** (O. Wilde).

Инфинитивный оборот выражает качество предметов, если инфинитив относится к определяемому как действие к признаку:

2. This is a braw house **for a man to rest in** (A. Cronin).

При абстрактных именах существительных инфинитивный оборот конкретизирует данное существительное:

3. Strickland, it's time **for you to settle down.** (S. Maugham).

В большинстве случаев атрибутивные отношения имеют модальные оттенки: а) долженствования, б) возможности, в) предположения, основным средством разграничения которых чаще всего служит контекст:

4. a) When the time of crisis comes there will be plenty **for us to do.** (E. Voynich).

5. b) There is only one thing **for her to do,** and that's to divorce him (S. Maugham).

Придаточное определительное предложение, определяя любой член главного предложения, выражает отношение предмета и признака, действия и признака очень широко. Обозначая качество, назначение предмета, конкретизируя или раскрывая значение определяемого слова, придаточные определительные предложения могут иметь различную степень смысловой связи с главным предложением. В связи с этим придаточные определительные предложения принято делить на: 1) ограничи-

---

[6] И. Д. Фадеева. Инфинитив в функции определения в современном английском языке. Вопросы английской филологии. Л., 1962, стр. 176.

тельные и 2) описательные. При придаточных ограничительных главное предложение не выражает законченной мысли и не может функционировать без придаточного предложения. Придаточное предложение обусловливает выбор определителей при определяемом существительном:

6. That is precisely the point... **on which I can be of some assistance to you.** (E. Bentley).

Значение определенного артикля в данном случае без придаточного предложения было бы неясным.

При бессоюзном способе подчинения связь между определяемым и придаточным предложением еще более тесная:

7. It's my brother **you've hurt.** (J. Galsworthy).

В данном случае связь между главным и придаточным предложениями очень тесная, так как придаточное определительное не только дополняет в смысловом отношении главное предложение, но и элемент главного предложения (определяемое слово) в известном смысле дополняет значение сказуемого придаточного предложения, хотя, конечно формально, определяемое (brother) нельзя считать дополнением сказуемого (have hurt) придаточного предложения[7].

Придаточное определительное описательное предложение в смысловом плане мало связано с содержанием главного предложения, обычно представляет сведения дополнительного, добавочного характера, и поэтому придаточные предложения этого типа могут быть отсечены без особого ущерба для смысла всего предложения:

8. The women, **who were from the country side,** moved hastily toward the front gate where trunks were waiting to take them (A. Maltz).

Итак, сопоставляемые конструкции обладают значениями (1). Значения (2), выражающие временные и модальные значения, присущи как придаточному предложению, так и инфинитивному обороту. Общность и различие сопоставляемых конструкций в данном случае основаны на общности и различии личных и неличных форм глагола. В придаточном определительном предложении значения (2) находят более полную, более широ-

---

[7] N. A. Kobrina, E. A. Korneyeva. An outline of Modern English Syntax, M., 1965, p. 156.

кую реализацию, а в инфинитивном атрибутивном обороте эти значения имеют более общий, абстрактный характер и недостаточно широко представлены, так как известно, что инфинитив не имеет категории лица и числа, категории наклонения. Категории же времени и вида, имеющие относительный характер, представлены не полностью. Инфинитив в составе атрибутивного оборота чаще употребляется для обозначения действия, осуществление которого относится к последующему периоду времени. Поэтому для данного оборота более характерно употребление неопределенного инфинитива в действительном и страдательном залогах.

Значения (3) присущи только предложению, так как только предложение выполняет коммуникативную функцию.

Итак, сравниваемые конструкции совпадают в своем основном грамматическом значении — в выражении атрибутивных отношений, но различаются объемом грамматических значений, так как значения (2) более полно представлены в придаточном предложении, а значения (3) присущи только придаточному предложению.

Если сопоставляемые конструкции синонимичны, то они могут трансформироваться одна в другую, например:

9. Then, when there was no more **pain for her to endure** she relapsed into the deep well of forgetfulness (J. Austen). >...**pain which she must endure.**

При подобных преобразованиях должны учитываться различия между этими единицами в отношении как количества, так и качества включаемых ими значений. Нужно учитывать:

а) количественную сторону (сумму грамматических значений);

б) качественную сторону (виды грамматических значений);

в) специфику языковых единиц, участвующих в преобразовании[8].

Так, при трансформации придаточного определительного предложения в инфинитивный атрибутивный оборот нам представляется необходимым, чтобы:

1) Союзное слово было любым членом предложения, кроме подлежащего, например,

---

[8] К. Г. Крушельницкая. Указ. соч., стр. 10—11.

10. And he had no money and no place in mind **where they might go either in case she accepted his proposal** (T. Dreiser). >And he had no money and no place in mind **for them to go...**

2) Подлежащее придаточного предложения и подлежащее главного предложения должны обозначать разные лица:

11. **We** have qualities and energy and faith and opportunities **that y o u just ought to envy** (J. Galsworthy) >...for you to envy.

3) Действие, выраженное сказуемым придаточного предложения, должно быть одновременным с действием главного или относиться к будущему времени.

12. We have a lot of things **that you could envy** us besides our dollars and our bathrooms (J. Galsworthy) >...**for you to envy us.**

4) Описательные определительные предложения, по нашим наблюдениям, не трансформируются в инфинитивный атрибутивный оборот.

Инфинитивный атрибутивный оборот может трансформироваться в придаточное определительное предложение. В подобных преобразованиях, в большинстве случаев, для сохранения семантики предложения необходимо ввести в сказуемое придаточного предложения модальные глаголы must, can, should, например,

13. That was high praise **for them to give us** (A. Cronin) >...that they **could give** us.

14. «Let me find something **for you to do** before I go away», he persisted, «something to take you out of that house» (A. Cronin) >...**which you must do...**

15. It must, he thought, be nearly time **for her to come up now.** (J. Galsworthy) > **...that she could come up now.**

Являясь синтаксическими синонимами, каждая из конструкций сохраняет свою специфику. Инфинитивный атрибутивный оборот часто встречается в предложениях, в которых его определяемое: а) предикатив, именная часть составного сказуемого:

16. Now was the moment for her resolution to be executed... (J. Austen).

б) фактическое подлежащее в предложениях с вводными there, here, например,

17. There was no need **for him to remain in Blanelly** (A. Cronin).

Атрибутивные отношения большей частью имеют модальные оттенки:

18. There seemed nothing more **for him to do** (A. Cronin).

Инфинитив в составе атрибутивного оборота употребляется в основном для обозначения действия, осуществление которого относится к последующему периоду времени, либо совпадает с действием глагола в личной форме. Для него также более характерно обозначение действия как факта, а не процесса. Поэтому в данном обороте чаще употребляется неопределенный инфинитив действительного и страдательного залога.

Грамматические значения, выраженные инфинитивом, носят более общий, абстрактный характер.

Придаточное определительное предложение в силу более широких возможностей выражения временных и модальных отношений в языке распространено значительно шире.

Таким образом, сопоставляемые конструкции являются синтаксическими синонимами, которые сближаются в одних значениях и расходятся в других.

Выражая одно и то же реальное содержание и выполняя в предложении одну и ту же функцию, каждая из сопоставляемых конструкций освещает это содержание с разных точек зрения, что и обусловливает выбор атрибутивного инфинитивного оборота или придаточного определительного предложения в каждом конкретном случае. Когда необходимо охарактеризовать предмет по действию с указанием конкретных условий, в которых оно протекает, используется придаточное определительное предложение, а не атрибутивный инфинитивный оборот.

Т. В. ГУСЕВА

ИНФИНИТИВНЫЕ И ГЕРУНДИАЛЬНЫЕ ОБОРОТЫ И ПРИДАТОЧНЫЕ-ПОДЛЕЖАЩИЕ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ

В данной статье ставится задача выяснить характер связи и взаимоотношений между придаточными предложениями и инфинитивными и герундиальными оборотами, употребленными в функции подлежащего.

Прежде чем перейти к рассмотрению характера этих связей, остановимся на некоторых общих вопросах, касающихся определения грамматической и, в частности, синтаксической синонимии.

Основной принцип анализа грамматических явлений, выдвигаемый В. Н. Ярцевой, Е. И. Шенделъс, А. Д. Швейцером, И. И. Ковтуновой, — это четкое разграничение грамматики и логики[1].

Указанные выше лингвисты считают ошибочным способ выделения грамматических синонимов на основе группировки самых различных лингвистических явлений по признаку выражения ими общего понятия (содержания), без указания на то, идет ли речь о категориях логики или грамматики. Они резко критикуют Г. Керма, Т. Дейчбейна, О. Есперсена за смешение грамматических явлений с лексическими, за отождествление этих разнопорядковых явлений на основании их смысловой близости. Советские лингвисты не считают предложения типа Silence! — Don't say a word! — Hush! — «Тихо! — Ни слова! — Тш!» — грамматическими синонимами.

Вышеуказанные предложения можно отнести к явле-

[1] В. Н. Ярцева. О грамматических синонимах. Романо-германская филология, М., 1957, стр. 18. Е. И. Шенделъс. Понятие грамматической синонимии. НДВШ, Филологические науки, № 1, 1959, стр. 74. А. Д. Швейцер. Перфектное причастие и его синонимы в современном английском языке. Кандид. дисс., 1955. И. И. Ковтунова. О синтаксической синонимике. Вопросы культуры речи, вып. 1, 1955.

ниям межаспектной синонимии, которая занимается выявлением всех возможных в языке средств выражения данного содержания независимо от способа выражения последнего.

Грамматическая синонимия должна быть одноаспектной, то есть иметь дело только с грамматическими формами и их значением. Сходство грамматического значения обнаруживается только в пределах аспекта, но не между аспектами. Известно, что морфологические и синтаксические значения принципиально различаются. Морфологические значения — это значения словоформ. Синтаксические значения — это значения построения, значения модели словосочетания, модели предложения. Лингвистический подход в сопоставлении значений сохраняется лишь в том случае, если соблюдается одноаспектность. Нельзя признать синонимами единицы, имеющие разный характер значения, хотя и выражающие при этом одно и то же или почти одно и то же содержание объективной действительности.

С нашей точки зрения, грамматические явления могут считаться синтаксическими синонимами при условии принадлежности к одной сфере грамматики, в данном случае синтаксису, и наличия функционально-синтаксической общности, структурной близости и сходства их грамматического значения. Рассмотрим данные условия.

1. Под функционально-синтаксической общностью мы понимаем способность различных синтаксических единиц выступать в качестве одного и того же члена предложения. Исследуемые нами явления, а именно придаточное предложение и инфинитивные и герундиальные обороты могут считаться синонимичными при условии их употребления в одной и той же функции, в частности в функции подлежащего. Однако этот критерий не является единственным при определении грамматических явлений как синтаксических синонимов. В противном случае мы могли бы отождествлять предложение и слово, употребленные в одной и той же функции.

Придаточное предложение, инфинитивные и герундиальные обороты имеют общие свойства, характерные для них в функции подлежащего.

1) Как придаточное предложение, так и инфинитивные и герундиальные обороты в исследуемой функции включаются в состав главного предложения.

Отмечая особенности придаточного-подлежащего, Н. А. Кобрина и Е. А. Корнеева[2] считают, что главное предложение без придаточного-подлежащего структурно не закончено и даже неграмматично (ungrammatical). Они называют придаточное-подлежащее «входящим» (inclusive) в главное предложение.

Сказанное выше относится, с нашей точки зрения, и к инфинитивным и герундиальным оборотам в функции подлежащего.

Проследим это на следующих примерах.

Герундиальный оборот:

1. Now her packing was completely over (P. Abrahams).

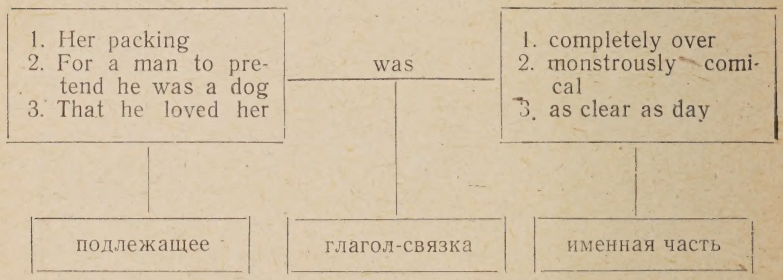
Инфинитивный оборот:

2. For a man to pretend he was a dog... was monstrously comical (A. Maltz).

Придаточное предложение:

3. That he loved her was as clear as day. (J. London).

Структурная схема этих предложений может быть представлена следующим образом:



Отсюда видно, что при изъятии оборотов или придаточного, употребленных в функции подлежащего, из состава предложения последнее становится грамматически неполноценным.

2) Обороты, так же как и придаточное предложение в функции подлежащего, являются независимыми синтаксическими единицами, ибо они не подчинены никаким другим членам предложения.

---

[2] N. A. Kobrina, E. A. Korneyeva. An Outline of Modern English Syntax, Moscow, 1965.

3) Обороты, как и придаточное-подлежащее, предшествуют сказуемому предложения [3].

4) Обороты, как и придаточное-подлежащее, выступают лишь в повествовательных предложениях. Вопросительные предложения с такого рода подлежащими нам не встретились.

5) Обороты, как и придаточное-подлежащее, могут употребляться в качестве однородных членов предложения, соединенных союзом или запятой. Например,

Герундиальный оборот:

4. **My** always **keeping** good hours and **giving** little trouble made her unhappy at parting with me. (Homer C. House).

Инфинитивный оборот:

5. **For me to go out** and **meet him** would have been stupid (Conrad).

Придаточное предложение:

6. **That I am hungry** and **you are aware of it** are only ordinary phenomena (J. London).

II. Под структурной близостью мы понимаем общие черты в моделировании придаточных предложений и оборотов. Такими чертами мы считаем следующее.

1) Двукомпонентность оборотов и придаточного предложения.

Первый компонент инфинитивного оборота может быть выражен именными частями речи, второй — инфинитивом. Входящее в состав оборота слово for является простым оформителем комплекса, оно не нарушает синтаксического единства:

7. For a commoner to marry a nobleman's daughter was a thing unheard of (Zandvoort).

Первый компонент герундиального оборота может быть либо именем существительным в притяжательном падеже, либо притяжательным местоимением, второй — герундием:

8. ...and our getting up at that time was an utter absurdity (Jerome).

В придаточном-подлежащем первый компонент (подлежащее) может быть выражен любой частью речи, второй (его сказуемое) — личной формой глагола:

[3] В статье не рассматриваются предложения с предваряющим it, в которых после сказуемого следуют инфинитив, герундий и придаточное-подлежащее.

9. What happened was simply this (O. Wilde).

Порядок следования компонентов в рассматриваемых конструкциях (компонент, обозначающий субъект, → компонент, обозначающий действие) также свидетельствует об их структурной близости. Отступлений от этого правила не наблюдается.

Схематично структура придаточного предложения и оборотов может быть представлена так[4]:

Придаточное предложение (conj.) — S — V
Инфинитивный оборот (for) — S_1 — V_1 inf.
Герундиальный оборот S_1 — V_1 g.

Отношения между основными компонентами оборота носят субъектно-предикативный характер. Инфинитив и герундий в оборотах выполняют функцию, сходную с функцией сказуемого в придаточном предложении. Субъектно-предикативные отношения в предложении получают оформленность через определенный порядок расположения главных членов: подлежащее — сказуемое, что является нормой построения как предложений, так и инфинитивных и герундиальных оборотов.

Инфинитивный и герундиальный обороты представляют собой единое синтаксическое целое, функционирующее, как и придаточное предложение, в качестве сложного члена предложения.

2) Однородность компонентного состава придаточного предложения и оборотов, то есть наличие в них главных и второстепенных членов. Обороты, как и придаточные предложения, способны поддаваться расширению за счет зависимых компонентов, указывающих на место, время, причину, способ протекания действия или признаки качества субъекта. Эти зависимые компоненты могут быть представлены словом, словосочетанием или целым предложением. Например:

10. **For** any **man** of culture **to accept** the standard of his age is a form of the grossest immorality (O. Wilde).

В инфинитивном обороте вышеприведенного примера, помимо основных компонентов (for) man... to accept, есть второстепенные компоненты, которые выражены от-

[4] conj. — союз, союзное слово, оформитель придаточного предложения; for — оформитель инфинитивного оборота; S — подлежащее придаточного предложения; S_1 — подлежащее оборота; V — сказуемое придаточного предложения; V_1 inf. — сказуемое инфинитивного оборота; V_1 g. — сказуемое герундиального оборота.

дельными словами и относятся как к субъекту 'man', 'any man **of culture**', так и к предикату to accept, to accept **the standard of his age.**

11. **Their taking** it in the way they did irritated me (J. Jerome).

В этом предложении герундиальный оборот «Their taking» распространен за счет слов 'it in the way', подчиненных предикату оборота, которые, в свою очередь, имеют зависимое от них придаточное определительное предложение «in the way **they did**».

12. Whether what you told me is true or not true, doesn't concern me (O. Wilde).

Здесь придаточное-подлежащее «whether... is true or not true» распространено другим придаточным-подлежащим «what you told me».

3) Соответствие вторичного предиката оборота различным видам сказуемого придаточного предложения. Сравним, например,

13. What you **ask** me is **impossible** (O. Wilde).

14. For me to **ask...** would be treason (M. Wilson).

15. Her **answering** did not give him great satisfaction (Th. Dreiser).

В приведенных выше предложениях вторичный предикат оборотов выражен неличными формами полнозначных глаголов и соответствует простому глагольному сказуемому придаточного предложения.

Однако инфинитив и герундий могут быть образованы и от связочных глаголов, в таком случае вторичный предикат оборота будет соответствовать составному именному сказуемому придаточного предложения, например.

16. His **being** her own **husband** seemed as nothing to Gyp at that moment (G. Galsworthy).

17. What **was important** to her was matrimony (J. London).

4) Морфологическое сходство вторичного предиката в оборотах и сказуемого придаточного предложения (наличие синтетических и аналитических форм инфинитива и герундия).

18. Of course, their **having mistaken** him for a friend excused it (J. Jerome).

19. For me to ask would be treason, and for me **to be told** would be treason (M. Wilson).

20. What his sister **had seen** in the man was beyond him (J. London).

Вследствие обобщенности своего грамматического значения инфинитив и герундий обозначают действия в отвлечении от категории лица, времени, наклонения. И. Н. Нечаева, В. В. Коркишко, О. М. Барсова указывают, что в современном английском языке не проявляется потребность ясно выражать время, вид, залог в инфинитивных и герундиальных оборотах[5]. Поэтому категории времени и наклонения в инфинитивном и герундиальных оборотах определяются соотнесенностью с соответствующими категориями основного глагола. Взятые изолированно, обороты не выражают законченной мысли, сохраняется лишь связь действия с субъектом, но остается неясным соотношение действия с объективной действительностью.

Наиболее употребительной формой герундия и инфинитива в оборотах является неопределенная форма активного залога.

Обнаруженных нами общих признаков еще недостаточно для установления синонимичности инфинитивных и герундиальных оборотов, с одной стороны, и придаточных предложений — с другой, и мы присоединяемся к мнению многих лингвистов, которые считают, что грамматические синонимы должны обладать сходством грамматических значений. В последнее время появился целый ряд работ, в которых в той или иной степени затрагивается вопрос о грамматическом значении. Теоретическая разработка вопроса о грамматическом значении представлена в докторской диссертации Е. И. Шендельс[6].

---

[5] И. Н. Нечаева. Морфологические категории инфинитива в современном английском языке. Автореферат канд. дисс., М., 1959. В. В. Коркишко. Морфологические категории герундия в современном английском языке. Автореферат канд. дисс., М., 1963. О. М. Барсова. Именные и глагольные свойства современного английского герундия. Канд. дисс., М., 1957. Е. И. Шендельс. О грамматической полисемии, В. Я., 1962. Ее же. О грамматическом значении в плане содержания. Сборник «Принципы научного анализа языка», М., 1959. А. В. Исаченко. О грамматическом значении, ВЯ., 1961, № 1. М. Д. Степанова. О лингвистическом значении. Лингвистика и методика в высшей школе, 1 МГПИИЯ, М., 1967. З. П. Попова. К вопросу с синтаксических вариантах, НДВШ, Филологические науки, № 6, 1968 и другие.

[6] Е. И. Шендельс. Грамматическая синонимия. Автореферат докт. дисс., М., 1964.

Значение большинства грамматических форм, тем более синтаксических построений, бывает сложным, комплексным. Из числа исследуемых нами грамматических явлений наибольшим объемом грамматических значений обладает предложение. Объем его значений представлен совокупностью грамматических значений его составляющих плюс грамматические значения, свойственные только предложению как самой крупной синтаксической единице.

Однако для выявления синонимичности между синтаксическими явлениями важен не просто объем грамматических значений предложения или оборота, а выяснение синтаксического значения, выявление как сходства, так и расхождения между синтаксическими значениями анализируемых нами синтаксических построений.

Мы считаем, что сопоставляемые конструкции имеют одно общее для них синтаксическое значение, а именно значение подлежащности, которое находит выражение в позиции конструкций в предложении и в субъектно-предикатной связи компонентов конструкций.

Итак, в синтаксический синонимический ряд для выражения подлежащности с наличием субъектно-предикатных связей внутри данной категории входят придаточное-подлежащее, с одной стороны, и инфинитивные и герундиальные обороты — с другой. Вместе с тем исследуемые конструкции имеют специфические черты. Придаточное-подлежащее, в отличие от оборотов, имеет:

а) ярко выраженную субъектно-предикатную связь;

б) собственные средства выражения грамматических категорий времени и наклонения, вследствие чего придаточное-подлежащее обладает большей структурной и смысловой законченностью. Однако наличие некоторого расхождения грамматических значений не препятствует отнесению исследуемых синтаксических построений к одному синонимическому ряду.

Проведенный анализ сопоставляемых нами синтаксических единиц свидетельствует о том, что последние характеризуются функционально-синтаксической общностью, структурной близостью, общим грамматическим значением, сохраняя при этом свои особенности. Наличие ряда общих черт дает основание считать придаточное-подлежащее, инфинитивные и герундиальные обороты в той же функции синтаксическими синонимами.

М. Т. ЛАЗАРЕВА

СИНОНИМИЯ ВИДО-ВРЕМЕННЫХ ФОРМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Все, кто в той или иной мере исследовал видо-временные формы глагола в английском языке, отмечают случаи употребления различных словоформ для выражения одинаковых грамматических значений. Например, употребление Present Indefinite и Present Continuous для выражения будущего действия или употребление Present Continuous и Present Perfect для выражения постоянного действия и т. п. Сближение грамматических значений различных видо-временных форм — факт, не вызывающий сомнения. Однако, тщательно и детально исследуя случаи такого сходства, выявляя причины, обусловившие его, авторы, как правило, не квалифицируют, какие отношения складываются между видо-временными формами в результате этих процессов, как они отражаются на всей системе рассматриваемых форм.

Лишь в монографии И. П. Ивановой[1] говорится о грамматической синонимии ряда видо-временных форм, описываются некоторые условия, при которых она возникает, делается целый ряд интересных замечаний. Поскольку проф. И. П. Иванова в своей работе ставит иные цели, вопрос о синонимии рассматриваемых форм является для нее второстепенным. Однако, несомненно, синонимия в системе видо-временных форм представляет собой определенную закономерность, вскрытие которой поможет лучше понять как механизм связи между отдельными частями системы, так и систему в целом.

Безусловно, в рамках одной статьи невозможно охва-

[1] И. П. Иванова. Вид и время в современном английском языке, Л., 1961.

тить всю проблему. Поэтому, естественно, возникла необходимость в некоторых ограничениях. Анализу подвергаются видо-временные формы только изъявительного наклонения и активного залога. Из них не рассматриваются формы Future-in-the-Past, характерные в основном для определенного типа высказывания (косвенной речи) и имеющие закономерности, не специфичные для остальных форм. Таким образом, из всех возможных видо-временных форм глагола современного английского языка анализируется только часть, представляющая собой, однако, определенную микросистему.

В понимании грамматической (морфологической) синонимии мы следуем положениям, разработанным Е. И. Шендельс в ее докторской диссертации[2].

Для установления факта синонимии грамматических форм необходимо выявить их парадигматические и синтагматические значения.

Парадигматическое (общее, инвариантное) значение видо-временной формы в современном английском языке включает в себя следующие характеристики: время действия, характер протекания действия, временную отнесенность, отношение действия к субъекту и объекту высказывания, отношение действия к действительности.

Все указанные характеристики видо-временных форм реализуются в системе оппозиций и представлены в грамматических категориях времени, вида, временной отнесенности, залога, наклонения[3]. Они являются дифференциальными признаками, отличающими одну форму от другой. Однако в парадигматическое значение видо-временных форм входит еще одно значение, которое не выражено эксплицитно, но тем не менее играет существенную роль для выявления специфики видо-временных форм. Это значение отношения к пределу — локализованность (конкретность) или нелокализованность

---

[2] Е. И. Шендельс. Грамматическая синонимия (на базе морфологии глагола в современном немецком языке), Автореферат докт. дисс., М., 1964.

[3] В грамматической системе английского языка вряд ли найдутся другие формы, толкование которых было бы столь противоречивым, как толкование видо-временных форм. Не существует единства взглядов ни на характер данных форм, ни на номенклатуру их грамматических категорий, ни на характер значений, которые выражают эти категории, ни на характер значений, выражаемых каждой отдельной формой.

(обобщенность) действия. Оно тесно связано со значением времени и вида, поясняет и уточняет их[4].

Парадигматические значения видо-временных форм современного английского языка, в виде набора их дифференциальных признаков, могут быть представлены следующим образом (см. таблицу).

Дифференциальные признаки / Видо-временные формы	Время			Вид		Временная отнесенность	
	настоящее	прошедшее	будущее	действие как факт	действие как процесс	непосредственная данность	предшествование
Present Indefinite	+	—	—	+	—	+	—
Past Indefinite	—	+	—	+	—	+	—
Future Indefinite	—	—	+	+	—	+	—
Present Continuous	+	—	—	—	+	+	—
Past Continuous	—	+	—	—	+	+	—
Future Continuous	—	—	+	—	+	+	—
Present Perfect	∓	+	—	+	—	—	+
Past Perfect	—	+	—	+	—	—	+
Future Perfect	—	—	+	+	—	—	+
Present Perfect Continuous	∓	+	—	—	+	—	+
Past Perfect Continuous	—	+	—	—	+	—	+
Future Perfect Continuous	—	—	+	—	+	—	+

Примечание: Условные обозначения заимствованы из статьи А. В. Бондарко. «Общие и частные значения грамматических форм», Вопросы языкознания, № 4, 1968.

Они означают: + данный признак выражен, — данный признак исключен; ∓ данный признак не выражен, но не исключен.

Анализ таблицы показывает:

1. За исключением форм Present Perfect и Present Perfect Continuous все рассматриваемые формы содержат одну сему со значением времени. Что касается названных форм, то в предложениях типа I've known Peter since my school-years и I've been living here since 1952, временное значение может быть интерпретировано: I knew Peter when I was at school and I know him now

[4] См. А. В. Бондарко. К проблематике функционально-семантических категорий (Глагольный вид и «аспектуальность» в русском языке), Вопросы языкознания, № 2, 1967, стр. 26.

и соответственно I lived here in 1952 and I am living here now.

Действие, выражаемое этими формами, пересекает определенный отрезок времени в прошлом и от него, как непрерывный процесс, достигает момента речи и включает этот момент. Однако не всегда формы перфекта (особенно недлительного) имеют оба эти значения. Часто Perfect только относит действие в прошлое, не включая момента речи, следовательно, сема «момент речи» будет для настоящего перфекта необязательной, факультативной.

2. Поскольку нами анализируются только формы активного залога изъявительного наклонения, то все они в своем парадигматическом значении передают эти категориальные значения одинаково, то есть подлежащее во всех случаях является субъектом действия, которое осуществляется реально. Однако здесь следует учесть, что реальность действия в различных временных формах будет представлена по-разному. Если в формах прошедшего и настоящего — это реально осуществленное или осуществляемое действие, то в формах будущего эта реальность представлена еще не осуществленной. Последняя мыслится или как неизбежность I'll be thirsty on Sunday, или предположение It'll rain soon. Таким образом, формы будущего передают известный модальный оттенок[5].

3. Каждая видо-временная форма содержит ряд сем, сходных с другими формами, и в то же время имеет семы, которые отличают ее от этих форм, являясь ее дифференциальными признаками в данном ряду противопоставлений. При этом в зависимости от того, в какую систему оппозиций включается форма, будут меняться ее дифференциальные признаки. Так, Present Indefinite и Present Continuous имеют сходные семы: реальность действия, активность, включение момента речи, совпадение с настоящим и дифференцирующие их семы характера протекания действия: в Present Continuous — это процесс, а в Present Indefinite — факт совершения действия. Кроме этого, они отличаются также в значении

---

[5] См. В. М. Комогорцева. Система грамматических средств выражения будущего в современном английском языке, Автореферат канд. дисс., М., 1965, стр. 4.

отношения к пределу (локализованность, нелокализованность действия), хотя последнее различие, поскольку и в той и другой форме оно не маркировано, не является сильным различительным признаком.

Present Indefinite и Past Indefinite имеют другие дифференциальные признаки, а именно различное временное значение. Остальные семы у них сходные.

4. Как отмечает Е. И. Шендельс[6], парадигматические значения двух форм никогда не совпадают, но есть формы, состав сем которых очень близок. Это явление широко представлено в английском языке. Действительно, формы Present Perfect и Past Indefinite, Past Indefinite и Past Continuous, Present Perfect и Present Perfect Continuous, а также ряд других форм различаются только одной семой. Е. И. Шендельс предлагает называть их условно системными синонимами. Само введение слова «условно» показывает, что синонимия этих форм проблематична. Хотя эти формы имеют по одному различительному признаку, он настолько сильный, что позволяет четко разграничить значения одной и другой формы. С другой стороны, общность сем позволяет предполагать, что на синтагматическом уровне эти формы могут стать синонимами в случае нейтрализации их различительного признака[7]. Думается, что эти формы можно определить как потенциальные синонимы.

С другой стороны, наличие нескольких дифференциальных признаков у сравниваемых форм ставит под сомнение возможность синонимических отношений между ними даже на синтагматическом уровне. Так, например, весьма проблематично, что даже в речи формы Present Perfect и Present Continuous могут выступать как синонимы, точно так же как Future Indefinite и Past Perfect и т. п.

Таким образом, хотя сопоставление парадигматических значений не выявляет синонимических форм, оно помогает, во-первых, выделить потенциальные синонимы, а

---

[6] Е. И. Шендельс. Указ. соч., стр. 26.

[7] Речь идет о нейтрализации дифференциальных признаков различных видо-временных форм как условии их превращения в синонимы, так как синонимы, по справедливому замечанию Е. И. Шендельс, не могут иметь в своем составе контрастных сем. Однако, поскольку объем значений различных видо-временных форм не совпадает, они не являются абсолютными синонимами, дублетами.

также формы, которые не могут быть синонимами, и, во-вторых, наметить направление, в котором должна идти нейтрализация дифференциальных признаков, чтобы формы могли оказаться в отношениях синонимии на синтагматическом уровне.

Например, если мы возьмем формы Present Indefinite и Present Continuous, то, чтобы эти формы из потенциальных превратились в действительные синонимы, у них в определенных речевых условиях должно произойти сближение в передаче характера протекания действия.

Е. И. Шендельс[8] указывает на следующие речевые условия, выявляющие синтагматические значения формы: синтаксическое употребление, структура модели, окружающие морфологические формы, интонация, лексический материал, который заполняет грамматическую форму, лексическое окружение — слова и словосочетания, связанные с данной формой, а также контекст в более широком плане. При этом указанные условия могут как усиливать специфику форм, так и нейтрализовать, нивелировать различия между ними, превращая их в грамматические синонимы.

Исследование показало, что в современном английском языке действуют все перечисленные факторы. При этом, как правило, они действуют не изолированно, а в совокупности, но в каждом отдельном случае один из факторов является доминирующим.

Одним из широко распространенных факторов, который способствует нивелировке грамматических значений различных видо-временных форм в современном английском, является их синтаксическое употребление во взаимодействии со структурой модели и окружающими морфологическими формами.

I. Present Indefinite, Present Continuous, Present Perfect выступают синонимами соответствующих форм будущего времени в придаточных предложениях времени и условия. При этом в главном предложении сказуемое должно быть выражено глаголом в будущем времени, или это — модальное глагольное сказуемое, например:

1. I can't see him doing much good as a traveller. If they **say** no, he'll just grin and go away (C. Snow).

---

[8] Е. И. Шендельс. Указ. соч., стр. 20—25.

2. «Let's wait until they've **gone**», said my father (C. Snow).

3. «I don't like to think that I can't find you a sovereign now and then, Lewis. I should like to give you a few sovereigns, when you **get** a bit older (C. Snow).

В таких случаях у форм настоящего времени нейтрализуется их временной признак, в результате чего их синтагматическое значение совпадает с парадигматическим значением соответствующих форм будущего.

II. Present Indefinite является синонимом Present Continuous:

а) в конструкциях, начинающихся с here и there, и инверсией подлежащего и сказуемого, например:

4. There **goes** the bell.

5. Here **comes** the bus[9].

У Present Indefinite нейтрализуется его видовой признак, здесь рассматриваемая форма выражает действие как процесс, кроме того, действие приобретает также локализованный характер, а в результате этого синтагматическое значение Present Indefinite совпадает с парадигматическим значением Present Continuous. В соответствующих предложениях, начинающихся с подлежащего, наиболее вероятной формой будет Present Continuous:

6. Look, the bus **is coming.**

Аналогичную картину можно наблюдать, если в подобных конструкциях действие отнесено к прошлому. Тогда Past Indefinite выступает синонимом Past Continuous.

7. There **stood** Miss Fairlie, a white figure alone in the Moonlight:

б) В предложениях, где основным является способ передачи действия или причины, почему оно совершается; чаще всего в восклицательных или вопросительных предложениях, например:

8. Look at the way he **walks.**

9. How beautifully she **dances!**

10 Why **do** you **cut** it like that?

III. Past Indefinite совпадает со значением Present Perfect в риторических вопросах. В таких случаях, по-

---

[9] Эти примеры и другие, не имеющие ссылки на источник, взяты из работ, в которых рассматриваются видо-временные формы в английском языке.

добно Present Perfect, Past Indefinite выражает действие, предшествующее моменту речи и связанное с ним своим результатом. Как отмечает И. П. Иванова[10], в специальных риторических вопросах чаще всего встречаются глаголы речи, но возможны и другие глаголы; в общих вопросах этот случай ограничен глаголами see, hear, а также требует наречия ever.

11. Who **taught** you to speak of Sir Patric Gullen as old Paddy Gullen, you, young ruffian?

12. — **Did** you ever **see** a bed fasten like that before?
— I cannot say I have.

В подобного рода синтаксических моделях, утверждает И. П. Иванова, перфект невозможен.

Как и в предыдущих случаях, здесь совпадает синтагматическое значение одной формы (Past Indefinite) с парадигматическим значением другой (Present Perfect).

Когда сближение значения двух морфологических форм обусловлено синтаксическим употреблением, взаимозаменяемость их или невозможна совсем (пункты I, III) или ограничена (пункт II).

Другим не менее распространенным фактором, обусловливающим сближение разных видо-временных форм, превращение их в синонимы, является лексическое окружение, контекст.

I. Past Indefinite выступает синонимом Past Continuous во временных придаточных предложениях, вводимых союзами as, while, где семантика союза, указывающая на длительность времени совершения действия, нейтрализует видовой признак Past Indefinite, сближая вновь образованное синтагматическое значение Past Indefinite с парадигматическим значением Past Continuous.

Как правило, в предложениях с союзами as и while Past Indefinite выступает синонимом Past Continuous, если оно образовано от глаголов непредельного и двойственного характера.

13. Bennet rose as he **spoke.**

14. He read while I **wrote.**

15. While the train **disappeared** into the mist, he stood expectantly on the wet platform.

---

[10] И. П. Иванова. Указ. соч., стр. 130.

Сравните: 16. While he **was disappearing** slowly down the street, the waiter left the door.

II. Past Indefinite сближается в своем грамматическом значении с Past Continuous в тех случаях, когда в предложении имеются обстоятельства времени, которые указывают, что действие совершается непрерывно в какой-то момент или период в прошлом. Здесь, так же как и в предыдущем случае, семантика окружающих Past Indefinite слов, а также семантика самого глагола (как правило, это глагол непредельного или двойственного видового характера) нейтрализует его видовое значение.

17. Through the long night the wheels of the train **hammered** beneath him.

Сравните: 18. I **was waiting** for the telephone all night long.

III. Во временных придаточных предложениях, вводимых союзами till (until), as soon as, after, форма Present Indefinite в некоторых случаях, помимо отнесения действия в прошлое, приобретает добавочное значение предшествования какому-то моменту в прошлом. Это второстепенное значение Past Indefinite сближается с основным значением Past Perfect, превращая указанные формы в контекстуальные синонимы.

Вторым фактором, способствующим нейтрализации значения временной отнесенности Past Indefinite, является лексический характер глагола — это, как правило, глаголы предельные и чаще всего обозначают перемещение или положение в пространстве, например:

19. He stood motionless after she **disappeared.**

20. He watched her until she **passed** beyond the window-frame.

Сравните: 21. Miss Halcombe waited till she had **passed** out of sight again.

IV. Past Indefinite сближается по значению с формой Present Perfect в предложениях с наречиями never, once или обстоятельственными выражениями, имеющими модель in all + D + N_{sing} или in + D + N_{sing}.

Наличие этих слов в окружении формы Past Indefinite нейтрализует его значение временной отнесенности, и Past Indefinite, подобно Present Perfect, выражает здесь прошедшее действие, не соотнесенное с определенным

моментом в прошлом, а лишь предшествующее моменту речи.

22. I never saw a human **grow** so fast in all my life.

23. In my day the propaganda **was** for God.

Сравните: 24. In all my experience I've never **seen** such crass stupidity.

25. I' **ve made** a few tumbles in my time.

V. Past Indefinite становится синонимом Present Perfect также в том случае, когда never имеет эмфатическое значение. Сближение форм опять идет по линии нейтрализации значения временной отнесенности, например:

26. «All I can say is I **never heard** her sing half so well as long as I am coming here. And that's the honest truth: «Neither did I», said Mr. Browne. «I think her voice has greatly improved» (J. Joyce).

VI. Present Continuous и Past Continuous утрачивают значение процессуальности, сближаясь соответственно с Present Indefinite и Past Indefinite в предложениях, содержащих наречия always, constantly и т. п. В этом случае нейтрализуется их видовой признак, и они, подобно Present (Past) Indefinite, начинают обозначать действие как событие, факт, причем действие постоянное, нелокализованное. При этом на денотативное значение этих форм, как правило, накладывается также дополнительная эмоциональная окраска, например:

27. He **was constantly displeasing** about nothing.

28. Mrs. Twigg: Don't take any notice of her. She doesn't know what she **is saying half the time** (J. Priestley).

Сравните: 29. Moon: She's — er rather devoted to me. At least my partner... **always says** so — pulls my leg about it (J. Priestley).

Однако эмоциональная окраска подобных предложений необязательна, так, например, в следующем предложении форма Present Continuous, передавая действие постоянное, лишена оттенка эмоциональности.

30. Professor Chy is a small round Chinese... He **is always smiling**, showing excellent teeth and **laughs** a great deal in the pleasant but rather meaningless Chinese manner (J. Priestley).

Интересно отметить в этом предложении также параллельное употребление формы is always smiling и

laughs a great deal с одинаковым грамматическим значением.

VII. Past Continuous может иногда передавать ряд последовательных действий, то есть иметь значение, характерное для Past Indefinite. В этих случаях формы различаются не грамматическим значением, а той степенью эмоциональной окраски, которую они передают.

Форма Past Continuous придает описанию большую живость и значимость, например:

31 ...she became aware of a sudden movement about her, an uprising a pushing back of chairs... The old lady **was folding up** her knitting, **pushing** her long ivory needles into it, **stuffing** the whole rapidly into the bag. (R. Pryce).

Однако очень часто выбор форм Present Indefinite или Present Continuous, Past Indefinite или Past Continuous трудно поддается объяснению, так как условия их употребления и грамматическое значение абсолютно идентичны, например:

32. Delia: Do you think you are the only person... who can stop pretending?

Kettle: I **am hoping** I am not (J. Priestley).

Сравните: 33. Street: I've got it now. Well I **hope** you are as friendly as the other George Kettle was (J. Priestley).

VIII. Present Indefinite и Present Continuous выступают синонимами Future Indefinite в простых предложениях, где отнесенность действия глаголов в указанных формах к будущему времени выявляется из наличия обстоятельств будущего времени или из контекста в целом, например:

35. Tomorrow morning I leave London.

36. «I am leaving tomorrow», said he.

37. From this time I go my own way ...and you will go yours.

Все три временные формы имеют одинаковое грамматическое значение: они передают действие, как событие, которое совершится в будущем. Под влиянием контекста синтагматические значения Present Indefinite и Present Continuous совпали между собой и одновременно сблизились с парадигматическим значением Future Indefinite, создался синонимический ряд с формой Future Indefinite в качестве доминанты.

Употребление Present Indefinite и Present Continuous со значением будущего имеет некоторые лексические ограничения: в этом значении используются глаголы, передающие конкретные действия, чаще всего глаголы движения. Различие между формами Present Indefinite и Present Continuous, как считает В. М. Комогорцева[11], заключается в выражении различной степени уверенности в том, что действие совершится в будущем.

Как показывают приведенные примеры, во всех случаях, где основным фактором сближения форм является лексический фактор, контекст, взаимозаменяемость синонимических форм вполне возможна.

ВЫВОДЫ

Синонимия видо-временных форм—распространенное явление в современном английском языке; фактически каждой видо-временной форме в микросистеме активного залога изъявительного наклонения противостоят такие формы, с которыми она может вступить в синонимические отношения.

Возможность или невозможность сближения грамматических значений видо-временных форм заложена уже в их парадигматических значениях (наличие или отсутствие общих сем). Однако эта возможность у видо-временных форм глагола в современном английском реализуется только на синтагматическом уровне.

Поскольку для английского языка характерна контекстуальная синонимия видо-временных форм, типичным случаем сближения грамматических значений является сближение синтагматического значения одной формы с парадигматическим другой. Реже возможно сближение синтагматического значения двух форм, например Present Indefinite и Present Continuous в значении будущего.

Типичным для современного английского языка является парная синонимия, а также асимметрия синонимических форм, когда одна и та же форма в различных значениях выступает синонимом различных глагольных форм.

Основными факторами, обусловливающими нейтрали-

[11] В. М. Комогорцева. Указ. соч.

зацию различительных признаков видо-временных форм, является синтаксическое употребление, структура предложения, лексическое окружение и лексическое наполнение. Как правило, эти факторы выступают вместе, при этом один из них является ведущим.

Наиболее легко транспонируются в сферу значений других форм формы Present и Past Indefinite. Так, Past Indefinite сближается по значению с формами Present Perfect, Past Continuous, Past Perfect, а Present Indefinite с Present Continuous, Present Perfect, Future Indefinite.

Очевидно, это объясняется тем, что эти формы являются как бы «слабыми формами» в системе видо-временных форм, так как большинство их дифференциальных признаков не маркировано.

Вступая в синонимические отношения, видо-временные формы не выходят за рамки своего временного круга. Исключение составляют формы Present Indefinite и Present Continuous со значением будущего.

Хотя для современного английского языка характерными являются контекстуальные синонимы, между ними возникают связи, которые характеризуют систему видо-временных форм в целом, и в этом смысле синонимия видо-временных форм может рассматриваться как системное явление.

Л. В. РУБАН

К ВОПРОСУ О МОДАЛЬНОСТИ НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ

В советской лингвистике несобственно-прямая речь (НПР) определяется как «...сложный прием передачи чужой речи, не только соединяющий в себе особенности прямой и косвенной речи, но и обладающий своими специфическими особенностями»[1]. Эти особенности, как пишет Е. В. Гулыга, состоят «...в переплетении речи автора и мыслей действующих лиц, в своего рода завуалированной подаче чужой речи, выделяющейся из языка автора наличием отдельных языковых особенностей»[2], исследованию которых, как она указывает, «...отводилось лишь незначительное место». Последнее обстоятельство объясняется тем, что несобственно-прямая речь рассматривается обычно на суперсинтаксическом уровне и в теоретических и практических грамматиках, как правило, не описывается. Стилистика же видит в НПР особый прием, «языково-стилистическую оболочку для выражения внутренних конфликтов, взволнованных мыслей, тончайших душевных нюансов»[3], которая, как считает Е. Ризель, структурно является максимально свободной формой речи, у которой не существует определенной закономерности ни в употреблении временных форм, ни в употреблении глагольных наклонений[4].

Взгляд на НПР как грамматически неоформленную структуру мы считаем не вполне обоснованным. У НПР,

---

[1] Грамматика русского языка. АН, Москва, т. 2, ч. II, стр. 430.
[2] Е. В. Гулыга. Косвенная речь в современном немецком языке. Ученые записки 1-го МГПИИЯ, т. XV, М., 1957, стр. 161.
[3] E. Riesel. Stilistik der deutschen Sprache, M., 1959, S. 391.
[4] E. Riesel. Cit., S. 392—393.

как это увидим ниже, есть свои, достаточно четко выраженные грамматические особенности. Эти особенности становятся наиболее наглядными при сопоставлении НПР с внутренним монологом и внутренним диалогом — структурами, которые выполняют аналогичную стилистическую функцию, но резко отличаются от НПР грамматическими характеристиками.

Сравним, например, внутренний монолог Руди Хагедорна, героя романа Макса Вальтера Шульца «Мы не пыль на ветру», и размышления капитана Залигера, героя того же романа, которые облечены автором в форму несобственно-прямой речи: Hagerdorn hörte Saliger nicht sprechen und hörte ihn doch: Voraussetzung, Gegebenheit, Folgerung, Schluß: all die Wörter, die ihm stets wie Flöhe von der Zunge gesprungen waren...

Wie herrlich bist du jeder Situation gewachsen, Saliger. Und wenn man mich noch umgebracht hätte mit deiner freundlichen Hilfe, stündest du jetzt auch da und bewiesest den Pythagoras in die Luft. Das weiß ich. Ich seh's, wie du nach vorn denkst; wie die Katze denkst du nach vorn, hast keinen anderen Gedanken als den, immer wieder auf die vier Pfoten zu fallen. Zur Herrlichkeit fehlt dir nur eins: der Mut. Deshalb bist du jetzt drinnen und ich draußen... (M. W. Schulz, Wir sind nicht Staub im Wind).

Во внутреннем монологе Руди Хагедорна речь ведется от первого лица. Временные формы (gesprungen waren, bist gewachsen, weiß, fehlt и др.) выражают их основное временное и модальное значение. Форма лица подчеркивает субъективность оценки, выражаемой формой наклонения. Для выражения ирреальности действия в условном предложении использованы формы конъюнктива (umgebracht hätte, stündest). Эмоциональность достигается за счет общего контекста и соответствующей интонации.

Иначе оформлены мысли Залигера: Und er, Saliger, hatte ein schlechtes Gewissen. Wenn man der Sache mit diesem Joppenkerl, mit diesem Vollmer auf die Spur gekommen war, stand es bös um ihn. Besonders dann stand es bös, wenn der Mann gar noch über die Gestapo-Klinge gesprungen war.

Дальше переход к авторской речи: In vielen Nächten hatte Saliger versucht, sich selbst zu betoren, es wäre

nicht seine Absicht gewesen, den Mann ans Messer zu liefern. (ibid).

Несобственно-прямая речь Залигера характеризуется следующими грамматическими признаками: особым способом включения в авторское повествование; заменой личного местоимения первого лица третьим, темпоральной и модальной транспозицией форм индикатива, где плюсквамперфект (gekommen war; gesprungen war) выражает нереальное действие, завершенное в прошлом, а формы претерита (stand) — нереальное действие в настоящем.

НПР целесообразно отграничить также и от внутреннего диалога, который, хотя и является лишь мысленным диалогом литературного героя, выражающим мысли и чувства персонажа и автора, структурно представляет собой форму прямой речи. Внутренний диалог либо включается в НПР, либо примыкает к ней, как к вводящей структуре.

Так, например, внутреннюю речь Франца Марнета, героя романа «Седьмой крест», А. Зегерс сперва облекает в форму несобственно-прямой речи, которая вводится контекстом: ...Sie bekamen einen Sohn, sie freuten sich. ...Jetzt hieß es freilich, etwas zurücklegen. ...Mit dem neuen Tarif war man noch ganz zufrieden. ...Nach und nach wird einem das Gehetz ein bißchen viel. (Далее следует вкрапление внутреннего диалога): ...«Knurr nur nicht so laut, sagt die Elli. Nur keine Scherereien, Franz — jetzt schon gar nicht». ...Franz sagte: «Wenn das noch Kriegskinder gibt, danke». (Затем размышления Франца передаются в форме внутреннего диалога, который, хотя и дается отдельным абзацем, примыкает к НПР.): Da kommt eines Morgens Franz in die Fabrik, und statt des Holzklötzchens kehrt da ein fremder Bub den Abfallstaub weg. Da fragt Franz: «Wo ist denn das Holzklötzchen?» Da sagt einer: «Das Holzklötzchen ist verhaftet.» — «Das Holzklötzchen ist verhaftet?» fragt Franz. «Ja, warum denn?» — «Weil es Gerüchte verbreitet hat», sagt einer von seinen Stanzern. — «Was für Gerüchte denn», fragt Franz. — «Über Westhofen — da sind doch am Montag welche geflohen.» — «Was, aus Westhofen», wunderte sich Franz, «leben denn da noch wirklich welche?» Da sagt einer der Stanzer, ...«Hast du geglaubt, daß dort alle umkommen?» Franz erschrickt, und er stottert: «Nein, nein — nur daß

immer noch welche drin sind...» (Следует переход к внутреннему монологу, который заключает абзац): «Wenn ich nur heut abend mal nicht nach Haus brauchte, denkt der Franz, nur mal wieder mit einem sprechen, mit so einem wie dem da»... (A. Seghers. Das siebte Kreuz).

Внутренний монолог еще раз подчеркивает, что предшествующая ему прямая речь является лишь мысленным диалогом, способом, посредством которого персонаж пытается представить себе свои мысли и чувства в оценке другого человека.

НПР, внутренний монолог и внутренний диалог являются тремя способами выражения внутреннего мира героя, созданного фантазией автора. Употребляя их, автор как бы знакомит читателя со своим собственным восприятием мыслей и чувств персонажа и создает тем самым у читателя живое представление не только о своих героях, но и о событиях, отраженных сквозь призму их восприятия мира.

Каждый из этих способов обладает своей спецификой. своими грамматическими особенностями, каждый может служить предметом специального исследования.

Анализ 800 примеров из произведений 12 авторов показал, что НПР обладает следующими четко выраженными грамматическими признаками:

I. Несобственно-прямая речь обязательно вводится в авторский текст либо особой структурой (586 примеров, 73,3%), либо контекстом (214 примеров, 26,7%).

II. В НПР происходит замена личного местоимения 1-го лица местоимением 3-го лица, либо речь идет о 3-м лице (723 примера, 90,4%).

III. Ведущей временной формой глагола в НПР является претерит индикатива (530 примеров, 66,3%). Кроме претерита, употребляются формы плюсквамперфекта (102 примера, 12,8%), футурума I (67 примеров, 8,4%), а также формы конъюнктива (кондиционалиса) (81 пример, 10,1%). Презенс и перфект употребляются крайне редко (всего 20 примеров, 2,5%). Их употребление объясняется частичной темпоральной синсемантизацией в синтаксическом целом.

IV. Претерит индикатива в НПР, как правило, подвергается темпоральной транспозиции в план содержания презенса, либо «футурального презенса». (Темпо-

ральной транспозиции не происходит лишь в 51 случае, т. е. 10%).

Процентное соотношение отдельных грамматических показателей не является абсолютным. Оно может колебаться при привлечении текстов других авторов, но оно верно отражает общую характеристику грамматических особенностей НПР.

В синтаксическом отношении НПР является обычно либо сложным синтаксическим целым[5], либо сверхфразовым единством, входящим в сложное синтаксическое целое, и лишь крайне редко бывает заключена в одном предложении. Характерными типами синтаксической связи между предложениями в НПР являются присоединение и примыкание. Для НПР присуще наличие межфразовых временных связей, заключающихся в частичной темпоральной синсемантизации сказуемого предложений, входящих в ее состав, что, как указывает Т. И. Сильман, также является релевантным признаком сложного синтаксического целого[6].

Межфразовые темпоральные связи приобретают структурообразующую функцию при наличии в составных частях сложного синтаксического целого противопоставления относительного и абсолютного времени, которые объединяются в одно релятивное единство. Такое единство В. А. Жеребков очень удачно называет «межфразовым релятивом» и устанавливает для него три типа актуализации: импликацию, аттракцию и сдвиг[7]. Для НПР особенно характерен сдвиг времен.

Входящие в НПР структуры, которые указывают, что в дальнейшем излагаются мысли и чувства литературного героя, определяются обычно претеритом индикатива. Глагольные формы НПР согласуются в плане

---

[5] Понятие сложного синтаксического целого, как синтаксической единицы иного уровня, чем предложение, было введено в научный обиход и исследовано на материале русского языка А. М. Пешковским, А. А. Шахматовым, Н. С. Поспеловым. На материале немецкого языка проблема синтаксического целого разрабатывается в трудах Т. И. Сильман.

[6] Т. И. Сильман. Синтаксические связи между предложениями и их значение для структуры отдельного предложения и структуры абзаца. НДВШ, Филологические науки, 1965, 2, стр. 86.

[7] В. А. Жеребков. Относительные временные связи внутри сложного синтаксического целого. Сб. Проблемы германской филологии, Рига, изд. «Зинатне», 1968, стр. 66—67.

выражения с глаголом вводящей структуры и обычно употребляются в форме претерита. Их фактическое темпоральное значение, однако, определяется целиком временным планом, в котором мыслит персонаж. Как показало исследование, формы претерита выражают значение настоящего либо будущего, т. е. транспонированы (сдвинуты) в план содержания презенса либо «футурального презенса». Категориальное будущее выражается, как правило, кондиционалисом I и лишь изредка футурумом I. Ср.: Herbert Hardekopf drehte sich um, als befürchte er, daß ein Lauscher seine Gedanken gehört haben konnte... Er bewachte einige Dutzend Feinde der Faschisten. Und die Faschisten waren auch seine Feinde; er war doch Sozialist und Antifaschist, bewachte aber Antifaschisten, die von Faschisten erschossen werden sollten. Er bewachte sie. Vielleicht erhielt er sogar den Befehl, sie zu erschießen. Unter keinen Umständen würde er das tun. Unter keinen Umständen. Aber er bewachte sie, sorgte dafür, daß sie ihren Mördern nicht entkamen. Er war doch... Er tat doch alles, was die Faschisten wollten? ...Und wieder überlegte er, ob Viktor wohl in Moskau war. Auf der anderen Seite. Auf der antifaschistischen Seite... Auf der richtigen Seite... Schneetreiben, das richtige Fluchtwetter, wenn man sich auskannte... Wenn's mißglückte, vor der Gefangennahme eine Kugel... Nein, es ging nicht... Sie würden für ihn die Seinen büßen lassen...» (W. Bredel, Die Enkel).

При ретроспективной направленности мыслей персонажа обычно употребляется плюсквамперфект индикатива в функции абсолютного прошедшего: ...die Gedanken gingen blaß und wirr in seinem Kopfe hin und her, ...Das war sie, seine kleine Madonna. Er hatte sie geliebt, er hatte sie aus Liebe geheiratet. Er hatte ihr, die aus einfachen Verhältnissen herauskam, ein glänzendes Leben geschaffen. Er hatte sie behütet und ihr täglich gesagt, auf die Automobile achtzugeben. Er hatte immer Angst um sie gehabt, ohne es ihr je zu sagen. Er hatte sie in den letzten Jahren vernachlässigt, weil ihn die Arbeit verschlang. Aber er hatte sie deshalb nicht weniger geliebt. Sein kleiner Narr, seine gute, süße Maud, das war sie nun. (B. Kellermann, Der Tunnel).

Плюсквамперфект в НПР и внутреннем монологе выполняет не только функцию абсолютного прошедшего.

Под влиянием структуры и временного плана НПР и внутреннего монолога плюсквамперфект может быть сдвинут в план содержания перфекта, несущего функции футурума II. ...jede Stunde konnte die Regenzeit losbrechen, wenn nicht heute dann morgen; und hatte sich einmal der Himmel geöffnet, und er war immer noch ohne festen Unterschlupf, war alles vorbei, alles. (E. Claudius. Das Mädchen «Sanfte Wolke», Erzählungen aus Dschungel und Wüste).

...der Bambus war Held vieler, auch mancher unsinniger Geschichten. Ja, wir beschlossen sogar, war eines Tages der Sieg gekommen, dem Bambus in Hanoi ein Denkmal zu setzen. (E. Claudius, ibid.).

Структурные особенности, и в первую очередь «сдвиг времен», основное смысловое содержание НПР как типа речи, выражающей мысли и чувства литературного персонажа, обусловливают своеобразие модального плана НПР.

Это своеобразие заключается, главным образом, в часто происходящей модальной транспозиции сдвинутых в план будущего глагольных форм изъявительного наклонения в область значений конъюнктива (кондиционалиса).

Например: S. Woolf zögerte nicht, ins Feuer zu gehen. Er versuchte es nochmals mit der Baumwolle. Wenn diese Riesenspekulationen nur einigermaßen gelangen, so war er gerettet. (B. Kellermann, Der Tunnel).

Модальное значение форм индикатива в этом примере обусловлено «сдвигом» претерита в план будущего, синтаксическим типом предложения (условное), формой речи и содержанием макроконтекста, вводящего НПР: Вульф надеется, что сделка удастся, это для него единственный шанс спастись от разорения и гибели. Формы индикатива имеют здесь явно выраженное потенциально-оптативное значение, что делает возможной трансформу: Wenn diese Riesenspekulationen nur einigermaßen gelängen, so wäre er gerettet (gelangen=gelängen, war gerettet=wäre gerettet).

Аналогично: Müsch überlegte. Die Anwesenheit anglo-amerikanischer Fallschirmleute bewies, daß, die Westmächte an der politischen Zukunft Polens starken Anteil nahmen. Gelang es ihnen, Freiheit und Demokratie zu

erhalten, dann waren auch die Aktien gerettet. Doch, leider, sah es bis jetzt wenig danach aus. Die Russen drangen unablässig vor (gelang=gelänge, waren gerettet==wären gerettet). (W. Schreyer, Unternehmen «Thunderstorm).

В НПР формы индикатива выражают действие мыслимое, намечаемое, стоящее как бы на грани между действием будущим—планируемым и предполагаемым— и действием нереальным. Они являются по существу контекстуальными синонимами конъюнктива, отличаясь от последнего наличием семы твердой субъективной убежденности (уверенности) в возможности или невозможности осуществить действие. Например: Er nahm Knakkerbrot und Fliegerschokolade aus einem Brotbeutel und verzehrte beides miteinander. Weiß entkam ihm nicht mehr. Verflucht, und wenn man verreckte und man verreckte, daran war kein Zweifel mehr, aber der Weiß bekam seinen Teil. (K. Mundstock, Bis zum letzten Mann).

Fiel der Elende am Rande des Gerüstes zusammen, so sturzte er hinab in die Tiefe, und alles war vorüber! Alles, was sein mußte, war getan. (O. Ludwig, Zwischen Himmel und Erde).

Er hatte schon Fieber. Die kranke Hand durfte ihm keinen Streich spielen, bis er bei Leni ankam. Bei Leni wurde verbunden, gewaschen, gegessen, getrunken, geschlafen, geheilt. Er erschrak. (A. Seghers, Das siebte Kreuz).

Какое из указанных модальных значений (потенциальное, ирреальное) актуализируется у глагольных форм индикатива в НПР, зависит не только от структуры последней, но и от ее лексического содержания, а также от семантики вводящей НПР структуры, значение которой влияет на модальность речи подобно модальным словам, усиливая либо нейтрализуя основное модальное значение форм индикатива. Подобные структуры Е. В. Гулыга называет модальными[8], а И. Б. Хлебникова — модально-эмоциональными индикаторами[9]. Эти индикаторы, по мнению И. Б. Хлебниковой, имеют, как правило, модально-эмоциональное значение и «предваряют в своем собст-

[8] Е. В. Гулыга, Сложноподчиненное предложение (на материале современного немецкого языка). Докт. дисс., М., 1962 г., стр. 263—304.

[9] И. Б. Хлебникова. Система английского глагола и сослагательное наклонение. Докт. дисс., М., 1965, стр. 585—588.

венном лексическом значении модальность вводимой речи либо выражают к ней какое-то эмоциональное отношение». Как показало наше исследование, НПР вводится не только отдельными структурами, но и контекстом, который тоже может выступать в роли модального индикатора.

Примерами, иллюстрирующими зависимость модального значения форм индикатива от лексического содержания НПР и семантики вводящей ее структуры, могут служить: Aber sie ging vorüber, es war in einem Traum, ihre Glieder gingen anders, als der Kopf es ausdachte... «Die haben Sie wohl rausjeschmissen, Fräulein?»...

Aber Petra bewegte nur leise verneiend den Kopf. Sie durfte nicht sprechen, sonst wachte sie auf und saß wieder in der Küche, und sie stritten und schrien sie an... (H. F a l l a d a, Wolf unter Wölfen).

Больная Петра, которую хозяйка вышвырнула на улицу, находится в полуобморочном состоянии. Все происходящее кажется ей дурным сном. Она боится проснуться, чтобы этот сон не стал еще более скверной действительностью. В этом примере микроконтекст, вводящий НПР, ее лексическое содержание обусловливают актуализацию у форм индикатива потенциально-ирреального значения.

Аналогично: Stefan wurde blaß. Der Stadtfrack wußte von der Schwarzschlachtung! Jemand hatte geplaudert, und ausgerechnet zu diesem. Wozu war dieser Berliner fähig? Wenn er nun in zehn Minuten mit dem Ortspolizisten wiederkam, was tun?... Wenn Berthold erfuhr, von wem die Sache ausging — und er erfuhr es bestimmt bei dem Klein-Salchauer Mitteilungsbedürfnis — dann war alles verpatzt, dann kam die Schwarzschlachtung an die große Glocke, eine Strafanzeige folgte gewiß auf dem Fuß nach, und was dann geschah... (M. S e l b e r, Deine Augen, liebes Kind).

Из контекста, вводящего НПР, ясно, что Бертольд не знает ни о незаконном забое скота, ни о том, что Стефан из ревности подговорил парней побить его. Он просто пришел пригласить Стефана на репетицию.

Иначе в следующем примере: Wenn alles gut ging, war sie in einer halben Stunde tot. Sie hatte Glück, sie war die erste. (Далее переход к авторской речи). Sie wußte wohl, was es für Badeanstalten waren, sie hatte

damit zu rechnen, zehn Minuten Todesqualen auszustehen aber das schien ihr noch so weit entfernt, daß auch das ihr keine Angst machte. (H. Böll, Wo warst du, Adam?).

В фашистском концлагере Илона думает о смерти в газовой камере, как об избавлении от кошмара, который ее окружает. Она как бы планирует свою смерть, надеется, хотя и на мучительный, но скорый конец. Это становится очевидным из авторской речи, вводящей НПР, из содержания мыслей персонажа. В данном примере вводящий НПР микроконтекст и смысловое содержание НПР обусловливают актуализацию у глагольных форм НПР потенциально-оптативного значения.

Формы изъявительного наклонения могут и не транспонироваться в НПР в область значений конъюнктива. В этом случае они выражают основное модальное значение индикатива — модальность констатации[10] с включением дополнительной семы — твердой субъективной убежденности (уверенности) в реализации (нереализации) действия, например: Overkamp wußte, daß diese vier Männer verloren waren, sobald er das Lager verließ. Далее переход в НПР. Höchstens ließ man sie noch am Leben, bis der siebte eingebracht war. Wenn man nicht vorher ungeschickt war oder auch die Geduld verlor. (A. Seghers, Das siebte Kreuz).

Еще один пример: Holt hoffte fest auf Blohms Hilfe, sonst holte er die Versäumnisse in Mathematik niemals nach. (D. Noll, Die Abenteuer des Werner Holt).

В обоих примерах решающую роль в актуализации основного модального значения индикатива играют вводящие НПР структуры. Они как бы «задают» модальность констатации, которая затем актуализируется в НПР. Модальные значения временных форм индикатива могут осложняться различными субъективно-эмоциональными и экспрессивными значениями (восхищение, надежда, стремление к чему-то, поиск перспективы, страх, сожаление и т. д.), что достигается, кроме темпоральной и модальной транспозиции временных форм, специфичной лексической дистрибуцией глагола в НПР, которую, как указывает Е. Ризель, характеризует нали-

---

[10] Л. В. Рубан. Основное модальное значение индикатива. Ученые записки АГПИ им. С. М. Кирова, т. XI, вып. 5, 1968.

чие модальных слов, частиц, лексических диалектизмов, жаргонных словечек, особая интонация и т. д.[11]..

Например: Warte nur! dachte er. Schneidereit sollte sich nicht zu sicher fühlen. Die Stunde kam, und Holt **trumpfte** auf, und Schneidereit fiel in das Dunkel zurück, aus dem er gekommen war... Schluß mit Gefühl! Jetzt wurde aufgetrumpft! In einem Jahr Abitur, dann Studium, Promotion. Schon war es so weit, schon kam er wieder, ein geachteter Mann, vielleicht schon Dozent, ...Holt lächelte. (D. N o l l, Die Abenteuer des Werner Holt).

Особенности модального плана НПР, которые мы рассмотрели, обусловливаются ее спецификой, как одной из форм внутренней речи персонажа, особенностями грамматической структуры и лексического наполнения, которые способствуют актуализации у форм индикатива широкого диапазона вариантных модальных значений, вплоть до транспозиции этих форм в план содержания конъюнктива. Последнее обстоятельство объясняет, почему в НПР, даже в таких структурах, как нереальные условные предложения, вместо конъюнктива в качестве его синонимов употребляются обычно претерит и плюсквамперфект индикатива.

---

[11] E. R i e s e l, cit.

Е. Е. ТОГУНОВА

МЕСТОИМЕНИЕ SICH В ДАТЕЛЬНОМ ПАДЕЖЕ ПРИ ГЛАГОЛАХ И УСТОЙЧИВЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЯХ

Как известно, возвратное местоимение sich употребляется при глаголах только в форме 3-го лица. Оно имеет неполную парадигму склонения и характеризуется омонимией падежных форм. В 1-м и 2-м лице в функции возвратного местоимения употребляются формы косвенных падежей личных местоимений. Возвратное местоимение часто утрачивает природу самостоятельного слова и выступает в роли словообразовательного компонента в составе возвратных глаголов: sich erholen, sich sehnen, sich widersetzen[1].

Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева подразделяют возвратные глаголы в немецком языке на 3 группы: собственно-возвратные, при которых возвратное местоимение выступает как дополнение (sich waschen), обще-возвратные, которые обозначают действие, сосредоточенное на действующем лице (sich freuen), взаимные, которые обозначают взаимное действие двух или нескольких лиц (sich schlagen)[2].

Немецкие грамматисты дают другое деление: группа глаголов, с которыми возвратное местоимение образует единство, то есть без него они не употребляются (echte Reflexivverben): sich beeilen, begeben, bemächtigen, aneignen; группа глаголов, при которых возвратное местоимение является дополнением (unechte Reflexivverben): sich ärgern, bedienen, bilden, erfreuen (sich+Akk), anzünden, erlauben (sich+D)[3].

---

[1] О. И. Москальская. Грамматика немецкого языка. М., 1965, стр. 197.

[2] Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. Современный немецкий язык. М., 1957, стр. 144.

[3] W. Jung. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1966, S. 198. Der Große Duden. Grammatik. Leningrad, 1962, S. 82.

В качестве самостоятельного слова возвратное местоимение выступает: 1) в функции прямого дополнения, когда действующее лицо является одновременно объектом действия, например: Er nannte **sich** den größten aller Kaiser. (B e c h e r). Die Hände hinter dem Rücken verschränkt, stellt sie **sich** vor ihn hin. (B r e d e l),

2) в функции косвенного дополнения в дательном падеже: Das war ein Mann, der wußte, wie es mit dem Geld war. Ein Mann, ein Onkel, den er **sich** gewünscht hätte. (B ö l l). Es war die Zeit, da Bolda herunterkommen und sich in der Küche Bouillion kochen würde. (B ö l l),

3) в функции предложного дополнения: Er wollte Moni **mit sich** nehmen. (S e g h e r s). Er zupfte **an sich** herum. (S e g h e r s),

4) в функции взаимного местоимения в значении einander: Bolda und die Großmutter kannten **sich** schon lange. (B ö l l), «Nein, nein, am besten treffen wir **uns** in der Stadt» (B ö l l), Er mußte anhören, was sie **sich** zuflüsterten (B ö l l).

5) возвратное местоимение придает глаголу пассивное значение, а с глаголом lassen — значение вынужденной необходимости или возможности. Подлежащее в таких предложениях не обозначает деятеля, который может быть вообще не назван, например: Marie schlug das Herz schneller, wenn **sich** die Tür in der Wirtschaft öffnete. (A. S e g h e r s). Und von mir läßt er **sich** nichts, absolut nichts **sagen,** weder im Guten, noch im Bösen. (A. S e g h e r s). Aber sie gewinnen den Krieg. Siehst ja, halb Frankreich, Belgien, Polen — und Arbeiterschaft **läßt sich überfahren.** (O. G o t s c h e).

Возвратное местоимение может усиливаться местоимением **selbst:** Sie sehen **sich selbst** noch ziemlich ähnlich. (A. S e g h e r s). Ihr Ohr schien so unmusikalisch wie ihre Stimme, denn ihr schrecklicher Gesang kam in ihren eigenen Ohren offenbar als Wohlklang an, und sie quittierte **sich selbst** jeden Vers mit einem triumphierenden Grinsen. (B ö l l).

Задача данной работы — проследить употребление возвратного местоимения **sich** в дательном падеже в функции косвенного дополнения при глаголах и устойчивых словосочетаниях. Местоимение **sich** в дательном падеже означает, что действие обращено к субъекту или сосредоточивается в нем. Оно выступает в придложении

в качестве свободного, не управляемого глаголом члена предложения (так называемый дательный возвратного местоимения — reflexiver Dativ), и обязательного, или зависимого, члена предложения, управляемого глаголом или устойчивым сочетанием[4]. Остановимся на каждом из них.

Дательный свободный. К неуправляемому (независимому) дательному относится наряду с дательным свободным (dativus commodi), притяжательным (sympathetischer Dativ) и дательным интереса (dativus ethicus) также дательный возвратного местоимения[5]. Последний употребляется как при переходных, так и при непереходных глаголах. Переходные глаголы, например: abschreiben, anzünden, kaufen: Die Leute können **sich** allerlei **kaufen.** (A. Seghers). Franz **suchte sich,** von einer ihm unklaren Neugierde getrieben, Georgs Fragebogen heraus. (A. Seghers).

Darauf hatte **sich** Oberleutnant Wehner eine Zigarette **angezündet.** (Bredel). Deinen Namen werde **ich mir notieren.** (Bredel). ...und wenn noch Kaffee vom Frühstück übriggeblieben war, **wärmte** er ihn **sich** und nahm ihn mit. (Böll).

В данных случаях дательный падеж возвратного местоимения можно было бы заменить предлогом für[6]: sie kaufen **sich** — sie kaufen für sich, особенно в тех случаях, когда может возникнуть двусмысленность, как, например, Anzeigedeutsch: Dauermieter, pünktlicher Vorauszahler, reinlich, ruhig und solide, sucht geräumiges Zimmer, wo er **sich** auf Gas selbst **kochen kann.** (Sprachpflege).

Непереходные глаголы (особенно со значением сообщения или процесса мышления), например, sich denken, sich vorkommen: **Denken** Sie **sich, daß** uns die Russen oder die Franzosen über den Hals kämen. (Weerth). Ich **komme mir vor** wie ausgelaugt. (Bredel).

Некоторые глаголы могут употребляться с возвратным местоимением в дательном падеже или без него,

---

[4] Об управлении см.: Е. Е. Тогунова. Управление глаголов дательным падежом в современном немецком языке. Автореферат канд. дисс. Л., 1965, стр. 4.

[5] Л. Р. Зиндер, Т. В. Строева. Указ. соч., стр. 111. W. Admoni. Der deutsche Sprachbau. M.—L., 1966, S. 121.

[6] W. Jung. Grammatik der deutschen Sprache, Leipzig, 1966, S. 199.

причем значение глагола не изменяется, например: denken — sich denken, ansehen — sich ansehen: Natürlich wollte Georg gern solche Photographien ansehen, wo er selbst zu sehen war. «Das kann man **sich** ja gelegentlich **ansehen**», sagte er. (S e g h e r s). Er **sah sich** die Hand nochmals genau **an,** dann kurz Gesicht des Mannes, seine Jacke, den ganzen Mann. (S e g h e r s).

Дательный падеж возвратного местоимения выражает заинтересованность действующего лица в действии. Он может быть заменен предлогом für, например: Georg saß rittings auf seinem Stuhl. Er **schälte für sich** und **mich Apfelsinen.** (S e g h e r s). In seinen neuen Kleidern, die er **sich** am Vortrag **beschafft hatte,** hielt er sich trotz der Flucht ruhig und gut... (S e g h e r s).

Дательный падеж возвратного местоимения может выступать также в роли притяжательного местоимения, то есть он близок к дательному принадлежности, например: sich die Zähne putzen — seine Zähne putzen; mir die Hände wischen — meine Hände wischen: Schaudernd vor Kälte und Behagen, **seifte** er **sich Hals** und **Brust** und **putzte sich die Zähne.** (S e g h e r s).

Таким образом, дательный падеж возвратного местоимения в указанных случаях не управляется глаголом и не является необходимым членом предложения.

Д а т е л ь н ы й з а в и с и м ы й. Дательный падеж возвратного местоимения управляется глаголом или устойчивым сочетанием. Глаголы, требующие при себе дательного падежа, могут быть переходными и непереходными. Переходные глаголы имеют при себе два дополнения: в дательном и винительном падеже: sich (j-m) etw. abgewöhnen, auferlegen, verzeihen, zutrauen, sagen, erlauben, versprechen, например: Mußte ich Xaver verzeihen, wie ich auch **mir verzieh?** (B e c h e r). Bald **erlaubte ich mir,** ihm das Schießen nach den Vögeln zu verbieten. (B e c h e r). Seltsame Pflichten, die **sich** der Tapezierer selbst in den wenigen aber entscheidenden Augenblicken seines Lebens **auferlegt hatte.** (S e g h e r s). Was du **dir einbildest,** Georg, **sagte** er **sich,** es brach nie ab, nie wird es je abbrechen. (S e g h e r s).

Непереходные глаголы, например: sich (D) antworten, entrinnen, zureden: «Ach, das ist es nicht», konnte ich **mir antworten.** (B e c h e r). «Mut», **redete** ich **mir zu.** (B e c h e r). Und nur beim Rudern oder nur beim Ringen

vergaß er sich, und sein Gesicht wurde gut und froh, als sei er **sich selbst entronnen.** (S e g h e r s).

Некоторые глаголы употребляются всегда с возвратным местоимением в дательном падеже: sich (D) etw. aneignen, einbilden. **Bildest** du **dir ein,** daß sie uns bis dahin ungeschoren lassen? (H o r n). Hinziehen zu Franz, das bedeutete nicht nur lernen, **sich** bestimmte **Gedanken aneignen,** an den **Kämpfen** teilnehmen, das bedeutete auch... (S e g h e r s).

В указанных случаях возвратное местоимение в дательном падеже выступает в функции самостоятельного, обязательного дополнения и соответствует русскому «себе», которое также является самостоятельным членом предложения[7].

Остановимся на употреблении дательного падежа возвратного местоимения при устойчивых сочетаниях. Устойчивые словосочетания, требующие дательного падежа возвратного местоимения, семантически можно объединить в 4 группы: 1) со значением склонности, 2) пользы, вреда, 3) мышления, 4) сообщения[8]. Такие сочетания обозначают действие, замыкающееся в сфере субъекта: sich (D) etw. ans Bein binden — примириться скрепя сердце с чем-либо; sich (D) den Kragen brechen — сломать себе шею; sich (D) die Nacht um die Ohren schlagen — провести ночь без сна; sich (D) die Freiheit nehmen — осмеливаться.

Устойчивые словосочетания, употребляющиеся с местоимением sich в дательном падеже, неоднородны по характеру употребления sich. Их можно разделить на группы.

а) Устойчивые сочетания, при которых возможен дательный падеж только местоимения sich: sich (D) das

---

[7] В предложениях типа: «Поговори ты мне», «Сидит себе и улыбается» слова «мне», «себе» не образуют словосочетаний с глаголами. Местоимение «мне» выполняет роль частицы, а слово «себе» — частицы в составе сказуемого. Грамматика русского языка. АН СССР, т. 2, стр. 432.

[8] См.: Т о г у н о в а Е. Е. Дательный падеж при устойчивых сочетаниях в современном немецком языке. — Уч. записки АГПИ им. С. М. Кирова, т. IX, вып. 3, стр. 18, 1962. Отбор устойчивых сочетаний производился нами на основе «Немецко-русского фразеологического словаря» Л. Биновича (М., 1956), «Немецко-русского словаря» Брауна (Геттинген, 1958) и произведений художественной литературы, преимущественно современных писателей.

Ansehen geben, den Anschein geben — делать вид, притворяться; sich (D) etw. zu Herzen nehmen — принимать близко к сердцу; sich (D) ein Herz fassen — собраться с мужеством; sich (D) kein Bein ausreißen — не проявлять особого рвения; sich (D) kein Blatt vor den Mund nehmen — говорить напрямик; sich (D) die Augen ausweinen — выплакать себе глаза, например, Aber die Angehörigen des Stoßtrupps **nahmen sich kein Blatt vor den Mund.** (Horn). «Ob du gut gelaunt bist, ob du **dir ins Fäustchen** lachst?» (Seghers).

б) Устойчивые сочетания, при которых употребляется дательный падеж как возвратного местоимения, так и существительного (или личного местоимения), например: sich (D), j-m Schaden zufügen, ein Vergnügen bereiten, den Weg bahnen (ebnen), die Hände binden, die Tasche füllen, Zwang antun: Aber am Abend hatte der neue junge Bürgermeister des Dorfes die Frau zu sich bestellt und ihr klargemacht, daß sie mit ihrer Flennerei nicht nur **sich selbst,** sondern auch **ihren Söhnen...** für ihr Leben lang **Schaden zufügte.** (Seghers). Ein junger Mann war aus einem Kellerpförtchen gesprungen und hatte **sich** mit den Ellenbogen **einen Weg** durch die Menge **bahnen** wollen. (Seghers). Manchen Tadel habe ich unterdrückt, unter uns gesagt, um **Ihnen den Weg zu bahnen.** (Steinberg).

Иногда значения устойчивого словосочетания с возвратным местоимением и с существительным в дательном падеже различны: j-m keinen Bissen gönnen — завидовать кому-либо из-за мелочи; sich (D) keinen Bissen gönnen — отказывать себе во всем; j-m Gewalt antun — совершить насилие, исказить истину; sich (D) Gewalt antun — сделать над собой усилие, сдержаться; einer Sache Luft machen — упорядочить, прояснить; дать выход; sich (D) Luft machen — отвести душу, высказаться откровенно: j-m den Beutel spicken — щедро снабдить кого-либо деньгами; sich (D) den Beutel spicken — набить себе карман, нагреть руки; j-m Vorstellungen machen — представлять возражения, выговаривать; sich (D) eine Vorstellung machen — получить представление о чем-либо; j-m eine Vorstellung von etw. vermitteln — дать кому-либо представление о чем-либо.

Дательный падеж возвратного местоимения при некоторых устойчивых сочетаниях данных групп близок к

дательному принадлежности; это обычно идиоматические обороты, компонентами которых являются существительные, обозначающие части тела, органы человека (Kopf, Mund, Hals, Zunge, Ohr) или конкретные предметы (Bissen, Rute), например: sich (D) den Mund (die Schnauze) verbrennen, die Augen ausgucken, die Zähne stumpf beißen, j-n vom Halse schaffen, die Rute flechten, Holzklötzchen... «Hat **sich die Zunge verbrannt**», sagte jemand zu Franz. (S e g h e r s).

Притяжательный характер возвратного местоимения усиливается наличием притяжательного местоимения, например: Und wie ihr **euch eure Zähne** an Leningrad **stumpf gebissen habt**, da ist mir mein Herz warm geworden. (S e g h e r s).

Сочетание может выступать в предложении как свободное и как устойчивое. В первом случае сочетание имеет основное, прямое значение, во втором — переносное. При свободном сочетании также возможен дательный падеж, не обусловленный значением сочетания в целом, например: die Ohren zuhalten, das Genick brechen: Bald hatte ich heraus, daß ich mit meinem miserablen Violinspiel mörderisch auf seinem Leben herumkratzte und daß ich ihm Bitteres zufügte, wenn ich **mir** bei seinem Spiel die **Ohren zuhielt.** (B e c h e r).

Fest stand, daß der Mann bei der Sturz das **Genick gebrochen hatte.** (F i n d e i s e n).

Устойчивые сочетания переосмыслены, поэтому дательный падеж становится обязательным, например: sich (D) das Genick (Rückgrat) brechen: Plötzlich gab es einen furchtbaren Stoß, eine Erschütterung, als würde **ihnen das Genick gebrochen.** (T h. M a n n). Mit dem Abkommen von Bielefeld **hat** er **den Ruhrarbeitern das Rückgrat gebrochen**, sie dem General Walter ausgeliefert. (G o t s c h e).

Как и при глаголах, возвратное местоимение в дательном падеже может употребляться с глаголом lassen при устойчивых сочетаниях, требующих дательного падежа. Сочетание в целом получает пассивное значение, то есть действие, выраженное устойчивым сочетанием, совершается не субъектом. Глагол lassen употребляется в значении возможности или позволения, например: j-m durch die Lappen gehen — уйти, улизнуть от кого-либо; sich (D) etw. durch die Lappen gehen lassen — позволить кому-ли-

бо уйти; j-m den Braten versalzen — испортить кому-либо удовольствие; sich den Braten versalzen lassen — позволить кому-либо испортить себе удовольствие; j-m in die Suppe spucken, j-m in den Kram pfuschen, j-m das Konzert verderben, j-m das Handwerk verpfuschen — испортить все дело кому-либо; sich in die Suppe spucken lassen — позволить кому-либо испортить себе все дело; sich (D) in den Kram pfuschen lassen — позволить кому-либо испортить себе все дело.

Действующее лицо, как и в пассивной конструкции, оформлено обычно предложным дополнением. В данных случаях дательный падеж возвратного местоимения является необходимым, обязательным, так как эти устойчивые сочетания переосмыслены, для них характерна образность, что и обусловливает зависимый характер дательного падежа. Некоторые устойчивые сочетания употребляются всегда с возвратным местоимением и с глаголом lassen: sich (D) den Wind um die Ohren wehen lassen — набраться житейского опыта; sich (D) keine grauen Haare wachsen lassen — не беспокоиться о чем-либо: Ich kann mir auch nicht die fettesten Abschlüsse **durch die Lappen gehen lassen.** (Feuchtwanger). Ich rate Ihnen: ich **lasse mir** nicht **in meinen Kram pfuschen.** (Apitz).

Устойчивые словосочетания, употребляющиеся с дательным падежом, дают некоторое представление о том, что на управление дательным падежом влияет не только глагол, но и сочетающееся с ним существительное, причем глагол или существительное в отдельности может и не требовать дательного падежа.

Дательный падеж возвратного местоимения является необходимым, зависимым членом предложения, когда он оказывается не внешним по отношению к семантике глагола или устойчивого сочетания, а обусловлен их значением. Эта обусловленность дательного падежа возвратного местоимения вызвана тем, что действие, выраженное глаголом или устойчивым сочетанием, ориентировано на субъект. Следует отметить, что границы между свободным и зависимым дательным не всегда можно достаточно четко определить.

О. Ф. УСПЕНСКАЯ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ СЕМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В ТРЕХЧАСТНЫХ СЛОЖНЫХ СОЧИНЕННО-ПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С ДОПОЛНИТЕЛЬНЫМ ПРИДАТОЧНЫМ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

В сложных предложениях анализируемого типа, помимо сочинительных отношений между компонентами и подчинительных отношений внутри сложноподчиненного компонента, можно обнаружить особые семантические отношения, обусловленные лексическим наполнением частей предложения. Однако нам представляется практически невозможным определить типы этих отношений на основе анализа всего лексического состава предложения ввиду того, что в нем находят отражение бесконечно многообразные связи и отношения явлений объективной действительности. В статье мы ограничимся анализом лишь тех отношений, которые зависят от семантики сказуемых-глаголов или глагольных словосочетаний — в сочиненных компонентах предложения.

Специфику данных отношений составляет характер отражения внеязыковой действительности в содержании частей предложения. Содержание любого трехчастного сложного предложения с дополнительным придаточным отражает, на наш взгляд, три экстралингвистических факта:

1-й-факт 2-й факт 3-й факт

I thought it was beautiful and I still think so. (O'Hara).

«Я думал, что это прекрасно, и я по-прежнему так думаю».

Однако эти факты представлены в предложении поразному: в главной части сложного компонента и в простом компоненте факты внеязыковой действительности регистрируются, констатируются как реально существующие (I thought, I still think so); в придаточной же части сложного компонента факт действительности пред-

ставлен субъективно, как нечто мыслимое, существующее лишь в представлении, воображении говорящего. Иначе говоря, субъективное представление реального факта, заключенного в содержании придаточной части, обусловлено семантикой глагола-сказуемого главной части, в данном случае выражающего умственную деятельность. Различный характер репрезентации фактов действительности позволяет говорить о наличии в данном предложении двух планов отражения внеязыковой действительности: объективного (в простом компоненте и главной части сложного) и субъективного (в придаточном дополнительном).

Целью настоящей статьи и является рассмотрение специфических отношений частей сложного предложения с дополнительным придаточным с точки зрения характера отражения явлений объективной действительности в содержании предложения.

Трехчастные сложные сочиненно-подчиненные предложения с придаточным-дополнением, в зависимости от лексических значений глаголов-сказуемых, можно разделить на четыре структурно-семантические группы (ССГ), в каждой из которых, учитывая позиции сочиненных компонентов, выделяются два позиционных варианта[1].

Рассмотрим характер семантических отношений в предложениях разных структурно-семантических групп.

ССГ 1 — сложный компонент (глаголы мысли, речи, восприятия, чувства + их объект) — простой компонент (глаголы действия).

Предложения этой ССГ содержат оба плана отражения внеязыковой действительности. Дополнительное придаточное представляет сообщение о каком-то факте или явлении действительности, представленном, в зависимости от лексического значения вводящего придаточную часть глагола, как нечто мыслимое, воображаемое, представляемое, желаемое, воспринимаемое органами чувств и т. д. (план субъективный). В простом компоненте и

---

[1] См. О. Ф. Успенская. Структурно-семантические типы трехчастных сложных сочиненно-подчиненных предложений с дополнительной придаточной частью в современном английском языке. — Исследования по романо-германскому языкознанию, Волгоград, 1969. выпуск 1.

главной части сложного содержится констатация фактов действительности. Проанализируем следующие примеры:

1. I was not sure whether Clare had noticed them, and young Croom was clearly noticing nothing but Clare. (J. Galsworthy). «Она не была уверена, заметила ли их Клэр, но молодой Крум явно не замечал ничего, кроме Клэр».

Представлены три факта: один из них гипотетический, требующий подтверждения — в придаточной части, два других — реальные факты, констатируемые как таковые — в простом компоненте и в главной части сложного.

2. It's terribly hot here in town and I suppose it must be the same in your part of the world. (G. Gordon). «Здесь, в городе, ужасно жарко, и, я полагаю, у вас также».

Один и тот же факт — жаркая погода — представлен как реально существующий в простом компоненте и как предполагаемый — в дополнительном придаточном.

3. She's very hot, and she says her throat is sore. (D. Cusack). «У нее жар, и она говорит, что у нее болит горло».

Один факт — высокая температура у Анни — объективная реальность, а другой факт — больное горло — субъективно представлен в речи больной девочки. Этот субъективно поданный факт может соответствовать или не соответствовать действительности. В рамках предложений 1, 2, 3 вопрос о его соответствии или несоответствии действительности остается открытым. В следующих предложениях наблюдаются случаи: а) когда субъективное представление о факте не совпадает с действительным положением дел (предложение 4); б) когда наблюдается полное совпадение двух планов: реально представленного факта и субъективного представления о нем (предложение 5).

4. You thought **it (poverty) would be quite simple; it is extraordinary complicated** (G. Orwell). «Вы полагали, что быть бедняком будет очень просто; на самом деле это невероятно трудно».

5. **He was no speaker** and he knew **he was no speaker.** (A. Cronin). «Он не был оратором и знал, что он не был оратором».

Предложения ССГ 1 могут содержать субъективное представление и объективную регистрацию как разных

фактов (предложения 1, 3, 4), так и одного и того же факта действительности (предложения 2, 5). В последнем случае части предложения, в которых по-разному отражен один и тот же факт, обычно структурно идентичны, один из них может иметь неполный набор членов. Например:

6. Then you must think **I was a real chump,** and **I was** (O'H a r a). «Вы, должно быть, думаете, *что я был настоящим глупцом,* и я *действительно был им*». (См. также предложения 2, 5).

Наличие двух планов отражения действительности, соотношение констатируемого реального факта и субъективно представляемого, мыслимого, воображаемого, желаемого и т. д. факта составляют специфику предложений ССГ 1. В них факты действительности не только констатируются, регистрируются, но и пропускаются через призму субъективного восприятия, что и создает специфические смысловые отношения между частями сложного предложения. Правильность этого вывода можно легко проверить, произведя несложные преобразования, а именно, опустив главную часть в сложном компоненте предложения:

7. **She knew** he was looking at her, but she lay with her face turned away in a feigned sleep (D. C u s a c k). «*Она знала, что* он смотрит на нее, но она лежала отвернувшись, притворяясь спящей».

* (...)[2] he was looking at her, but she lay with her face turned away in a feigned sleep.

Трансформированное предложение представляет констатацию двух фактов: 1) он (Стивен) смотрит на нее (Джой), 2) она лежит, не поворачивая головы и притворяясь спящей. Однако в исходном предложении совсем иные смысловые связи — обиженная Джой не поворачивает головы, *хотя и знает,* что муж смотрит на нее.

Таким образом, при опущении главной части исчезает соотношение между объективным (констатирующим) отражением фактов действительности и субъективным представлением о них: все сообщения в предложении приобретают форму констатации фактов.

Так же как констатацию объективно существующих

---

[2] Скобки обозначают опущение выделенной части предложения, знак * вводит трансформу предложения.

фактов можно представить и такие предложения ССГ 1:

8. He sounded stern, but **Fenella, eagerly watching him, saw that** he looked tired and sad. (K. Mansfield). «Голос его звучал сурово, но *Фенелла, внимательно наблюдавшая за ним, заметила, что* выглядит он уставшим и грустным».

* He sounded stern, but (...) he looked tired and sad.

9. It surprised him, for **he had never thought that** she had a sense of humour. (S. Maugham). «Его это удивило, ибо *он никогда не думал, что* она обладает чувством юмора».

* It surprised him, for (...) she had a sense of humour.

10. The responsibility of the evening lay heavy enough upon his shoulders and **he wished that** his master would come. (D. du Maurier). «Ответственность за события вечера лежала весьма тяжелым бременем на его плечах, и *ему хотелось, чтобы* вернулся хозяин».

* The responsibility of the evening lay heavy enough upon his shoulders and (...) his master would come.

В трансформе 8 не нарушается отношение содержания предложения к фактам действительности, отраженным в исходном предложении, так как субъективный план предложения соответствует реальному положению дел. Однако трансформированное предложение лишено важных для коммуникации деталей: то, что суровость отца напускная и что за нею скрывается усталость и печаль, замечает только дочь, внимательно за ним наблюдавшая. В последних двух трансформах отсечение главной части приводит к искажению смысла, так как предполагаемый факт — отсутствие чувства юмора у миссис Кросби (предложение 9) и желаемый факт — возвращение хозяина (предложение 10) — не соответствуют действительности.

Таким образом, в сложных предложениях ССГ 1 обнаруживаются два плана отражения внеязыковой действительности: субъективное отражение какого-либо факта (план субъективный) и констатация факта (план объективный). Наличие субъективного плана, не увеличивая объем содержащейся в предложении фактической информации, позволяет представить ее не прямо, а опосредованно, через субъективное восприятие иного, чем автор, лица, вследствие чего предложение становится инструментом более дифференцированной, тонкой и эмоцио-

нальной репрезентации фактов объективной действительности. По-видимому, именно это обстоятельство обусловливает широкую употребительность предложений этого типа — 71% всех исследованных предложений.

ССГ 2 — сложный компонент (глаголы мысли, речи, восприятия, чувства + их объект) — простой компонент (глаголы мысли, речи, восприятия, чувства).

В обоих компонентах предложений ССГ 2 глаголы-сказуемые выражают различные аспекты умственной, речевой и психической деятельности и встречаются в различных комбинациях:

а) комбинируются любые глаголы умственной и речевой деятельности и т. д. и глаголы to think, to know;

б) в обоих компонентах предложения повторяется один и тот же глагол;

в) сочетаются только глаголы восприятия или только глаголы речи;

Примеры:

а) 11. I never **knew** whether you spotted that, but I rather **thought** so. (J. Galsworthy). «Я никогда не *знал*, знаете ли Вы об этом, но, пожалуй, *догадывался*, что да».

12. I **understand** it, but I don't **think** I should do it myself (A. Huxley). «Я *понимаю*, но *думаю*, что сам так бы не поступил».

б) 13. They **know** all about it but they don't **know** who did it. (J. Havoc). «Они все *знают* об этом, но они не *знают*, кто это сделал».

14. You'll **see** those damned monsters and you'll **see** that they work perfectly. (M. Wilson). «Вы *увидите* этих проклятых чудовищ и *увидите*, что они прекрасно работают».

с) 15. They **had noticed** on Hill 91 that a pretty heavy bombardment was proceeding from the German lines, and all the way down from M. --they **heard** the shells continuously shrilling overhead. (R. Aldington). «С высоты 91 они *заметили*, что немцы ведут довольно интенсивный артиллерийский обстрел, и всю дорогу обратно из М. они *слышали* над головой непрерывный вой снарядов».

16. He did not **answer** Patrick's question; instead he **asked** them what they were all going to have. (K. Amis).

«Он не *ответил* на вопрос Патрика; вместо этого он *спросил,* что они все намерены заказать».

Особенность таких предложений заключается в том, что в обоих компонентах глаголы-сказуемые имеют дополнения, выраженные словом или словосочетанием в простом компоненте и придаточной частью — в сложном. Обычно дополнения отражают одни и те же явления (см. предложения 11, 12, 14) или взаимосвязанные явления действительности (предложения 13, 15, 16), то есть субъективно представляемый факт, заключенный в придаточном дополнительном, соотносится с констатируемым фактом, отраженным в простом компоненте и составляющем лишь часть содержания последнего.

В отличие от предложений ССГ 1, в которых наблюдается сопоставление констатируемого реального факта, составляющего содержание простого компонента, и факта гипотетического, воображаемого и т. д., отраженного в содержании придаточной части, в предложениях ССГ 2, на наш взгляд, на первый план выступает сопоставление констатируемых фактов: (11. I never knew... but I rather thought so; 12. I understand it; but I don't think...; 15. They had noticed... and they heard...; 16. He did not answer Patrick's questions; instead he asked them...).

Таким образом, в предложениях ССГ 2 также наблюдаются оба плана отражения действительности, что и в предложениях ССГ 1, с тем различием, что в простом компоненте констатируются факты и явления действительности, представляющие мыслительные процессы, чувствования, речевые акты, а не физические действия и состояния. Помимо этого, своеобразие смысловой структуры предложений ССГ 2 и в том, что в них сопоставляются не столько констатируемый и субъективно представленный факты (ср. сопоставление объективного и субъективного планов в предложениях ССГ 1), сколько оба констатируемых факта (сопоставление объективных планов).

Предложения этого типа менее употребительны, чем предложения ССГ 1, — всего 18% из всех исследованных предложений.

ССГ 3 — сложный компонент (глаголы действия + их объект) — простой компонент (глаголы действия).

ССГ 4 — сложный компонент (глаголы дейст-

вия + их объект) — простой компонент (глаголы мысли, речи, восприятия, чувства).

Для предложений ССГ 3 и ССГ 4 характерно наличие только одного — объективного — плана во всех частях предложения. Отличие предложений ССГ 3 от предложений ССГ 4 заключается лишь в том, что в первом случае обычно во всех частях предложения констатируются факты объективной действительности, представляющие физические действия или состояния; во втором — содержание простого компонента (а также в отдельных случаях, и придаточной части) отражает мыслительные и речевые действия и психические, эмоциональные состояния.

ССГ 3.

17. His eyes **had** what **was** more than understanding in them, and the grip of his hand **had** a spasmodic strength. (J. Galsworthy). «Его глаза выражали то, что было больше, чем простое понимание, а рукопожатие было порывисто-крепким».

18. The stranger's face **was** peculiarly sensitive, not handsome, and the sallow complexion **betrayed** that he **was** not European. (R. Rive). «Лицо незнакомца не было красивым, но необычайно нежным, а его бледная смуглость выдавала, что он не был европейцем».

ССГ 4.

19. I **pointed out** that the birds **had** still **to be named**, but nobody could **think** of anything suitable. (G. Durrell). «Я заявил, что птиц еще надо назвать, но никто не мог придумать ничего подходящего».

20. I rather **like** the young man; and not even to you, Dinny, do I **repeat** what I really **know** nothing of. (J. Galsworthy). «Мне нравится этот молодой человек, но даже тебе, Динни, я не повторю того, о чем я сам ничего не знаю».

Возможно, предложения, в которых только один констатирующий (объективный) план отражения явлений действительности, представляются носителям языка менее точным и тонким инструментом для передачи оттенков содержания, так как предложения ССГ 3 и ССГ 4 еще менее употребительны, чем предложения ССГ 2 — соответственно, 9,5% и 1,5% от всего исследованного материала.

Итак, в трехчастных сложных сочиненно-подчиненных

предложениях с придаточным дополнительным наблюдаются особые смысловые отношения элементов предложения, обусловливаемые семантикой сказуемых-глаголов или глагольных словосочетаний. Предложения этого типа характеризуются наличием в их смысловой структуре либо двух планов отражения экстралингвистической действительности: объективного и субъективного, либо только одного объективного плана. Иными словами, в предложениях могут содержаться или субъективные представления фактов как чего-то мыслимого, воображаемого, желаемого и т. д., и констатация фактов, или только их констатация. Предложения ССГ 1 и 2 содержат оба указанных плана, предложения ССГ 3 и 4 — только один объективный план отражения действительности.

В. Н. ФИЛИППОВ

ГЛАГОЛЫ MUST, SHOULD, OUGHT, HAVE, BE КАК СИСТЕМА СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ ПОНЯТИЯ НЕОБХОДИМОСТИ

Выбор данных глаголов в качестве предмета исследования определяется их особым местом среди всех других языковых средств выражения необходимости. Эти глаголы более экономны по сравнению с их синонимичными заменами (be obliged, be predetermined, be under necessity и др.), они регулярно выражают понятие необходимости, их сочетаемость с глаголами различных семантических групп практически безгранична, они способны выражать в различных контекстах различную степень и разные оттенки необходимости.

В статье рассматривается способность данных глаголов взаимодополнять и взаимозаменять друг друга при выражении понятия необходимости. Первая трудность, с которой при этом сталкивается исследователь, заключается в том, что модальные глаголы must, should, ought могут выражать не только необходимость, долженствование, но и высокую степень вероятности действия, обозначаемого глаголами, следующими за ними. Возникает вопрос, следует ли говорить о различных значениях этих глаголов или же о различных глаголах: $must_1$, $should_1$, $ought_1$, выражающих различную степень необходимости, и $must_2$ $should_2$, $ought_2$, выражающих вероятность действия или состояния. Данный вопрос интересует нас лишь с одной стороны: возможно ли выделить в отдельную группу глаголы, выражающие необходимость-долженствование с целью дальнейшего рассмотрения их взаимной соотнесенности в парадигматике[1].

[1] Для данного исследования, однако, этот вопрос не имеет принципиальной важности, поскольку различные значения глаголов must, should, ought также можно было бы условно обозначить $must_1$, $should_1$, $ought_1$ и $must_2$, $should_2$, $ought_2$ и работать в дальнейшем только с первой группой.

Анализ понятийной ситуации[2] 'необходимость', основанный на анализе словарных дефиниций слов, употребляемых в языке для передачи этого понятия (в частности, глагола must, существительного necessity и др.)[3], дал возможность выявить следующие пять семантических компонентов (СК), или сем, этой понятийной ситуации, находящихся в определенной взаимосвязи[4]:

1) определяющий фактор — некая принудительная сила — «force that compels» — символ F;

2) принуждение — «compulsion — the act of compelling, the state of being compelled» — символ C;

3) агент действия, на которого распространяется принуждение, — «agent that is compelled» — символ Ag;

4) нефактическое действие, предназначаемое для выполнения агентом, — «non-factual action» — символ A:

5) отсутствие выбора — absence of choice /no choice — символ /Ch. Этими СК и определяется смысловой инвариант, присущий всем исследуемым единицам и наиболее полно передаваемый с помощью глагола $must_1$. Компоненты C и /Ch выделяются при этом в качестве доминирующих (основных).

Компонентный анализ понятийной ситуации 'вероятность' дает возможность говорить лишь об одной неосновой селе A, общей и для понятийной ситуации, и для понятийной ситуации 'необходимость', что не является, по нашему мнению, достаточным основанием для утверждения о совместимости этих двух понятий.

При определении значения $must_2$, связанного с передачей понятия 'вероятность', большинство словарей и многие авторы[5] сходятся на одном, правда, в различных

---

[2] Выражение «понятийная ситуация» употребляется здесь в том же смысле, что и выражение «типовая ситуация» в статьях сб. Машинный перевод и прикладная лингвистика, № 8, 1964, например, в статье А. К. Жолковского «Лексика целесообразной деятельности», стр. 67 и далее.

[3] Полностью анализ и определение употребляемых терминов см.: В. Н. Филиппов. Модальность необходимости и средства ее выражения в современном английском языке. — Ученые записки МОПИ, 1969 (в печати).

[4] Схематическое изображение этой взаимосвязи см.: В. Н. Филиппов, указ. соч.

[5] F. R. Palmer. A Linguistic Study of the English Verb. London, 1965. M. E. Ehrman. The Meaning of the Modals in Present-Day. American English. The Hague—Paris, 1966. Oxford English Dictionary (OED).

формулировках, а именно: near certainty (Palmer), high probability (Ehrman), presumed certainty (OED) — «вероятность, почти уверенность». П. М. Роже[6] помещает лексику, связанную с передачей понятия необходимости — долженствования и понятия вероятности, в различные разделы своего «Тезауруса», и это дает достаточное основание считать, что ни одна из синонимичных замен глаголов $must_1$ и $must_2$ не совпадут, а следовательно, вполне возможно говорить о $must_1$ и $must_2$ как о разных словах. На этом же основании будем говорить о $should_1$ и $should_2$, $ought_1$ и $ought_2$ и выделим глаголы $must_1$, $should_1$, $ought_1$ для специального исследования.

Проблема идентификации и различения $must_1$, $should_1$, $ought_1$ и $must_2$, $should_2$, $ought_2$ в тексте (что необходимо при отборе языкового материала для исследования) не может быть решена на уровне дистрибутивного анализа, поскольку встречаются такие случаи, когда глаголы must, should, ought можно, исходя из контекста, с равным основанием рассматривать и как $must_1$, $should_1$, $ought_1$ и как $must_2$, $should_2$, $ought_2$. Напр.: You must be quite aware that what von propose is out of the question[7] («Вы должны знать /Вы, должно быть, знаете/, что не может быть и речи о том, что вы предлагаете»). Пример из словаря А. С. Хорнби[8]: They should be there by now, I think, иллюстрирующий употребление глагола should в значении probability («Они, должно быть, там уже, я думаю»), может быть также интерпретирован и как «Они должны быть там...». Проблема различения этих двух групп глаголов может быть решена лишь на уровне трансформаций и синонимичных замен, подбираемых на основании более или менее широкого контекста. Что касается глагола must, то целесообразно воспользоваться для этой цели аппаратом, предлагаемым А. С. Пальмером[9]. В отношении же глаголов should и ought этот вопрос еще сложнее, он выходит за рамки данной статьи,

---

[6] P. M. Roget. Thesaurus of English Words and Phrases. Harmondsworth, England, 1964. Roget's International Thesaurus, London and Glasgow, 1963. Roget's Pocket Thesaurus, New York, 1949.

[7] Этот и другие примеры, приводимые в тексте статьи без ссылок на автора, взяты из книги: O. Wilde, Plays, Moscow, 1961.

[8] A. S. Hornby, E. V. Gatenby, H. Wakefield. The Advanced Learner's Dictionary of Current English, London, 1960.

[9] Указ. соч., гл. 6.

для его решения требуется специальное исследование.

В настоящей статье рассматриваются только глаголы $must_1$, $should_1$, $ought_1$, а также глаголы have, be, выражающие различную степень и различные оттенки необходимости — долженствования. Глагол $should_1$ необходимо отличать не только от $sould_2$, но и от случаев употребления глагола should 1) при согласовании времен для выражения так называемого будущего в прошедшем (на этот случай его употребления всегда точно указывает контекст), а также 2) для выражения нереального действия (только в определенного типа синтаксических конструкциях[10]). Последние два случая в данной статье также не рассматриваются.

Первая задача, стоящая перед нами, заключается в необходимости определить значение каждого из глаголов $must_1$, $should_1$, $ought_1$, have, be, с тем чтобы иметь возможность сравнить их затем между собой. Однако определить значение можно лишь словом, которое, в свою очередь, как правило, также имеет (если не считать терминов) несколько значений или оттенков значений. Этим объясняется тот факт, что разные авторы и разные словари определяют значение одного и того же слова с помощью разных слов. Например, словарь Хорнби определяет значение глагола ought ($ought_1$ — В. Ф.) как 1) duty or obligation «долг, обязанность» и 2) desirability — «желательность» и иллюстрирует последний случай следующим примером: The play was very amusing, you ought to have been there (=it's a pity you were not there; I wish you had been there). COD[11] же определяет ought ($ought_1$ — В. Ф.) как выражающее duty, rightness, shortcoming, advisability — «долг, правильность, недостаток, рекомендуемость». OED[12] определяет should ($should_1$ — В. Ф.) как употребляющееся для выражения duty, obligation или propriety и дает пример, иллюстрирующий скорее всего именно propriety «уместность, пристойность»: You should hear, see = I wish you could hear, if only you could hear, то есть то же, что Хорнби понимает

[10] См.: И. Б. Хлебникова. Соотношение модальных глаголов и наклонения (в английском языке) — Иностранные языки в школе, 1968, № 6.

[11] H. W. Fowler, F. G. Fowler. The Concise Oxford Dictionary of Current English (COD).

[12] См. сноску на стр. 178.

под desirability. Подобная путаница проистекает из попытки определить и перечислить различные контекстуально обусловленные значения слова. Рассмотрим, например, следующий контекст: Lady Windermere: Concole herself? — Lord Darlington: Yes, I think she should — I think she has the right.

Lady Windermere: Because the husband is vile — should the wife be vile also? Здесь should можно определить как выражающее moral obligation, propriety, rightness («со стороны жены морально (пристойно) правильно...»), но эти «значения» слова should подсказываются широким контекстом, то есть общим содержанием диалога, в котором идет речь о морали, о правах и долге жены и мужа. Высказывание You young scoundrel, Algy, you must get out of this place as soon as possible. I don't allow any Bunburying here звучит, как приказ («command») вовсе не потому, что таково «значение» слова must, а благодаря тому, что подлежащее первого предложения выражено личным местоимением третьего лица (приказ всегда имеет адресата), благодаря наличию обращения (имени этого адресата), лексике активного действия (get out of...) и последующему предложению, не оставляющему никаких сомнений относительно смысла первого.

Иногда в словарях при определении слова дается набор его синонимов и ряд примеров, не соотносимых конкретно с каким-либо из этих синонимов, или же просто одни примеры с возможными их синонимичными заменами. Примером может служить определение глагола ought (приведенное выше) и must в COD. Таким образом, читателю как бы предлагается на основании данного набора синонимов или синонимичных замен и собственной интуиции составить себе наиболее общее представление о значении данного слова на уровне языка.

В работах советских и зарубежных авторов предпринимались попытки определить значение модальных глаголов[13].

Отличие нашего подхода к этому вопросу заключается в том, что анализ типовой понятийной ситуации рассматривается как отправной момент для последующего

[13] З. К. Долгополова. Модальные глаголы в английском языке, М., 1961; M. Joos, The English Verb. Form and Meanings, Madison, 1964.

собственно лингвистического исследования[14], имеющего целью установление специфики в ее передаче на английский язык с помощью ряда глаголов. Понятийная ситуация 'необходимость', наиболее экономно передаваемая с помощью фраз, включающих глагол $must_1$, содержит в качестве основных компоненты /Ch и C. При передаче этой ситуации с помощью фраз, содержащих глагол $should_1$, набор ее СК и их взаимосвязь представляются нам в принципе аналогичными описанным выше с той лишь разницей, что вместо «absence of choice» этот набор включает в себя СК «lack of choice» (недостаток выбора, но бо́льшая, по сравнению с /Ch, степень его допустимости), а вместо C (compulsion) — Inducement. В качестве компонента F в данном случае, как правило, выступают этические законы, нормы морали. Об этом свидетельствуют (естественно, в иной терминологии) указанные выше авторы и словарные дефиниции (например, OED: should with modal function... in statements of duty, obligation, or propriety). Кроме того, во фразах с глаголом $should_1$ (то есть на уровне речи) более часто и более отчетливо, чем во фразах с $must_1$, проявляется субъективный элемент. Например, требование A wife should trust her husband! не только обусловлено моральными нормами общества, но и мнением говорящего, хотя обусловленности мнением говорящего может и не быть, как в следующем примере: My poor friend Bunbury is very ill again. They seem to think I should be with him. Если допустить, что сравниваемые наборы СК в принципе совпадают, то в аналогичных контекстах должны в основном совпадать и все «значения» этих глаголов, конечно, с учетом изменений в характере указанных выше СК.

Поскольку нас интересуют не только глаголы $must_1$ и $should_1$, но и вся система, включающая также и глаголы $ought_1$, have, be, выпишем сразу же из упомянутых выше работ английских и американских авторов и словарей (OED, COD, Hornby (H), Palmer (P), Ehrman (E), а также Jespersen (J)[15]) и представим в виде таблицы «значения» глаголов $should_1$, $ought_1$, have, be с тем, чтобы потом на конкретных примерах показать, что любое из этих «значений» может быть выражено в речи глаго-

[14] Ср. учение о двойной артикуляции в работе A. Martinet. A Functional View of Language, Oxford, 1962.

[15] O. Jespersen. A Modern English Grammar, part 5.

лом must$_1$, подтверждая тем самым, что он занимает центральное место в рассматриваемой системе. Однако нас интересуют не сами эти «значения», а стоящий за ними инвариант, то есть значение на уровне языка, определяемое понятийной ситуацией 'необходимость'. Таблица призвана также показать, что глаголы ought$_1$, have, be по набору их «значений» тоже принадлежат сфере этого понятия.

		should$_1$	ought$_1$	be	have
1	duty, obligation conditional duty	P, OED H	COD, H, J	H, P	COD, J, H, P
2	propriety rightness	OED	COD		
3	desirability advisability	OED	H COD		
4	duty, intention			COD	
5	need, necessity				H
6	predetermination			J	
7	arrangement, plan			J	
8	human will (You mant me to..., I want you to...)			J	

Следующие ниже примеры показывают, что вся сумма данных «значений» (кроме conditional duty глагола should$_1$) покрывается глаголом must$_1$.

1. You have got to get married, and at once. ...Damme, sir, it is your duty to get married. ...You must get a wife, sir.

2, 3. But, my dear Gerald, at your age you shouldn't have any views of life. They are quite out of place. You must be guided by others in this matter.

You must believe it! It is true.

One must have some occupation nowadays.

4. Mrs. Erlynne: ...She said she had a headache.

Lord Windermere: I must go to her.

5. How can I save her? ...Windermere must be got out of the house; that is absolutely necessary.

6. You wretched woman, must you always be thieving? Give me back that letter.

7. I. can't go to-day, Arthur. There is some one I must see before I leave town...

8. But my wrongs are my own, and I will bear them alone. I must bear them alone.

Must I write and tell her that?

Возвращаясь к высказанному выше предположению, и в подтверждение его покажем на следующих примерах, что любое из этих «значений» на уровне речи, в контексте может быть также передано глаголом should$_1$.

1. Men should be more careful; this very celibacy leads weaker vessels astray.

2, 3. См. примеры 2, 3 на must$_1$.

It isn't the sort of thing one should talk of in private.

4. Still, I should go to Homburg, dear, I really should.

5. And self-sacrifice is a thing that should be put down by law. It is so demoralising to the people for whom one sacrifices oneself.

6. Arthur, do you think that what I did nearly eighteen years ago should be brought up against me now?

7. Ten o'clock. She should be here soon.

Why doesn't he come? This waiting is horrible. He should be here.

8. G e r a l d: But what should I do?

H e s t e r: Ask your own heart, not mine.

Как подтверждают примеры, с помощью глагола should$_1$ можно передать все перечисленные выше «значения», которые в этом случае выражают лишь меньшую степень необходимости — долженствования по сравнению с примерами, содержащими глагол must$_1$. Однако глагол should$_1$ в отличие от must$_1$ имеет свою специфику: с помощью него можно выразить то, что Хорнби называет conditional duty, то есть показать нереальный характер необходимого действия, его неосуществленность, как, например, в предложении You should have been more careful (из словаря Хорнби), а также с помощью него можно передать значение необходимости или пожелание действия, относящегося к прошлому (иногда также с оттенком нереальности), как, например, в предложении о письме, которое б ы л о написано: It should never have been written. Речевой практикой также закреплено употребление глагола should$_1$ в ряде фраз определенной синтаксической структуры, где он не может быть заменен никаким другим глаголом рассматриваемой группы.

Рамки статьи не позволяют остановиться подробнее на особенностях глагола should$_1$, но сказанное уже дает возможность сделать вывод о том, что этот глагол занимает вполне самостоятельное место в системе средств выражения необходимости в английском языке, то есть что никакие другие глаголы не могут полностью принять на себя его функции в этой системе.

Глагол have (+to+inf.) называют иногда эквивалентом глагола must. А. С. Пальмер, например, пишет: «В этом употреблении have выражает обязательность или необходимость (obligation or necessity) и является фактически аналогом прошедшего времени must»[16]. Хорнби в качестве синонимичной замены глагола have (+to+inf.) приводит выражение be obliged, то есть то же, что и для must. Есперсен отмечает: «Значение have+to+инфинитив — обычно «обязательность, необходимость, долг» (obligation, necessity, duty), т. е. то же самое, что и настоящее время must». В отличие от глагола should$_1$, с помощью которого, как показывают наблюдения, можно выразить все перечисленные «значения» всех рассматриваемых глаголов, глагол have (+to+inf.) в исследованных текстах встречается только для передачи «значений» duty, obligation (COD, J, H, P) и need, necessity (H). У М. Джуза в качестве наиболее общего значения глагола have (+to+inf.) принимается (и убедительно подтверждается примерами) значение «вынужденность в силу обстоятельств» (compulsion from force of circumstances). Таким образом, при передаче с помощью глагола have (+to+inf.) типовой понятийной ситуации 'необходимость' сужается — при неизменности общего набора СК — лишь толкование семы F в соответствии с формулировкой значения этого глагола, предлагаемой М. Джузом и принимаемой нами. Определенность и устойчивость этого значения можно подтвердить, пользуясь приемом противопоставлений, весьма эффективно применяемым Е. Г. Бендиксом[17]. Так, фраза He is not obliged to come, but he will have to вполне однозначно понимается так «Он не обязан приходить, но ему придется прийти (при сложившихся обстоятель-

[16] Здесь и далее цитируются указанные выше работы. Перевод с английского наш.

[17] E. H. Bendix. Componential Analysis of General Vocabulary, IJAL, Vol. 32, No. 2 (part II), April, 1966.

ствах)». И хотя глагол have может иметь значение be obliged, сама возможность такого противопоставления говорит о том, что этот глагол занимает вполне самостоятельное место в системе средств выражения необходимости в английском языке. Более того, глагол have (+to+inf.) является необходимым звеном в этой системе, поскольку только с его помощью можно выразить необходимость — долженствование в полном объеме инварианта в плане прошедшего и будущего времени. Широкое употребление глагола have (+to+inf.) в разговорной речи и в литературе объясняется его способностью образовывать все неличные формы, употребляться после модальных и вспомогательных глаголов.

При определении места, занимаемого глаголом ought$_1$ в системе исследуемых глаголов, также сошлемся вначале на авторитетных авторов — информантов. Есперсен: «he ought to be punished... представляется совершенно так же правильным, как и must или should be punished». Пальмер: «...should одинаково употребляется в плане настоящего времени в почти совершенно таком же смысле, что и ought to». Эрман: «Нет оснований считать, что существует стилистический или какой-либо другой фактор, определяющий выбор should или ought... Таким образом, нормативное should (should$_1$ — В. Ф.) и ought to находятся в отношении свободного варьирования».

«Значения» глагола ought$_1$, отмечаемые в словаре Хорнби, полностью покрываются выделяемыми в нем «значениями» should$_1$ (но не наоборот). Вывод, к которому приходят данные авторы, подтверждается и нашими наблюдениями: на 350 страницах сплошного текста сборника пьес О. Уайльда не встречается ни одного случая употребления глагола ought. Все сказанное дает основание считать глагол ought$_1$ проявлением избыточности как всеобщей языковой закономерности[18].

Глагол be (+to+inf.) также следует отнести к избыточности в системе исследуемых средств. Фактически это признается всеми упомянутыми авторами. Особенно четко это выражено в словарных дефинициях. Пример из словаря Хорнби, где be (+to+inf.) определяется как

[18] Об избыточности и о принципе наименьшего усилия см.: A. Martinet. Указ. соч., гл. V.

выражающий обязанность (obligation): You **are not** to (=must not) do that. At what time am I (=ought I; do you want me) to come. I am to (=it has been arranged that I shall) see you tomorrow. Выше (стр. 183—184) в наборах примеров, иллюстрирующих различные «значения» глаголов $should_1$ и $must_1$, мы имеем случаи, аналогичные последнему (arrangement — по Есперсену). На 688 страницах проанализированной нами сплошной выборки встретилось лишь 67 случаев употребления глагола be (+to+inf.), что составляет немногим больше 8% от общего количества случаев употребления глаголов $must_1$ $should_1$, $ought_1$, have (+to+inf.), be (+to+inf.). (Ср.: have (+to+inf.) — 193 случая, $should_1$ — 283). При этом в любом из этих 67 примеров вместо be (+to+inf.) можно было бы без изменения общего смысла употребить один из глаголов: $must_1$, $should_1$ или have (+to+ +inf.) — в зависимости от широкого контекста.

Для говорящего, желающего выразить мысль о необходимости того или иного действия, выбор между $must_1$, $should_1$ и have (+to+inf.) не может зависеть только от семантики соответствующих глаголов, следующих за ними. Такой выбор определяется содержанием всей мысли, намерением автора подчеркнуть характер выражаемой необходимости, то есть специфику СК передаваемой понятийной ситуации, а также, довольно часто, речевой привычкой говорящего. Об этом с очевидностью свидетельствует употребление в речи таких аналогичных фраз, как, например: I'm afraid I have to go; I'm afraid I must go now; Still, I should go to Homburg, dear, I really should.

Итак, глаголы $must_1$, $should_1$, $ought_1$, have (+to+inf.) и be (+to+inf.) представляют собой систему средств выражения модальности необходимости в английском языке. Все они объединяются общим для всех них смысловым инвариантом, определяемым типовой понятийной ситуацией, которая включает в себя пять семантических компонентов. Между отдельными СК и глаголами, с помощью которых передается в языке данный смысловой инвариант, существует определенное соответствие. Глаголы $must_1$, $should_1$, have (+to+inf.) составляют ядро данной системы, глаголы $ought_1$, be (+to+inf.) располагаются на ее периферии и представляют собой явление языковой избыточности.

Л. М. ФУРАЕВА

ПРИДАТОЧНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ ЦЕЛИ И ИНФИНИТИВ ЦЕЛИ КАК СИНТАКСИЧЕСКИЕ СИНОНИМЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Языковые факты можно рассматривать в разной последовательности.

а) от некоторой формы через ее функцию к выражаемому ею значению (так называемый аналитический способ описания языковых фактов);

б) и, наоборот, от некоторого заданного значения через функцию к выражающей его форме.

Во втором случае в одном разделе грамматики группируются синонимы. В настоящей работе таковыми будут два способа выражения целенаправленности действия.

Цель действия может выражаться: 1) словом: инфинитивом одиночным (редко); 2) словосочетаниями: а) инфинитивной группой (часто с союзом in order), б) предикативной инфинитивной группой с предлогом for, в) предложно-именным сочетанием с предлогом for, г) герундиальной группой с предлогом for; 3) придаточным предложением цели. Примеры:

1. Permit me to give you my hand **to rise.** (Thackeray). «Позвольте предложить вам мою руку, *чтобы помочь вам встать*» [1].

2. ...which games the boy learned **to pleasure his lord.** (Thackeray). «...игры, которым юноша выучился, *чтобы доставить удовольствие своему хозяину*».

3. ...she purchased a book about that country **in order to inform herself in detail as to its novelty and beauty.** (Dreiser). «...она купила книгу об этой стране, *чтобы подробнее узнать, что в ней есть неизведанного и прекрасного*».

[1] Здесь и ниже перевод автора.

4. The boy stood aside **for me to go by** (Galsworthy). «Мальчик посторонился, *чтобы мне пройти*».

5. ...and little Harry longed to have been a few inches taller **that he might draw a sword in this good cause.** (Thackeray). «...а маленький Гарри очень хотел быть немного выше, *чтобы он мог обнажить шпагу за это доброе дело*».

6. We would nevertheless like to give this result **for the sake of completeness.** (Physical Review). «Мы хотели бы, однако, назвать этот результат *ради полноты информации*».

7. She used it **for keeping small bits and odds.** Она пользовалась им *для хранения всякой мелочи (всякого хлама)*»[2].

Наиболее обычными средствами выражения целевых отношений являются сочетание глагола с инфинитивной группой и сочетание глагола с придаточным предложением. Соответственно инфинитив в подобного рода сочетаниях при анализе по членам предложения называют обстоятельством цели, а придаточное предложение — придаточным обстоятельственным цели. Рассмотрим характеристики инфинитива цели и придаточного предложения цели[3].

Известно, что обстоятельство служит для пояснения сказуемого предложения. Точнее, обстоятельство — это член предложения, относящийся к сказуемому и выражающий признак действия. Второстепенный член предложения, служащий для указания цели, с которой связано действие, называется обстоятельством цели. Как правило, действие основного глагола и действие, выраженное инфинитивом, имеют один и тот же носитель действия, например,

8. We always have to expend energy **in order to create a domain boundary.** (Physical Review), «...нам всегда приходится затрачивать энергию, *чтобы создать границу сферы*».

---

[2] См. В. Н. Жигадло, И. П. Иванова, Л. Л. Иофик. Современный английский язык, М., 1956, стр. 295.

[3] Используется Грамматика русского языка, под редакцией В. В. Виноградова, С. Г. Бархударова, Е. С. Истриной, АН СССР, М., 1960, где дана наиболее исчерпывающая характеристика инфинитива цели и придаточного предложения цели.

Когда действие грагола-сказуемого и действие, являющееся целью, относятся к разным субъектам, цель в английском языке выражается при помощи предикативного инфинитивного оборота с предлогом for.

9. **He** cordially extended one forefinger **for Erik to shake.** (Wilson). «Он приветливо протянул указательный палец, *чтобы Эрик мог пожать его*».

Инфинитивный оборот может выступать в различной позиции относительно глагола-сказуемого. Если нет необходимости в выделении и привлечении особого внимания к содержанию инфинитивного оборота, то он обычно помещается в конце предложения:

10. And the other was for leaving the room that instant **to arrange about his journey.** (Thackeray). «А другой предлагал немедленно пойти, *чтобы приготовиться к путешествию*».

Если же цель характеризуемого действия требуется подчеркнуть, то инфинитив выносится в начало предложения:

11. ...and **in order to make it easier for her in his absence** (he) had appointed Mr. Cuthbert to take charge of his entire art collection. (Dreiser). «...и, чтобы ей *было легче во время его отсутствия,* он назначил мистера Кузберта ответственным за всю коллекцию картин».

Итак, в функции обстоятельства цели инфинитивный оборот зависит от глагола-сказуемого, и между ними существуют целевые отношения. Но часто в подобных словосочетаниях совмещаются значения разных отношений. Для примера рассмотрим предложение:

12. This study will also serve **to highlight** the necessity for taking into account... (Physical Review). «Это изучение послужит также тому, *чтобы подчеркнуть необходимость учитывать*» ...словосочетание serve to highlight может быть понято как «служить подчеркиванию» — объективные отношения и как «служить, чтобы подчеркнуть» — целевые отношения.

В данном случае подход к языковому явлению оказывается довольно субъективным и свидетельствует о том, что существующая классификация второстепенных членов предложения имеет в известной степени условный характер. Она основана в значительной мере на семантическом принципе, который нередко допускает двоякое толкование, приводит к неточности в определении язы-

кового явления. Уточнить это помогает трансформационный метод анализа предложения.

Другой языковой формой, выражающей цель действия, является придаточное предложение цели. В этом случае может указываться цель или назначение действия, обозначенного глаголом главного предложения. Обычно это — действие, сознательно, активно кем-либо совершаемое. Реже в главном предложении говорится о существовании, появлении, изменении чего-либо. В примере:

13. The elements of the thermodynamic system must be in thermodynamic equilibrium among themselves **in order that the system can be desribed by a temperature at all.** (Physical Review). «Элементы термодинамической системы должны находиться между собой в термодинамическом равновесии, *чтобы получить возможность описать эту систему через температуру»,* говорится о существовании термодинамического равновесия.

14. ...in any experiment one must insure that all macroscopingly separate parts of the sample are subjected to similar treatments **so that they will be at the same temperature.** (Physical Review). «В любом опыте необходимо гарантировать, что все макроскопически разрозненные части модели подвержены сходному воздействию с тем, *чтобы они находились при одинаковой температуре».* Здесь в главном предложении говорится о создании определенных условий, гарантий.

Придаточные предложения цели соединяются с главным предложением при помощи союзов in order that, so that, that, for fear that, lest. Последние два имеют отрицательное значение. Придаточные предложения цели относятся к сказуемому главного предложения. Они могут относиться также к неличным формам глагола — инфинитиву, причастию I и причастию II, герундию.

15. I shall take leave **to place** a sentinel in the chamber, **so that your Ladyship may have an arm to lean on...** (Thackeray).— «Я пойду и поставлю в комнате часового, *чтобы Вашему величеству было на кого опереться».*

В придаточном предложении цели употребляется сослагательное наклонение, модальные глаголы may (might), can (could), реже — изъявительное наклонение.

Ср. примеры 13 — 15, а также пример, приводимый ниже:

16. Andrews turned up the collar of his coat lest he **should** be recognized. (Green). — «Эндрус поднял воротник пальто, чтобы его не узнали»[4].

Как и инфинитивный оборот, придаточное предложение цели может занимать различное положение относительно главного в зависимости от психологически-коммуникативной (познавательной) установки говорящего: придаточное предложение, входящее в тему высказывания, ставится после главного, придаточное как рема — перед главным:

17. **In order that the nuclear spin system can adequately be considered as a thermodynamic system describable by a temperature,** it must satisfy the first condition of sec III... (Physical Review). *«Чтобы систему ядерных спинов можно было адекватно представить как термодинамическую систему, выражаемую через температуру,* она должна отвечать первому условию третьего параграфа».

Таким образом, если сопоставить факты, доступные непосредственному наблюдению, можно сделать вывод о том, что инфинитив и придаточное предложение цели имеют функциональное и позиционное сходство. Субъект действия, выраженного инфинитивом, и действия придаточного предложения цели может совпадать с субъектом основного глагола, но может и разниться от него. Формальным показателем рассматриваемых структур может служить союз in order, который вводит (нерегулярно) как инфинитив цели, так и придаточное предложение цели. Как придаточное предложение цели, так и инфинитив цели могут поясняться различными дополнениями, обстоятельствами, в их состав могут входить придаточные предложения. Однако одного этого недостаточно, чтобы считать сравниваемые структуры синтаксическими синонимами. Так, в предложении (6) предложное сочетание for the sake of completeness является обстоятельством цели, однако оно не синонимично (в узком смысле) придаточному предложению цели (хотя в широком смы-

---

[4] В. Л. Каушанская и др. Сборник упражнений по грамматике английского языка, Л., 1968, стр. 95.

сле они синонимичны»[5]. Помимо функционального сходства, синонимичные синтаксические единицы должны отвечать некоторым другим требованиям.

При выяснении возможной синонимичности языковых структур речь может идти только о структурах, наполненных одинаковым лексическим значением. Другими словами, когда мы говорим о синтаксических синонимах, мы всегда имеем в виду сохранение основ слов (тождество морфем) сравниваемых структур. «Нет никакой синонимики между любым обстоятельством цели, выраженным инфинитивной группой, и любым придаточным предложением цели, вещественные значения которых различны: между ними есть только сходство синтаксических отношений»[6]. Таким образом, пару предложений (18 и 19) можно рассматривать как синонимическую.

18. I shall write down your name not to forget it. «Я напишу вашу фамилию, чтобы не забыть ее».

19. I shall write down your name lest I should forget it.

Между тем пару предложений (18 и 20) синонимической считать нельзя:

20. For fear she should tell you, I do it myself. (Benson). «*Чтобы она вдруг не рассказала вам,* я делаю это сама». Их лексическое наполнение (морфемный состав) совершенно различно.

В простом предложении инфинитив цели зависит от сказуемого, которое является опорной точкой простого предложения. В сложном предложении придаточное цели подчинено главному предложению, являющемуся опорной точкой всего сложноподчиненного предложения. Но, поскольку в главном предложении опорная точка — тоже сказуемое, можно утверждать, что придаточное цели связано со сказуемым главного предложения. Таким образом, налицо подобие, например, таких структур, как (1) $N+V+Inf_{(p)}$, (2) $N+V+S_{(p)}$[7]. Как инфинитив цели, так и придаточное цели синтаксически (и семанти-

[5] В. Г. Адмони. Основы теории грамматики, М.—Л., 1964, стр. 13: «там» — «в саду» — обе эти формы обладают сходным обобщенным грамматическим значением и способны к взаимозамене в одном и том же синтаксическом построении, то есть синонимичны в широком смысле этого слова».

[6] И. К. Фигуровский. К вопросу о классификации сложноподчиненных предложений. РЯШ, 1961, № 6.

[7] N — значит подлежащее, V — сказуемое, $Inf_{(p)}$ — инфинитив цели, $S_{(p)}$ — придаточное предложение цели.

чески) связаны с глаголом-сказуемым. Это подобие структур не случайно. Дело в том, что простое предложение с инфинитивом цели может быть развернуто в сложноподчиненное с придаточным цели, а сложноподчиненное предложение с придаточным цели можно свернуть в простое. Пользуясь терминологией Ю. Д. Апресяна, назовем структуру (1) неочевидно сложным предложением, а структуру (2) — сложным предложением[8]. Возможность обращения одной синтаксической конструкции в другую основана на близости их грамматического значения, что подтверждается трансформационным методом, с помощью которого обе конструкции сводятся к одним и тем же ядерным предложениям. Для иллюстрации рассмотрим заданное предложение (21) и трансформированное, со звездочкой (22):

21. This resolute old loyalist escaped abroad with his only son **to return and take a part in Worcester fight** — «Этот твердый сторонник короля бежал за границу с единственным сыном, *чтобы вернуться и принять участие в битве при Уостере*».

22*. This resolute old loyalist escaped abroad with his only son that he might return and take a part in Worcester fight.

Их можно свести к двум первоначальным структурам: 1) This resolute old loyalist escaped abroad; 2)* This resolute old loyalist returned and took a part... — «Этот твердый сторонник короля вернулся и принял участие»...

Для инфинитивного комплекса (23):

23. He opened the door of his room **for her to go out** (Thackeray). — «Он открыл дверь, *чтобы она вышла*» и его трансформа (24):

24*. He opened the door of his room **that she might go out** исходными предложениями являются 1) He opened the door of his room «Он открыл дверь комнаты» и 2) She went out «Она вышла».

Таким образом, сравниваемые синтаксические конструкции при сохранении лексических основ подобны в функциональном отношении и близки по грамматическому значению. Современная лингвистика, стремясь формализовать характеристики языковых структур, излага-

---

[8] Ю. Д. Апресян. Идеи и методы современной структурной лингвистики, М., 1966, стр. 190.

ет это положение в виде условий трансформаций[9]. Их можно сформулировать сжато: «...две правильные фразы находятся в отношении трансформируемости, если они имеют 1) одни и те же лексические морфемы и 2) одно и то же дерево непосредственных синтаксических связей»[10]. Но возможно и более детальное изложение условий трансформации. «При трансформации одной структуры в другую необходимо соблюдение следующих основных условий: 1) тождества морфем, 2) сходства грамматических отношений между ними, 3) наличия хотя бы одного неслужебного слова, 4) возможности использования данной трансформации применительно к другим конструкциям, обладающим одинаковой грамматической структурой»[11]. Так как рассматриваемые синтаксические структуры отвечают всем условиям трансформации, они находятся в состоянии взаимотрансформируемости.

В самом общем виде трансформация сложного предложения с придаточным цели может быть представлена несколькими случаями.

1. *Трансформация от придаточного предложения цели к инфинитивному обороту.*

а) Придаточное в постпозиции. Субъект главного и придаточного представлен одной и той же морфемой:

24. I sit alone that I may eat more. (Mansfield). Придаточное цели представляем в виде цепочки con+ $+N_1+V+F$[12]. В результате трансформационных преобразований (введение оператора стирания, оператора замены и нулевой морфемы) получаем деривационную цепочку $N+Inf_{(p)}$: 25*. I sit alone **to eat** more. — «Я сажусь один, чтобы поесть больше».

---

[9] Правила трансформаций сформулировал основоположник трансформационной порождающей грамматики Н. Хомский. Синтаксические структуры. — Новое в лингвистике, т. 2., М., 1962.

[10] Ю. Д. Апресян. Указ. соч., стр. 155.

[11] Л. М. Байкеева. Соотношение трансформационных преобразований в сфере сложноподчиненного предложения с обстоятельственным придаточным предложением причины и предложением, осложненным причастным оборотом в функции обстоятельства причины. — Вопросы английской филологии, Ростов, 1966, стр. 6.

[12] con — значит союз, N_1 — субъект придаточного цели, совпадающий с субъектом главного предложения, N_2 — субъект придаточного предложения цели, не совпадающий с субъектом главного, prep — предлог, N_2 — преобразованная форма субъекта придаточного, для местоимения — объектный падеж, Inf_p — инфинитив цели, F — остальные слова.

Имеем формулу трансформации придаточного предложения $con + N_1 + V + F \longrightarrow Inf_{(p)} + F$.

б) Придаточное в постпозиции. Субъект основного глагола и придаточного цели представлен разными морфемами:

26. But **he** must know the exact details of Cowperwood's program, in order that **they** might see how far they could go together (D r e i s e r). «Но ему необходимо знать мельчайшие подробности плана Каупервуда, чтобы они могли продумать, как далеко они пойдут вместе». Цепочка придаточного предложения $con + N_2 + V + F$ (с помощью оператора введения и операции сокращения) предстает в виде цепочки: $prep. + N_2' + Inf_{(p)} + F$: *for them to see how far they could go together «— чтобы им продумать, как далеко им идти вместе».

Имеем формулу трансформации придаточного предложения: $Con + N_2 + V + F \longrightarrow for + N_2' + Inf_{(p)} + F$

в) Придаточное в препозиции. Союз имеет отрицательное значение. Субъект представлен разными морфемами: (пример 20) 28*. for her not to tell you — «чтобы она не рассказала вам».

Имеем формулу трансформации придаточного предложения: $Con + N_2 + V + F \longrightarrow for + N_2' + not + Inf_{(p)} + F$.

2. *Трансформация от инфинитивного оборота цели к придаточному предложению цели.*

а) 29. **To spare her a grief,** he would have given his life daily. (T h a c k e r a y) — «Чтобы избавить ее от горя, он отдавал бы жизнь каждодневно». С помощью операции расширения получаем придаточное цели:

30*. that he might spare her a grief.

Имеем формулу преобразования инфинитивного оборота: $Inf_p + F, + N_1 ... \longrightarrow con + N_1 + V + F, + N_1 ...$

б) В результате трансформации обстоятельства цели в примере (9) можно получить:

32*. that Eric might shake it. — «Чтобы Эрик мог пожать его».

Имеем формулу трансформации инфинитивного оборота: $for + N_2 + Inf_p \longrightarrow con + N_2 + V + F$.

Итак, проверка трансформационным методом[13] под-

[13] Мы согласны с оценкой, которую дает трансформационному методу Арн. Чикобава: «Трансформационный анализ в применении к языковому материалу, несмотря на выявление интересных моментов в результате экспериментирования, как метод описательного ана-

утверждает подобие сравниваемых структур как в функциональном плане, так и в плане выражаемых ими грамматических отношений (при условии сохранения лексических основ). Кратко, но по существу верно о них можно сказать, что «они имеют одно и то же значение, форма же у них разная»[14]. Следовательно, придаточное предложение цели и соответствующий инфинитивный оборот, будучи наполненными одинаковым вещественным значением, являются синтаксическими синонимами.

Сравнивать обстоятельство цели и придаточное предложение цели позволяет то, что синтаксические отношения между главным и придаточным предложением подобны отношениям членов предложения. Существует мнение, что «совершенно четкого разграничения между обстоятельственным придаточным предложением цели и инфинитивом цели мы в языке не находим»[15]. Но было бы ошибочным полностью отождествлять член предложения и придаточное предложение. Возможно, что «некоторые придаточные предложения сближаются с членами предложения»[16], и все-таки отношения между главным и придаточным предложением гораздо более отвлеченные, они очень богаты содержанием. В нашем случае грамматическое значение придаточного предложения цели гораздо богаче, чем грамматическое значение обстоятельства цели, выраженного инфинитивным оборотом. Кроме того, что придаточное цели находится в синтаксических отношениях с главным предложением, оно и в себе заключает комплекс значений (четко выраженная модальность и предикативность).

Наличие в языке единиц разных синтаксических уровней, таких, как придаточное предложение цели и инфинитивный оборот в функции обстоятельства цели, в чем-то сходных, но в чем-то и отличающихся, позволяет передавать тончайшие оттенки мысли и является основанием для существования синтаксических синонимов.

лиза языковых фактов, может рассматриваться лишь как вспомогательный», ВЯ, 1966, № 4.

[14] В. А. Федосов. О взаимосвязи между синтаксической синонимией и синтаксической полисемией. Вопросы словосочетания и предложения в русском языке. Волгоград, 1968, стр. 67.

[15] М. С. Едвабная. Придаточное предложение цели и сопоставление его с обстоятельством цели. — Ученые записки I МГПИИЯ, т. 19, 1959, стр. 199.

[16] Там же, стр. 206.

А. А. АРЯСОВА, И. В. СЕНТЕНБЕРГ

АНГЛО-РУССКИЙ И РУССКО-АНГЛИЙСКИЙ СЛОВАРЬ «ЛОЖНЫХ ДРУЗЕЙ ПЕРЕВОДЧИКА»

Авторы В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова, В. Л. Юхт. М., 1969

Все русские, изучающие английский язык, и многие владеющие языком постоянно испытывают трудности в употреблении русско-английских пар слов, которые внешне выглядят как структурно-семантические эквиваленты, но по значению и употреблению таковыми не являются, например: actual — актуальный; general — генеральный, genial — гениальный и т. п.

Обычные русско-английские и англо-русские словари, даже те, в которых дается довольно подробное толкование значений слов и приводятся примеры сочетаемости, не оказывают должной помощи в выборе правильного слова. В некоторых учебниках можно найти комментарии к словам такого рода, направленные на предупреждение ошибок при пользовании иностранным словом. Однако как в теоретическом, так и в практическом отношении до сих пор испытывалась необходимость в системном описании этих пар слов. Только сведенные в словарную статью, такие описания могут показать значения, свойственные каждому слову, сходство и различие в смысловой структуре сопоставляемых слов и в их сочетаемости. Только словарь может быть удобен для быстрого отыскания необходимого слова. Такой необычный и очень интересный словарь составили В. В. Акуленко, С. Ю. Комиссарчик, Р. В. Погорелова и В. Л. Юхт.

Словарь ставит и в значительной мере решает две очень важные проблемы — филологическую (синхронное сопоставление смыслового объема слов двух языков) и методическую, помогая преподавателю, студенту, переводчику рационально использовать имеющуюся смысловую связь между словами в двух языках, а с другой стороны, предостерегая от возможных ошибок.

Практика преподавания иностранного языка показывает, что работа подобного рода очень важна и нужна, поскольку самое большое количество лексических ошибок учащихся вызвано как раз несовпадением смыслового объема и сочетательных возможностей сопоставляемых слов в двух языках, стремлением перенести смысловую структуру слова родного языка на его эквивалент в иностранном языке. Применительно к словам, сходным по форме, переносы подобного рода — типичное явление.

Особенность и ценность рассматриваемого словаря заключается в том, что англо-русские и русско-английские словарные статьи, расположенные последовательно, позволяют не только сделать правильный перевод, но и дают возможность проводить углубленное детальное изучение слов общего корня, по-разному употребляющихся в современных английском и русском языках. Последовательное расположение словарных статей английского и русского слов позволяет легко ориентироваться в объяснениях и примерах, делать сопоставления и контролировать правильность перевода. В словарь отобраны широко употребительные слова. Каждый случай употребления слова иллюстрируется примерами, взятыми из оригинальных английских источников, а предложения с русского языка на английский переведены магистром гуманитарных наук Кембриджского университета Р. С. Даглишем. Сами примеры, словосочетания и их перевод могут быть использованы как переводчиками, так и преподавателями в их практической деятельности.

В каждой словарной статье при толковании значения подчеркиваются моменты сходства и различия в сопоставляемых словах. В примерах показаны дистрибутивные особенности слов. В ряде случаев даны дополнительные пояснения значений и толкование реалий.

Данный словарь сам по себе является вполне надежным пособием при сопоставлении смыслового объема слов, поскольку слова получают в нем довольно полную семантическую, стилистическую и грамматическую характеристику, что снимает необходимость параллельного использования обычных англо-русских и русско-английских словарей.

В каждом случае сопоставления английских и русских слов указывается неполное совпадение слов (ср.), приблизительное равенство слов (≅), полное равенство

(=) и полное несовпадение данного значения со значением слова русского языка. В словарных статьях соблюдена четкая последовательность в подаче материала, а ясная система знаков-обозначений помогает уяснить значение слова, особенности его дистрибуции, грамматическую характеристику, стилистическую окраску. Все это обеспечивает читателю правильное употребление слова.

Словарь состоит из предисловия, списка лексикографических источников, инструкции о пользовании словарем, списка сокращений, словарных статей, указателя русских слов и статьи В. В. Акуленко «О ложных друзьях переводчика». Все части книги выполнены тщательно и квалифицированно. В заключительной статье В. В. Акуленко изложены научно-теоретические положения в разработке вопроса и четко сформулированы принципы, согласно которым был составлен настоящий словарь.

Термин «ложные друзья переводчика», заимствованный авторами из французского описательного названия соответствующих слов, кажется нам несколько громоздким и эмоциональным. Кроме того, он не отражает полностью характер взаимоотношений (как правило, это и сходство и различие) русско-английских пар слов, имеющих общий корень, но получивших разное развитие и в значительной мере по-разному употребляющихся в сравниваемых языках.

Думается, что словарь можно было бы несколько сократить за счет изъятия слов, совпадающих по форме, но не имеющих ни одного сходного значения, например, appellation — апелляция, accuracy — аккуратность, adjutant — адъютант и др. Список подобных слов можно было бы дать в конце книги, оговорив это в предисловии.

Далее представляется не совсем верным ставить знак равенства (=) между значениями, если частично не совпадает их лексическая дистрибуция. Разница в лексической дистрибуции, как правило, свидетельствует о разнице в смысловом содержании сопоставляемых значений. В таких случаях, на наш взгляд, больше подходил бы знак (≅). Так, например, едва ли есть достаточные основания для того, чтобы ставить знак равенства между первым значением слова academic «имеющий отношение к (высшим) учебным заведениям; академический; университетский; ученый; учебный» и вторым значением слова *академический,* поскольку наличие от-

тенка (компонента) «университетский; ученый» у английского значения и отсутствие такового у соответствующего русского дает существенную разницу в лексической дистрибуции слова в данном значении, ср., например, **academic** secretary — *ученый* секретарь, **academic** degree — *ученая* степень.

Материал словаря свидетельствует о том, что знак (=) полностью оправдывает себя лишь при сопоставлении узкоспециальных, терминологических значений или значений, близких по своему характеру к терминологическим, например arch — арка, absorption — абсорбция *физ. хим.*, arrange — аранжировать *муз.*

При трактовке сходных значений (≅) имело бы смысл более четко выделить общность, а затем после соответствующего знака показать дистрибутивные различия, представляющие наибольшую трудность как для русского, так и для английского читателя.

В отдельных случаях (статьи activity — активность, actual — актуальный, administer — администрировать и др.) авторы непоследовательны в трактовке значений сопоставляемых слов. Так, в английской статье показывается полное несовпадение смысловой структуры слова с его русским звуковым и графическим эквивалентом, а в русской статье указывается на наличие смысловой связи с соответствующим английским словом.

Несмотря на некоторые недостатки, «Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика», безусловно, является ценным вкладом в теоретическое и практическое изучение проблемы создания национально-иностранных и иностранно-национальных словарей. Он помогает решать задачи выбора правильных средств выражения мысли на иностранном языке. Словарь нужен всем изучающим английский язык, занимающимся переводами, он полезен профессионалам-филологам и преподавателям английского языка.

Работа, представленная в данном словаре, может быть продолжена дальше и перенесена на другие пласты лексики, поскольку совпадают в большей или меньшей мере по своей смысловой структуре не только слова, сходные по форме, но и слова, не сходные в этом отношении, например, *стол* и **table**, *дом* и **house** и т. п. Таких слов значительно больше, и представляют они не меньшую трудность как при обучении, так и при переводе.

Г. Т. КОСТЕНКО

ПЕРВЫЙ ОПЫТ СОСТАВЛЕНИЯ СПРАВОЧНИКА АНГЛИЙСКИХ ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Практика работы в вузе показывает, что в процессе преподавания часто возникает множество вопросов, связанных с нахождением английских соответствий русским литературоведческим терминам. В словарях общего типа такая терминология представлена недостаточно полно, а предлагаемые переводы бывают часто неточными. В таких условиях, естественно, возникает потребность в специальном лексикографическом пособии. Выпущенное издательством «Просвещение» пособие-справочник по английской литературоведческой терминологии[1] в известной мере отвечает этой потребности. Оно является первым пособием такого типа на английском языке и уже поэтому заслуживает внимания. Пособие представляет собой краткий справочник по английской литературоведческой терминологии, построенный по типу словарных статей и включающий свыше 400 терминов. Каждый термин снабжен этимологической справкой, сопровождается фонетической транскрипцией и переводом на русский язык. Материалом для иллюстративной части словаря служат цитаты из художественной литературы Англии и США.

В конце пособия помещены алфавитный перечень терминов на русском языке и список английских терминов, не имеющих эквивалентов в русском языке.

Небольшой библиографический указатель включает 16 названий, среди них толковые и специальные терминологические словари, изданные в Советском Союзе и за рубежом. Пособие адресуется студентам и преподавате-

[1] С. Я. Мосткова, Л. А. Смыкалова, С. П. Черняв-ская. English Literary Terms, изд. «Просвещение», Л., 1967.

лям английских отделений институтов и факультетов иностранных языков и имеет целью помочь им в работе с критической литературой, а также при анализе художественной литературы на английском языке.

Быть зачинателем — нелегкое дело, и совершенно очевидно, что авторы проделали большую работу по отбору терминологической лексики и составлению словника, основой которого являются традиционные термины английской литературной критики и стилистики. Среди них по праву занимают должное место статьи о важных понятиях общефилософского и эстетического порядка, о литературных направлениях и течениях, при толковании которых авторы учли успехи современного советского литературоведения.

Положительным моментом можно также считать включение в пособие некоторых терминов, отражающих новые явления в литературном процессе (напр., angry young men, the beats, theatre of the absurd). Правильно поступили составители словаря, уделив большое внимание терминам стихосложения и метрики — в общих словарях им отводится очень мало места.

Удачной представляется структура словарной статьи. Она обеспечивает достаточную информацию о фонетических и этимологических характеристиках термина, а также о его русских эквивалентах. Существенным моментом в словарной статье является пример, он часто дополняет толкование термина и придает ему необходимую конкретность.

Само толкование терминов не отягощено книжными словами или слишком специальными моментами в характеристике термина и отличается лаконичностью, простотой и доступностью изложения, что отвечает задачам популярного издания, каким и является данная работа.

Английская литературоведческая терминология отличается избыточностью средств для выражения одних и тех же понятий. Тут авторы поступают правильно, предлагая имеющиеся дублеты или отсылая к параллельно существующим в терминологии обозначениям. Жаль только, что в пособии нет сведений о их частности и относительной хронологии употребления.

Отмечая большую работу, проделанную авторами, и достигнутые положительные результаты, нельзя не остановиться на некоторых недостатках их труда.

Прежде всего словарю недостает критического духа и пропагандистской направленности. Словарные статьи, толкующие коренные понятия литературы (художественные методы, жанры и т. п.), бледны, конспективны, не носят боевой идейной заостренности. Примером могут служить словарные статьи, толкующие термины realism, decadence, impressionism, art for art's sake, и т. п.

Толкование термина decadence вмещается в пяти строчках, при этом две из них представляют собой простое перечисление различных его школ и направлений, которые определяются одним словом anti-realistic. Этого, на наш взгляд, недостаточно. Где же и раскрыть (пусть сжато, но по существу) порочную сущность этих реакционных течений, так щедро представленных в зарубежном литературоведении, если не в специальном пособии, цель которого состоит в том, чтобы помочь читателю разобраться в терминах, встречающихся в критических статьях и литературоведческих работах?

Еще бледнее выглядит словарная статья, толкующая термин realism. Выявление сути критического реализма фактически сводится к цитированию известного высказывания К. Маркса о «блестящей школе английских романистов XIX века». А как обстоит дело с реализмом на Западе в настоящее время? Продолжают ли писатели Англии и Америки традиции критического реализма? Об этом в словарной статье ни слова.

Полное недоумение вызывает отсутствие в пособии термина socialist realism. Неясно, какими соображениями руководствовались в данном случае составители. Отсутствие этого термина в зарубежных терминологических словарях, составители которых умышленно замалчивают, а буржуазные литературоведы фальсифицируют его, тем более обязывают советских специалистов раскрыть специфику и эстетическое богатство этого понятия. Это важно сделать еще и потому, что, как показывают труды прогрессивных английских литературоведов, социалистический реализм возник в Англии не на пустом месте, не «импортирован» из других стран, а является закономерным результатом развития английской художественной мысли.

Разумеется, «теснота» словарного режима вынуждает авторов прибегать к традиционному «телеграфному стилю» справочников. Но как бы ни была мала площадь

в такого рода издании, меньше всего надо скупиться, когда речь идет о теоретических терминах, связанных с явлениями мировоззренческого характера.

В связи с вышеуказанным авторов можно упрекнуть и в том, что пособие слабо отражает демократические и революционные традиции английской литературы (см. romanticism, Chartist poets, где ничего не сказано о революционной направленности романтизма Байрона и Шелли, о демократических традициях чартистской поэзии в современных песнях альдермастонских маршей), а также то, что оно мало популяризирует прогрессивных писателей и критиков Англии и Америки. Мы не предлагаем неоправданно расширять словарную статью за счет множества третьестепенных имен, но в ряде случаев, в частности в словарной статье под термином critic, желательна более подробная и свежая информация, дающая читателю нужную ориентацию в работе с английской критической литературой.

Неясным представляется принцип, которым руководствовались составители при отборе терминов. Целый ряд важных литературоведческих терминов (aesthetics, avant-garde, trope, invective, melodrama, tirade, resounner) не включен в пособие, тогда как общеизвестные слова, не являющиеся сугубо литературоведческими терминами (language, vocabulary, dialect, Standard English, philology, bibliography, etc.), широко представлены в нем (вот где резервы места!). Хотя авторы и включают некоторые термины, отражающие новые явления в литературоведении, здесь сделано далеко не все. В этом отношении всяческого одобрения заслужило бы введение бо́льшего числа новых терминов, извлеченных из источников последних лет (таких, например, терминов, как anti-novel, anti-hero, working-class novel, kitchen-sink drama и др.).

Совсем не представлены (за исключением the beats) термины американского литературоведения (muckrakers, New Humanism, New Criticism, digest, western, living newspaper), хотя в предисловии авторы не оговаривают своего намерения ограничиться только терминами, бытующими в литературоведении Англии.

Для пособия характерны и другие более мелкие недостатки. Вот некоторые из них.

Объем иллюстративного материала в словарной ста-

тье не всегда пропорционален надобности. Некоторые широкоизвестные термины сопровождаются обильными примерами (metaphor—4 обширных примера, epithet—3, epitaph—3, repetition—3), тогда как термины bathos и understatement, не имеющие русских эквивалентов, иллюстрированы недостаточно. Есть и неудачные примеры (см. словарную статью Anadiplosis).

В толковании терминов не учтены позднейшие сведения об их распространенности, о семантических сдвигах, это приводит в некоторых случаях к неточной интерпретации. Так, в пособии слово belles-lettres приравнивается слову fiction, тогда как, по сведениям словаря, этот термин сузил свои семантические границы и «...сейчас употребляется, главным образом, применительно к более легким жанрам литературы.»[2] (Перевод наш.—Ред.). В ряде случаев (см., например, статью Lake School) отсутствуют четкие хронологические характеристики.

Можно отметить и некоторые неудачные русские выражения: «отрицательный герой», вместо «отрицательный образ» (см. словарную статью «villain») и дословные переводы английских терминов на русский язык там, где следовало бы дать описательный перевод (например, «университетские умы», см. словарную статью «University wits»).

Несмотря на указанные недостатки, всегда неизбежные в работе, выполняемой впервые, авторский коллектив в основном справился с поставленной задачей — создал пособие, которое облегчит работу с критической литературой и будет способствовать углублению филологических знаний студентов.

---

[2] Fowler, Dictionary of Modern English Usage, 1965. (См. статью «belles-lettres»).

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕКСИКОЛОГИЯ

Р. Л. Ковалевский. К вопросу о принципах построения словообразовательных моделей 3

Г. Т. Костенко. О некоторых причинах неупорядоченности терминологий (На материале английской литературоведческой терминологии) 10

Б. Т. Лазарева. О синонимических связях в лексико-семантической группе 19

Б. Т. Лазарева. К вопросу об обязательном и факультативном окружении членов синонимического ряда 27

С. И. Подобед. К вопросу о семантических отношениях в группе слов, обозначающих названия частей тела 36

И. В. Сентенберг. Лексико-семантическая группа глаголов, обозначающих передвижение, и ее единицы (На материале английского языка) 44

И. В. Сентенберг. Функционирование лексико-семантической группы в речи (На материале глаголов, обозначающих самостоятельное передвижение субъекта в пространстве) . . 57

В. М. Соколова. Глаголы широкой семантики (На материале глаголов give и take) 68

Л. Н. Сычева, М. И. Шлихта. О некоторых видах синонимов в юго-западных говорах французского языка 75

Э. О. Травушкина. Уменьшительные имена существительные в «Путевых картинах» Генриха Гейне. 87

Э. О. Травушкина. Из наблюдений над переводом на русский язык уменьшительных существительных в «Путевых картинах» Генриха Гейне. 100

ГРАММАТИКА

С. И. Буракова. К вопросу о присоединительной связи в английском языке 112

О. Ф. Вакулина. Инфинитивный атрибутивный оборот и придаточное определительное предложение как синтаксические синонимы (На материале английского языка) 119

Т. В. Гусева. Инфинитивные и герундиальные обороты и придаточные-подлежащие как синтаксические синонимы . . 128

М. Т. Лазарева. Синонимия видо-временных. форм в современном английском языке 136

Л. В. Рубан. К вопросу о модальности несобственно-прямой речи 149

Е. Е. Тогунова. Местоимение sich в дательном падеже при глаголах и устойчивых словосочетаниях 160

О. Ф. Успенская. О некоторых особенностях семантических отношений в трехчастных сложных сочиненно-подчиненных предложениях с дополнительным придаточным в современном английском языке 168

В. Н. Филиппов. Глаголы must, should, ought, have, be как система средств выражения понятия необходимости . . 177

Л. М. Фураева. Придаточное предложение цели и инфинитив цели как синтаксические синонимы в английском языке 188

А. А. Арясова, И. В. Сентенберг. Англо-русский и русско-английский словарь «ложных друзей переводчика» . . . 198

Г. Т. Костенко. Первый опыт составления справочника английских литературоведческих терминов 202

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО РОМАНО-ГЕРМАНСКОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

Ученые записки, вып. 41.

Тех. редактор В. Ф. Крашенинникова. Корректор Е. П. Желтова.

Сдано в набор 28/XII 1970 г. Подписано к печати 7/VII 1971 г.
Бум. $84\times108^{1}/_{32}=10{,}92$ печ. л., 10,5 уч-изд. л. Тираж 500.
НМ 01207. Заказ № 36. Цена 80 коп.

Издательство «Волгоградская правда». Волгоград.
Привокзальная площадь, Дом печати.

80 кон.

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HIL
000005294326